

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Тульский государственный университет»

16+
ISSN 2071-6141

ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные науки

Выпуск 3

Тула
Издательство ТулГУ
2020

Председатель

Грязев М. В., д-р техн. наук, ректор.

Первый заместитель председателя

Воротилин М. С., д-р техн. наук, проректор по научной работе.

Заместитель председателя

Прейс В. В., д-р техн. наук, заведующий кафедрой, авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь

Фомичева О. А., канд. техн. наук, начальник Управления научно-исследовательских работ, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И. А. д-р полит. наук, – гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;

Берестнев М. А. канд. юрид. наук, – гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;

Борискин О. И. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Технические науки»;

Егоров В. Н. канд. пед. наук, – гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О. В. д-р пед. наук, – гл. редактор серии «Педагогика»;

Качурин Н. М. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Науки о Земле»;

Понаморева О. Н. д-р хим. наук, – гл. редактор серии «Естественные науки»;

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Батанина И. А., д-р полит. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь

Ваховский А. М., канд. полит. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Бродовская Е. В., д-р полит. наук (Московский педагогический государственный университет, г. Москва);

Васильева Н. А., д-р филос. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург);

Грачев М. Н., д-р полит. наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва);

Джанкар-Вебстер Б., д-р филос. наук (Государственный университет штата Нью-Йорк, США);

Домбровская А. Ю., д-р социол. наук (Московский педагогический государственный университет, г. Москва);

Назарова Е. А., д-р социол. наук (Институт государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва);

Огнева В. В., д-р полит. наук (Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел);

Римский В. П., д-р филос. наук (Белгородский государственный институт искусства и культуры, г. Белгород);

Стемпень-Кучинска А., д-р полит. наук (Лодзинский университет, Польша, г. Лодзь);

Шаронова С. А., д-р социол. наук (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Юрков С. Е., д-р филос. наук (ТулГУ, г. Тула)

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75990 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс 27844 по Объединенному каталогу "Пресса России"

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по следующим научным специальностям:

09.00.03 История философии;

09.00.11 Социальная философия;

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии;

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика. (политические науки, социологические науки)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 32: 374.32/316

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10301

К ВОПРОСУ О ПОЛНОЦЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Е. Н. Малик, Е. Ю. Голубинский, В. В. Костенко

Приведены результаты комплексного анализа процесса интеграции российской молодежи в системные общественно-политические отношения. Обоснована специфика положения молодежи как объекта и субъекта государственной политики и выявлены условия стимулирования ее общественно-политической активности. Авторы приводят объективные доказательства, что молодежь нельзя отнести к саморазвивающейся системе, ее позиция в обществе и политическом процессе обусловлена существующими социально-экономическими и политическими условиями. Процесс институционализации молодежной политики в России сопровождается изменением роли молодого поколения в политических и социальных процессах. Аргументирован вывод, что положение молодого поколения, становление и реализация его общественно-политического потенциала продолжают сохранять противоречивый характер.

Ключевые слова: молодежь, политический процесс, политическая субъектность, государственная молодежная политика, политическая социализация.

С одной стороны, молодежь рассматривают как объект политической социализации, воспитания, что определено особенностями исторического развития нашего общества. В этом ключе молодежь следует рассматривать как наиболее перспективный объект государственных инвестиций. С другой стороны, молодые граждане стремятся к проявлению своей индивидуальности, креативности, а с помощью групповых факторов активности, консолидированного интереса в рамках политической субкультуры они имеют большой потенциал оказать реальное влияние на ход политического процесса и демократизацию политического участия.

Одним из важнейших условий политической субъектности молодежи является ее политическое участие, гражданская идентичность, легальные формы проявления политической активности и др. Успешная интеграция молодого поколения в системные общественно-политические отношения, продуктивная реализации его инновационного потенциала выступают значимым фактором политического прогресса.

Задача субъектов государственной молодёжной политики – направить слабо контролируемую энергию молодого поколения по нужному вектору развития. Эта цель требует значительных усилий как от органов государственной власти, так и от институциональных структур граждан-

ского общества, так как общественно-политический потенциал молодежи должен быть эффективно использован для решения указанной амбициозной задачи.

Российская действительность свидетельствует о сохраняющемся декларативном характере государственной молодежной политики. Указанные тенденции обуславливают фрагментарный характер включения молодых граждан в политическую жизнь общества, что препятствует их полноценной интеграции в политический процесс. Вместе с тем молодежь - это движущий субъект процесса развития государственной молодежной политики, способный к прогрессивным преобразованиям существующих политических норм, ценностей и образцов поведения.

Следствием ослабления регулирующей роли институтов политической социализации молодежи в условиях социально-политических трансформаций являются процессы девиаций, потребительского отношения к жизни в молодежной среде, а также элементы радикализма и экстремизма. Эти явления имеют непосредственное влияние на рост политической апатии, недоверия современной молодежи к традиционными политическим институтам. Однако это означает не полную потерю интереса к политике и общественной деятельности, а скорее возрастающее предпочтение более неформальных способов участия в политической жизни общества, свободных способов самовыражения, для которых характерны более слабо структурированные формы гражданского участия. Политические ориентации и политические установки молодежи по объективным причинам подвижны, поэтому молодежь потенциально готова к любым начинаниям.

В современной науке нет однозначного мнения в отношении субъектной роли молодежи в политическом процессе. С одной стороны, молодежь рассматривают как объект политической социализации, воспитания, что определено особенностями исторического развития нашего общества. В советский период государство воспринимало молодежь, в частности комсомол, как молодого строителя коммунистического общества. Поэтому ценностные характеристики молодого поколения подводились под идеалы КПСС и приближались к целям социалистического строительства. Центральным вопросом воспитания оставался идеологический компонент ответственности революционным традициям отцов, а также выполнение программ индустриализации страны при мощном трудовом молодежном ресурсе. Все модели развития молодежной культуры (субкультуры), отражающей собственные ценности молодежного возраста, пресекались правительством, ВЛКСМ и были отнесены к девиациям тлетворного влияния Запада [1].

Также следует учесть и то обстоятельство, что молодое поколение в силу возрастных особенностей и неполноценного социального статуса является более социально уязвимой социальной общностью, а значит нуж-

дается в целенаправленной поддержке государственных и социальных институтов на этапе своего взросления.

С другой стороны, именно молодежь выступает базой общественных изменений, обладая инновационным потенциалом, более легко приспособляется к новым условиям. Немецкий ученый Карл Мангейм подчеркнул, что молодёжь является своего рода резервом, выступающим на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам [2].

Молодежь недостаточно понимать в традиционном смысле, только в качестве будущего общества, резерва демократических преобразований России. Ее необходимо оценивать как неотъемлемую часть современного общества, несущую особую, не заменимую другими социальными группами функцию ответственности за сохранение и развитие нашей страны, за преемственность ее истории и культуры, жизнь старших и воспроизводство последующих поколений. При этом, начиная свою самостоятельную жизнь, молодые граждане должны быть способны задать новый импульс процессу демократизации российского общества, реализовывать собственный потенциал социального новаторства.

В сложившихся условиях первостепенной задачей Президент В. В. Путин считает «вовлечение молодежи в общественно-политическую жизнь страны и привлечение ее к решению собственных проблем, поскольку трудно представить молодежную политику без самой молодежи» [3].

Если рассматривать молодежь как особый субъект политической жизни общества, а значит активный и значимый субъект проведения государственной молодежной политики, необходимо указать на следующие ее функциональные характеристики:

1) сегодня молодежь выступает главным стратегическим ресурсом воспроизводства социума;

2) именно молодым гражданам свойственен значительный инновационный потенциал, ориентация которого может иметь как конструктивную, так и деструктивную направленность (в зависимости от конкретных социально-экономических и политических факторов);

3) молодежь следует признать главным ресурсом, обеспечивающим национальную безопасность и обороноспособность государства;

4) мобильность, технологичность и стремление к освоению нового квалификационного уровня, присущие современной молодежи, а также способность оперативно адаптироваться к любым изменениям высоко востребованы в условиях современного рынка.

Вместе с тем ведомственный характер государственной молодежной политики проявляется и в том, что, с точки зрения ее институциональных субъектов, молодое поколение не представляет собой категорию, обладающую комплексом универсальных молодежных ролей и статусных

характеристик, оно разделено на страты и группы. То есть молодому поколению свойственна определенная внутренняя возрастная, социальная, экономическая и политическая дифференциация. Данные обстоятельства в значительной мере определяют модели социально-политической активности молодых граждан, условия их включения в общественно-политические практики, а также субъектную / объектную роль в проведении государственной молодежной политики [4, с. 28].

Аргументировано, что конкретные исторические условия общественного развития способствуют либо препятствуют формированию субъектности молодежи, определяют функционирование институтов социализации и воспитания подрастающего поколения и в целом влияют на процесс институционализации государственной молодежной политики. Среди них выделим основные: 1) внимание институтов государственной власти и гражданского общества к становлению общественно-политического потенциала молодого поколения; 2) создание государством и обществом реальных политических стимулов для активизации политического потенциала и гражданской самореализации молодежи; 3) обеспечение необходимых условий для реализации прав молодежи участвовать в демократических преобразованиях; 4) наличие системы социальных лифтов для молодого поколения.

Стоит сказать, что на политическую субъектность молодежи во многом влияет процесс ее политической социализации под воздействием таких институтов как, семья, образование, государство, армия, религиозные конфессии, политические партии, общественные организации и объединения, СМИ. Результатом политической социализации граждан является формирование политической культуры, представляющей собой совокупность мировоззренческих ориентиров, норм, традиций, представлений о политике. Политическая культура молодежи характеризуется ее специфическими политическими интересами, предпочтениями и установками, что указывает на признаки субкультуры. В структурном плане политические интересы молодых граждан содержат их точку зрения на деятельность властных институтов, а также оценку их практической работы по решению проблем в сфере молодежной политики. Таким образом, уровень политической культуры молодых граждан непосредственным образом влияет на их политическое поведение, и в целом на течение политических процессов, находя свое выражение, например, в таких формах как патернализм, политкорректность, популизм.

Стоит подчеркнуть, что интеграция молодых граждан в политическую сферу и дальнейшая направленность политического участия протекают под воздействием интегрированной системы политических, социально-экономических, исторических и культурных факторов. Социально-политические трансформации российского общества влияют на механизмы политической социализации подрастающего поколения, формирования его политического сознания. В ходе исследования мы предпри-

няли попытку сгруппировать основные условия и факторы, препятствующие становлению общественно-политического потенциала молодежи и повышению ее субъектности:

1) «объективные»:

а) нестабильное социальное и материальное положение на начальном этапе профессионального развития, отсутствие постоянного дохода и низкая заработная плата по причине малого опыта трудовой деятельности;

б) повышение конкурсных требований к получению высшего образования, высокая цена на оказание образовательных услуг на договорной основе, ограниченность его доступности;

в) лабильность политического сознания, подвижная система ценностных ориентаций и установок, а также отсутствие необходимого опыта политической деятельности;

2) «субъективные»:

а) рост индивидуализма, трансформация духовно-нравственной системы ценностей в современном обществе;

б) снижение или потеря интереса к политике;

в) низкий уровень политической и гражданской культуры на фоне роста «модели потребителя»;

г) рост уровня недоверия к властным институтам.

Наравне с приведенными факторами целесообразно указать и на фактический уровень гражданской идентичности молодого поколения. Здесь важное значение имеет оценка молодыми гражданами своей роли в развитии демократизации российского общества, а также осознание реального влияния на ход современного политического процесса. Повышение политической идентификации молодых граждан во многом зависит от готовности российского общества продуцировать общегражданские ориентиры, способные к интеграции населения страны. Здесь, как нам видится, активную позицию должны демонстрировать представительские властные структуры, политические партии, институты гражданского общества, молодежные объединения и союзы, СМИ. Данные институциональные общности имеют свои ресурсы и возможности, используя которые они и формируют свою модель молодежной политики.

Социально-политические преобразования российского общества, протекающие под влиянием общемировых процессов, усложняют институционализацию государственной молодежной политики. Наш анализ показал, что актуальными проблемами в данной сфере остаются следующие: отсутствие четких ориентиров и целей государственной молодежной политики в условиях глобализации, новых вызовов мирового сообщества, массовизации культуры, медиатизации политики и других вызовов современности; незавершенность нормативно-правовой базы, регламентирующей сферу реализации государственной молодежной политики; «низкий статус и дезинтеграция деятельности учреждений по работе с молодежью, отсутствие полноценной инфраструктуры организаций, адекватно отвечающей

потребностям и интересам молодого поколения» [5, с. 57]; низкий уровень финансового обеспечения государственной молодежной политики, как в целом и всей социальной политики государства и т. д.

С учетом данных обстоятельств, государственная молодежная политика должна проводиться с целью полноценной интеграции молодого поколения в деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, общественных структур. При этом немаловажное значение имеет гражданская и политическая идентификация молодого поколения, система мотивации и духовно-нравственных ориентиров, что в целом формирует модель их общественно-политической активности.

Сегодня многие из экспертов высказывают мнение, что российская молодежь проявляет низкий уровень политической культуры, не заинтересована инвестировать свою энергию в развитие гражданского общества, проявляет безучастность к региональным практикам и деятельности институтов местного самоуправления. В своем большинстве российская молодежь еще не готова демонстрировать зрелый уровень политической культуры. Такие важные ее слагаемые, как инициативность, устойчивый интерес к деятельности государственных и общественных институтов, гражданская ответственность, и самоорганизация, молодые граждане не выдвигают на первый план в иерархии своих ценностных ориентаций [6, с. 32]. Отсутствие данных устремлений во многом затрудняет политические ориентации и стимулы молодежи, осознание значимости своей субъектной роли в политическом процессе страны.

За последние годы мы наблюдаем некоторое усиление ориентаций российской молодежи на индивидуализм, конкурентоспособность, самостоятельность, «выражение личности». Так, около 72 % молодых граждан указывают на важность материального положения; 68 % отметили ценностный смысл «свободы»; 53 % верят, что «риск дает шанс на успех». Несмотря на то что в молодые граждане признают значимость таких основных демократических ценностей, как права и свободы, уровень их интереса к политической сфере неустойчив и невысок [7, с. 32].

Указанные факторы непосредственным образом влияют на реализацию политического и общественного потенциала молодых граждан, а также их политическое поведение. Высокий уровень выражения политической субъектности молодежи проявляется в ее интеграции в сферу политических отношений, активном участии в деятельности органов государственной власти и институциональных структур гражданского общества. Напротив, выражение абсентеистических настроений, апатии, нигилизма, недоверия политической и административной элите говорит о полном самоотчуждении от политического процесса, что в принципе свойственно для большинства современной молодежи.

И здесь целесообразно выявить, какова же степень самостоятельности молодежи при участии в политическом процессе и институционализации государственной молодежной политики при реализации своего обще-

ственно-политического потенциала. В зависимости от положения молодежи в обществе ее роль на разных стадиях политпроцесса может меняться: где-то она выступает субъектом отношений, а в другом случае, под влиянием различных факторов, она может стать объектом воздействия политических сил.

Нельзя не указать на молодых граждан, которые в силу своей политической апатии и осознания низкой степени своей субъектной роли в политическом процессе демонстрируют политическое поведение, которое следует охарактеризовать как абсентеистское. Как отмечает В. А. Крикунова, «в большей степени это объясняется психологической реакцией на гиперполитизацию в период предвыборных кампаний и систематическое игнорирование требований молодежи в период между выборами» [8, с. 108]. Представители данной группы приходят к пониманию, что политические акторы видят в них лишь ресурс для получения своего конкурентного преимущества и электоральной поддержки, а не являются активными выразителями интересов молодежи. Также политическая инертность молодых граждан возникает из-за их неверия в справедливость и прозрачность выборов. При этом неконвенциональные формы политического участия здесь оказываются практически неприемлемыми.

Активными сферами проявления общественно-политического участия и субъектности российской молодежи следует назвать: государственную и общественную молодёжную политику; участие в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; членство в политических партиях и молодёжных общественных объединениях, гражданских инициативных организациях и т. д. В среднем численность молодежи, демонстрирующей общественно-политическую активность, составляет от 1 % до 6 %. Представители данной группы выражают стремление к активному участию в политическом процессе, верят в собственные силы и свою значимую роль в демократизации российского общества.

Наряду с перечисленными легальными (конвенциональными) способами выражения, политическая активность может быть и нелегальной (неконвенциональной), это, например, такие способы выражения как несанкционированные уличные акции, митинги, мятежи; деятельность антиобщественных и экстремистских организаций.

Наш анализ показал, что факторами вовлечения молодежи в ряды протестного движения являются:

- 1) пропаганда в СМИ западных ценностей и идеологии, направленной на разрушение массовой культуры, подмену культурных кодов;
- 2) использование организациями псевдопатриотической и антисоциальной направленности сетевых технологий для мобилизации молодежного сознания;
- 3) пропаганда оппозиции «успеха» активистов революционных и реакционных движений: от аргентинского Че Гевары до представителей российской внесистемной оппозиции. Такие приемы ориентированы на

внушаемость молодежи, неустойчивость ее политического сознания и ориентаций. Молодежь всегда захватывал революционный дух, и так как энергия у некоторой части подростков не находит конструктивного выражения, то заманчивые предложения со стороны оппозиционного движения сразу привлекают к себе внимание.

Также нельзя не сказать об «интернет-социализации» современной молодежи. В сетевом пространстве Интернет свои законы, своя система ценностей. Современная молодое поколение сильно зависимо от квазипубличности и рейтинга просторов своей странички в социальных сетях. Очевидно, что такая интернет-зависимость молодежи в силу подвижности ее политических ориентаций и установок, лабильности сознания будет и уже используется в самых разных, в том числе и политических, целях. «Молодым гражданам стараются доказать, что они – сила, готовая к новым свершениям, к разрушению старого порядка и оформлению нового строя» [5, с. 84]. Это может привести к дезорганизации молодого поколения, «раскручиванию» русофобии и псевдопатриотизма. Примерами могут послужить «белоленточное» движение 2011 – 2013 гг. и протестные акции на Большой Якиманке и Болотной площади, Воскресный марш памяти Б. Немцова, протестные антикоррупционные акции, спровоцированные «Фондом борьбы с коррупцией» и др.

Вместе с тем у подростков чаще за митингом стоит не политическая позиция, а «драйв». Участие молодого поколения в акциях протеста все чаще связано с «эффектом акционизма, приносящим вал просмотров YouTube, поток лайков и репостов в социальных сетях» [9]. Энергетика молодого поколения достаточно высокая, она требует каналов для самореализации. При этом уровень формирования политической культуры молодых людей не позволяет им адекватно оценить сложные социально-политические трансформации российского общества и современные тенденции мирового политического процесса. Поэтому задачей органов государственной власти, в первую очередь по работе с молодежью, выступает разработка действенных механизмов по эффективной реализации общественно-политического потенциала молодого поколения в системе государственной молодежной политики. В свою очередь институты и агенты политической социализации молодежи обеспечат позитивную ориентацию слабо контролируемой энергии молодых граждан по нужному вектору развития. Специфика содержания и направленность данного процесса на конкретном этапе развития общества влияет на формирование моделей политического участия молодого поколения в политическом процессе страны.

Из этого следует, что в условиях социально-политических трансформаций российского общества положение молодого поколения продолжает сохранять противоречивый характер. Во-первых, молодежь выступает базовым социальным ресурсом общественных изменений, так как демонстрирует быструю адаптацию к социально-политическим преобразованиям и готовность к инновациям. В своем большинстве молодежь стре-

мится к демонстрации своей индивидуальности. Около 36 % молодых респондентов убеждены, что важным направлением государства является «создание условий для самовыражения, самореализации молодёжи» [10]. Молодые граждане по-другому относятся к политической системе, чем предыдущие поколения. Молодое поколение отличается от взрослого населения прогрессивными установками, инновационным мышлением, предрасположенностью к новым моделям поведения, в том числе и в политике. Современная молодежь активно демонстрирует модели «цифрового участия» во всех сферах развития общества – от «цифрового» электорального участия до цифровизации бизнеса. Мы разделяем мнение Е.С. Устинович, что «стратегии цифрового развития способствуют сквозной интеграции информационно-технологических стратегий в будущем» [11, с. 114]. Тем самым молодежь более свободна в выборе направленности развития российского общества, в том числе своей политической субъектности. Поэтому по праву молодежь называют ключевым стратегическим ресурсом развития современного государства.

Во-вторых, если рассматривать молодое поколение как объект воздействия институтов молодежной политики, то следует взять во внимание тот факт, что на начальном этапе интеграции в систему общественных отношений оно наиболее социально уязвимо как общность и нуждается в поддержке как государственных институтов, так и институтов гражданского общества. По мнению самой молодежи, 33 % респондентов убеждены, что государственная молодежная политика «соответствует интересам молодежи», 44 % респондентов отметили, что «никак не затрагивает», и 20 % высказали мнение, что «противоречит интересам молодёжи». Также, 51 % опрошенных молодых граждан указывает на необходимость институтов государства «оказывать молодёжи социальную поддержку, защищать её интересы» 29 % отводят данную роль молодежным организациям и объединениям и лишь 10,9 % молодых граждан готовы принять активное участие в разрешении проблем молодежи [10]. Таким образом, российская молодежь продолжает демонстрировать патерналистский тип политической культуры, что характеризуется отстраненным отношением к деятельности органов государственной власти и низкой оценкой собственной общественно-политической компетенции.

В-третьих, в молодежной среде одновременно интегрированы прогрессивно и критически настроенные к политике молодые люди, а также полностью инертные и безразличные. По мнению Ю. В. Манько и К. М. Оганяна, «как объект политики молодёжь проявляет себя в следующих «ипостасях»: в качестве «зрителя» политической игры, пассивно наблюдающего, кто победит, обманет; «испытательного полигона» при проведении различного рода экспериментов» [12, с. 244-243]. С одной стороны, склонность молодежи более критично относиться к политической системе и правящим элитам, в том числе к политическим партиям, может и не вызывать беспокойства. Но с другой, пассивное участие молодого поко-

ления в демократическом процессе (минимальным требованием здесь будет участие в голосовании на выборах) становится причиной развития апатичности у большинства молодых граждан, что ведет к снижению явки на выборах, появлению значительного числа крайне плохо политически информированных избирателей, циничных граждан и менее вовлеченных в жизнь местных сообществ людей [12]. Указанные тенденции могут способствовать развитию мобилизационного поведения в молодежной среде, в том числе в неконвенциональных формах.

Также следует рассмотреть причины и последствия недостаточной вовлеченности молодежи в формальную политику, а также формирования ее субъектности в демократическом процессе. Концептуальный подход «безразличного гражданина» указывает, что молодые граждане могут выражать свой интерес к политике без того, чтобы быть активно вовлеченными в деятельность формальных политических партий, они могут участвовать в политических действиях, не голосуя на выборах и не демонстрируя свою приверженность какой-либо политической партии. Они могут многое знать по отдельным политическим проблемам, одновременно оставаясь крайне скептически настроенными по поводу своих шансов оказать реальное влияние на принятие соответствующих политических решений. Более того, они могут участвовать в действиях, которые являются политическими в широком смысле этого слова, не проявляя никакого интереса к самой политике. «Кроме того, в настоящее время в некоторых российских регионах сохраняется ситуация неполного охвата молодёжи учреждениями органов по делам молодёжи и их услугами, наблюдается снижение активности формирования эффективных механизмов управления и финансирования данных учреждений» [13, с. 23–24].

Таким образом, несмотря на то что молодые люди в меньшей степени вовлечены в формальную политику, они выражают обеспокоенность более общими проблемами, которые также могут трактоваться в качестве политических. Они часто вовлечены в кампании, нацеленные на решение какой-то одной конкретной проблемы, рассматриваемой молодыми как имеющей непосредственное отношение к их собственной жизни. Главные показатели эффективности работы по вовлечению молодежи в указанные процессы:

1) охват молодежи - если проект интересен молодым людям, то он развивается, появляется конкурс при отборе и т.д. Если нет интереса и нет изменений, то со временем он исчезает;

2) качество подготовки участников и проработанность проектов (касаемо образовательных форматов и конкурсов);

3) качество и проработанность в организации мероприятий самими специалистами молодежной политики;

4) жизнеспособность и развитие отдельных актуальных проектов после конкурсов;

5) количество молодых людей «на входе» в определенный процесс и

«на выходе»;

б) дальнейшее развитие (личное, профессиональное) молодежи, вышедшей из проектов молодежной политики;

7) безусловно, общественное мнение о молодежной политике (оно складывается из сюжетов СМИ, которые освещают жизнь молодых людей, так или иначе принявших участие в ее реализации («сарафанное радио»));

8) количество партнеров (как показывает практика, если окружающие видят работу и ее результат, то и сотрудничают охотнее, а порой и сами предлагают спонсорскую помощь);

9) наличие или отсутствие негативных ситуаций (жалобы, недовольство деятельностью молодежных организаций со стороны участников, родителей, партнеров.

Напротив, теория «*культурного сдвига*» политического участия молодежи выдвигает альтернативную точку зрения. Сторонники данного подхода убедительно доказывают, что молодежь интересуется политикой не меньше взрослых. Мы разделяем мнение исследователей, что молодежь не аполитична и готова принимать участие в происходящих политических событиях, но не на формализованном и строго организационном уровне, а индивидуально. Как справедливо заметил А. А. Малькевич, «это не столько молодые люди стали безразличными к политике, сколько политические представители оказываются далекими, поглощенными собственными проблемами и не способными соответствовать жизненному опыту молодых людей...» [14, с. 55]. Во-первых, традиционный стиль политической коммуникации, используемый различными субъектами, часто не совпадает с моделями политической субкультуры молодежи, он во многом отстает от «онлайновой» стратегии инновационного развития молодого поколения. Во-вторых, социально-политические и культурные трансформации способствовали тому, что традиционные социальные и культурные институты (семья, добровольные объединения, церкви, рабочие организации), которые обеспечивали коллективное политическое значение, символы и власть для молодых людей, оказались перед вызовом со стороны процессов деинституционализации. Вследствие чего в основе социального конструирования политической идентичности молодых людей лежит мобильность, индивидуализация и консьюмеризм.

Таким образом, мы приходим к заключению, что молодежь невозможно однозначно рассматривать как саморазвивающуюся и самодостаточную систему. Ее формы интеграции в политический процесс во многом зависят от реальных социально-экономических и политических условий развития современного общества.

Положение молодого поколения, становление и реализация его общественно-политического потенциала продолжает сохранять противоречивый характер. С одной стороны, молодежь рассматривают как объект политической социализации, воспитания, что определено особенностями исторического развития нашего общества. В этом ключе молодежь следует

рассматривать как наиболее перспективный объект государственных инвестиций. С другой стороны, молодые граждане стремятся к проявлению своей индивидуальности, креативности, а с помощью групповых факторов активности, консолидированного интереса в рамках политической субкультуры они имеют большой потенциал оказать реальное влияние на ход политического процесса и демократизацию политического участия.

Следовательно, необходимо переориентировать систему политической социализации молодого поколения с учетом оптимизации механизмов государственной молодежной политики. Новые условия политической конъюнктуры обуславливают максимальную заинтересованность российского государства и общества, вопреки патерналистским традициям, в результативной активизации ресурсов молодого поколения. Архиважным является утверждение в России интегративной модели государственной и общественной молодежной политики, согласно которой, молодежь является ее неотъемлемым субъектом.

Формализованность государственной молодежной политики может быть устранена путем нормативного закрепления и четко сформулированной национальной идеи, отвечающей вызовам времени. Государственные институты при активной роли молодежного сегмента гражданского общества должны сделать важнейший шаг для формирования, продвижения и модернизации духовно-нравственной системы российского общества, стратегии национального развития.

Интенсификация государственной молодежной политики зависит от конструктивного взаимодействия государства и молодежного сегмента гражданского общества, основанного на полноценном участии молодежных институциональных структур в политическом процессе. Налаженная система государственной поддержки молодежных инициатив обеспечит: эффективное развитие органов молодежного представительства; расширение сферы их влияния в органах государственного и муниципального управления; реализацию прав молодых граждан принимать участие в разработке государственных решений; активизацию социально-политического потенциала молодого поколения, используя технологии участия в легальных институтах государственной власти.

Сегодня крайне важно, чтобы субъекты государственной и общественной молодежной политики занимались пропагандой традиционных ценностей российского общества, создавали диапазон действительных социальных возможностей для повышения общественно-политического потенциала молодых граждан.

Государству целесообразно стимулировать деятельность политических партий и молодежных общественно-политических организаций, которые содержат в себе достаточный социализирующий потенциал. У российской молодежи должен быть сформирован высокий уровень политической и гражданской культуры для легитимного выражения и отстаивания своих политических идей.

Список литературы

1. Петухов В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические установки и политическое участие // Политические исследования. 2012. № 4. С. 56-62.
2. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 538 с.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения: 16.04.2020).
4. Малик Е.Н. Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики / П. А. Меркулов, Е. Н. Малик, Е. С. Бакалдина, А. Л. Елисеев // Власть. 2015. № 10. С. 27–32.
5. Мурадова М. В. Социологические методы исследования молодежного протеста // Вестник КемГУ. 2013. № 4 (56). Т. 2. С. 83–86.
6. Грунистая О. С. Государственная молодежная политика в РФ: проблема организационно-правового обеспечения // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2019. № 13. С. 29–34.
7. Данные Фонда общественного мнения. Исследование «О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности». Опрос «ФОМнибус» 6–7 сентября 2019 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11748> (дата обращения: 25.03. 2020).
8. Крикунова В. А. Формирование молодежной политической культуры в современной России: дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2009.
9. Черевко М. Эксперты рассказали, почему молодежь участвует в акциях протеста [Электронный ресурс]. URL: <http://newsnn.ru/article/general> (дата обращения: 25.08 2020).
10. Данные Фонда общественного мнения. Исследование «О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности». Опрос «ФОМнибус» 6–7 сентября 2019 г. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11748> (дата обращения: 25.08 2020).
11. Устинович Е. С. Государственная политика развития цифровой экономики в России // Известия Юго-Западного государственного университета. История и право. 2018. Т. 8. № 1 (26). С. 112–115.
12. Манько Ю. В., Оганян К. М. Социология молодёжи. СПб.: СПбГИЭУ, 2006. 314 с.
13. Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Монография. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. 322 с.

14. Малькевич А. А. «Культурное смещение» «безразличных граждан»: к вопросу о современных концепциях политического участия молодежи // Социум и власть. 2010. №1. С.54-58.

Малик Елена Николаевна, канд. полит. наук, доц., malik57-elena@mail.ru, Россия, Орёл, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования "Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации",

Голубинский Евгений Юрьевич, канд. техн. наук, darzhek@yandex.ru, Россия, Орёл, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования "Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации",

Костенко Валерий Валерьевич, veldinc@gmail.com, Россия, Орёл, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования "Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации"

TOWARDS THE FULL INTEGRATION OF RUSSIAN YOUTH IN THE POLITICAL PROCESS

E. N. Malik, E. Y. Golubinsky, V. V. Kostenko

The article presents the results of a comprehensive analysis of the process of integration of Russian youth into systemic socio-political relations. The specifics of the situation of young people as an object and subject of state policy and the conditions for stimulating their socio-political activity are justified

The authors provide objective evidence that young people cannot be attributed to a self-developing system; their position in society and the political process is due to the existing socio-economic and political conditions. The process of institutionalization of youth policy in Russia is accompanied by a change in the role of the younger generation in political and social processes.

Key words: youth, political process, political subjectivity, state youth policy, political socialization

Malik Elena Nikolayevna, candidate of political sciences, associate professor, malik57-elena@mail.ru, Russia, Orel, The Federal state government military educational institution of higher education "The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation",

Golubinskiy Evgeny Yurievich, candidate of technical sciences, darzhek@yandex.ru, Russia, Orel, The Federal state government military educational institution of higher education "The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation",

Valery Valerievich Kostenko, veldinc@gmail.com, Russia, Orel, The Federal state government military educational institution of higher education "The Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation".

О ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОРЕ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Л. Ф. Шаламова, Н. Ю. Лесконог

Авторы обращают внимание на необходимость гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи, в особенности будущих педагогов и вожатых, являющихся трансляторами для детей традиционных для российского общества ценностей и смыслов. В материалах статьи представлены итоги проведенного авторами опроса студентов, изучающих основы вожатской деятельности в рамках основных образовательных программ высшего образования и программ дополнительного профессионального образования. Делается акцент на необходимости улучшения работы со студентами по формированию их гражданской идентичности, гражданственности и патриотизма, раскрывается некоторый опыт этой работы, сложившийся в МПГУ.

Ключевые слова: студенческая молодежь, педагог, вожатый, основы вожатской деятельности, воспитательная работа, российская национально-государственная идентичность, гражданская идентичность, патриотизм, социальная активность.

Перед российским государством в современный период стоят задачи укрепления внутреннего единства российского общества, обеспечения социальной стабильности в стране, повышения обороноспособности страны и др. Очень важно, что эффективные решения поставленных задач требуют пересмотра системы воспитания подрастающего поколения, сложившейся в современной России. Вопросы воспитания, необходимость воспитательной работы в образовательных организациях обозначены Президентом Российской Федерации [1].

В законопроекте Президента Российской Федерации № 960545-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" воспитание определяется как деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства любви к Родине, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа России [1].

Очевидно, что ведущая роль в гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения помимо органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений, семьи, других

социальных институтов должна принадлежать российской системе образования.

Авторы разделяют мнение о том, что «нормальное функционирование и последовательное развитие общности в любую историческую эпоху напрямую зависит от того, как в ней налажен механизм включения в ее структуру и жизнедеятельность новых поколений, каковы потенциальные возможности их развития и какие социальные условия созданы для их реализации» [2, с. 33].

В этой связи особую значимость приобретает качественная подготовка педагогических кадров, которая помимо обучения методикам и технологиям организации воспитательной работы с детьми должна включать и механизмы формирования российской национально-государственной, гражданской идентичности, гражданской позиции студентов, совершенствование всей системы гражданско-патриотического воспитания будущих учителей и вожатых, поддержку и развитие социальной активности студенческой молодежи.

Но что такое идентичность? Мы граждане России формально, по паспорту, или реально? Что делает идентичность реальной, полноценной? Несколько компонентов. Во-первых, это общие системы смыслов, среди которых наиболее важную роль играет язык как средство социальной коммуникации. Во-вторых, общие ценности и вытекающие из них нормы поведения, в-третьих, символы, которые объединяют (а иногда и разъединяют) нас, россиян. И наконец, важный элемент – это базовые представления. Здесь необходимо упомянуть представления о «других», поскольку, если есть «мы», то существуют и «другие». И, конечно же, ключевую роль в системе наших представлений играют представления об историческом времени – образы прошлого, настоящего и будущего. Без прошлого нет будущего, а без будущего теряется чувство «мы», оно как бы расплывается, становится аморфным. Поэтому образы прошлого и будущего – наиболее существенные компоненты, вокруг которых строится российская идентичность [3].

За основу понятия гражданской идентичности в данной статье берётся определение, данное А.Г. Асмоловым, который формулирует ее «как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе» и отмечает, что «гражданская идентичность в отличие от понятия «гражданство» имеет личностный смысл» [4].

При этом мы исходим из устоявшейся в научной среде мысли о том, что структура формирования идентичности может быть представлена четырьмя компонентами:

- *когнитивным* – осознание и признание своей принадлежности к определенной социальной общности;

- *ценностно-смысловым* – отношением, которое испытывает индивид к этой принадлежности на основе сформировавшихся у него установок, ценностей и мировоззренческих принципов. При этом возможны три состояния отношения к принадлежности: негативное, позитивное, амбивалентное;

- *эмоциональным* – принятием или неприятием своей принадлежности;

- *деятельностным* – уровнем проявления гражданской активности, участием в различных социальных практиках, имеющих социальную значимость и полезность, ориентированных на общественный прогресс [5].

Фундаментом гражданской идентичности молодых людей является система представлений их о своей стране, наличие гордости за ее достижения, уровень доверия к органам государственного и местного управления и готовность к сотрудничеству с ними. Одним из важнейших факторов, позволяющих эффективно формировать российскую национально-государственную, гражданскую идентичность, является история нашего государства, историческая память.

С целью определения сформированности социальных установок, ценностей, гражданской идентичности студентов, выразивших желание пройти обучение по основам вожатской деятельности (программа профессионального обучения «Вожатый», программа модуля «Основы вожатской деятельности» в рамках основной образовательной программы высшего образования, программа дополнительного образования «Введение в основы вожатской деятельности», курсы повышения квалификации «Информационно-медийное сопровождение деятельности вожатого»), сотрудниками Федерального координационного центра по подготовке и сопровождению вожатских кадров ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (далее – ФКЦ МПГУ) весной 2020 года был проведен опрос. В исследовании приняли участие более 150 респондентов из 14 субъектов Российской Федерации. Все респонденты проходили обучение на базе ФКЦ МПГУ. Выборка была случайной, вероятностной.

Ответы будущих педагогов и вожатых заставляют серьезно задуматься: и хотя всего восемь процентов респондентов воспринимают свою страну негативно (безнадежно отсталой страной без будущего воспринимают свое государство 5 % опрошенных, и еще 3 % считают ее сырьевым придатком Запада), только каждый четвертый респондент испытывает гордость за свою Родину (25,5 %). Значительная часть опрошенных студентов (40 %) заняли нейтральную позицию: для них Россия – всего лишь страна, в которой они живут.

При подобном разбросе мнений и понятий важно выявить, что у студенческой молодежи может вызывать чувство гордости за свою страну.

Респондентам было предложено выбрать не менее трех вариантов ответов или добавить свои индикаторы.

Абсолютное большинство респондентов (68 %) считают, что особым предметом гордости за Российскую Федерацию могут являться природные богатства нашей страны.

Немногим более половины участников опроса (53,5 %) отметили, что гордость может вызывать Победа над фашизмом в Великой Отечественной войне. В год 75-летия Победы авторами были ожидаемы более высокие результаты по этой позиции, хотя опрос проходил во время карантина и самоизоляции, связанных с COVID-19, и совпал с переносами очень важных и запоминающихся событий: юбилейного Парада в День Победы, акции «Бессмертный полк», голосования по поправкам в Конституцию Российской Федерации.

У 44,4 % студентов, участвующих в исследовании, может вызвать гордость вклад российского государства в развитие мировой культуры. Всего лишь 29,6 % участников исследования могут гордиться вкладом России в развитие цивилизации в целом и примерно столько же (28,2 %) – ролью российских ученых в мировой науке.

Высокий оборонный потенциал нашей страны вызывает гордость только у 16,2 % респондентов.

Не вызывает гордости у участников опроса отношение государства к своим гражданам.

Акцентируем внимание, что опрос проводился во время пандемии коронавируса COVID-19 и органы федеральной, региональной власти предпринимали активные действия по защите и социальной поддержке граждан в сложившейся ситуации. Но, видимо, с точки зрения студенческой молодежи, этих действий было недостаточно; либо они посчитали, что меры, представленные в СМИ, не соответствовали действительности, и в той или иной мере это повлияло на ответы студентов.

Не менее важной основой гражданской идентичности является самоидентификация молодых людей со страной, в которой они проживают, со своей нацией.

Опрос показал, что только половина из респондентов (52,8 %) обозначила, что они идентифицируют себя как «граждане России»; 19,7 % идентифицируют себя со своей национальностью (русский, башкир, украинец и другая национальность); лишь 8,5 % отвечающих обозначили себя как «россиянами». 12,7 % респондентов вообще об этом не задумываются. А в качестве единичных других ответов обозначены следующие версии:

- я - москвич (или житель какой либо территории России) – 2,8 %;
- я - гражданин мира – 0,7 %;
- я - человек - 0,7 % и др.

Нет однозначности у молодых людей и в определении понятия «гражданственность».

Надо признать, что больше половины участников исследования (66,2 %) его понимают адекватно, как «сознательное и активное выполнение человеком своих гражданских обязанностей и гражданского долга, разумное использование своих гражданских прав и свобод» [6].

Однако 14,1 % участников опроса связывают его просто с фиксацией принадлежности к какой-либо стране; чуть меньше (9,2 %) – с наличием патриотизма, гордости за свою страну, наличием чувства национального достоинства; 7,7 % студентов считают, что «гражданственность» – это активная, созидательная деятельность на благо страны, общества, для 2 % - это членство в различных организациях (причем в индикаторах даже не уточнялось в каких, не сделали этого и выбравшие данную позицию). Другой точки зрения придерживаются 1,4 % участников опроса, но они ее не обозначили.

Следует заметить, что подобный разброс ответов отражает реальную ситуацию в общественном и научном мнении. Несмотря на то что в научном мире признается, что гражданственность является стержнем формирования и развития личности, однозначность понимания этого термина в научной литературе отсутствует [7].

Не дается трактовка этого понятия и в государственных документах.

Например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в качестве «стратегической цели обеспечения национальной безопасности в области культуры» определено «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности» [8], но само понятие «гражданственность» тем не менее не уточнено.

Поскольку чрезвычайно важной задачей по гражданскому воспитанию подрастающего поколения является формирование у него чувства патриотизма, целесообразно было выяснить мнение будущих педагогов и вожатых о том, что значит для них «быть патриотом». В ответе и на этот вопрос мнения существенно разошлись: 57,1 % опрошенных придерживаются мнения, что быть патриотом означает «служить Родине, любить её, укреплять ее рубежи и защищать их»; каждый третий участник опроса (29,3 %) вкладывает в это понятие «любовь к национальной культуре, следование традициям своей страны»; 5,7 % считают, что это означает: «жертвовать своими личными интересами ради достижения интересов страны».

При ответе на этот вопрос было обозначено достаточно много иных позиций. Мы приводим некоторые из них. Быть патриотом в понимании студенческой молодежи означает:

- активно участвовать в жизни своего государства, отстаивать свою гражданскую позицию для совершенствования и развития нашего государства;

- защищать тех, кто слабее;
- иметь мужество вмешаться, когда видишь курящих школьников;
- иметь уверенность, что ты не изменишься даже под дулом пистолета, честь, которую сохраняешь в таком случае;
- уважать и ценить то место, где ты живешь;
- не допускать нахождения у власти людей, не заинтересованных в достижении интересов населения и др.

Радует, что абсолютное большинство будущих педагогов относят себя к категории патриотов России – 83,8 %. Причем каждый третий делает это без колебаний – 32,4 %. 48,6 % респондентов готовы в той или иной степени пожертвовать своими личными интересами ради интересов страны. Однако вызывает тревогу, что 16,1 % участников опроса, которые выбрали для себя педагогическую деятельность, которые готовятся работать вожатыми в школах, организациях отдыха и оздоровления детей, к категории патриотов себя не относят.

Частично объясняет эту ситуацию кризис доверия к органам власти.

Большинство студенческой молодежи затрудняется дать ответ, доверяют ли они тем ли иным органам власти или их представителям. Так, 40,8 % респондентов не смогли определиться с доверием Президенту Российской Федерации, 54,9 % – с доверием к Правительству России; 45,8 % – с доверием к руководителю субъекта Российской Федерации. Для сравнения мы показываем результаты опроса участников движения студенческих педагогических отрядов, проходивших подготовку для работы вожатыми в детских оздоровительных организациях летом 2011 года, проведенного Институтом молодежной политики социальных технологий МАТИ – Российского государственного технологического университета имени К.Э. Циолковского. Мы видим, что в 2020 году практически по всем индикаторам существенно снижается процент респондентов, выражающих недоверие к органам власти. И в то же время возрастает количество участников опроса, которые затрудняются с ответом на данный анкетный вопрос. (Более полную картину можно увидеть в таблице.)

Это говорит в первую очередь о том, что студенческая молодежь в силу причин, которые необходимо выяснить в последующих исследованиях, не очень хорошо ориентируется в понимании деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих.

Прежде всего это связано с низким уровнем политической культуры молодежи, недостаточным информированием о принимаемых органами

власти стратегических решениях, в том числе касающихся поддержки молодежи.

**Ответы респондентов на вопрос о выражении доверия
к органам власти, должностным лицам, государственным
и муниципальным служащим**

Объект доверия	Ответы в %	
	2020 г.	2011г.
1	2	3
Президент Российской Федерации		
доверяю	38,80	46,6
не доверяю	20,40	23,3
затрудняюсь ответить	40,8	30,1
Правительство Российской Федерации		
доверяю	19,0	29,3
не доверяю	26,1	36,2
затрудняюсь ответить	54,9	34,5
Руководитель субъекта РФ		
доверяю	38,7	12,8
не доверяю	15,5	51,3
затрудняюсь ответить	45,8	35,9
Представители органов местного самоуправления		
доверяю	22,7	9,1
не доверяю	19,7	58,8
затрудняюсь ответить	57,6	32,1
Государственные служащие		
доверяю	28,4	5,3
не доверяю	22,7	66,3
затрудняюсь ответить	48,9	28,3

Разошлись мнения участников опроса и в ответе на вопрос: «Как государство, по вашему мнению, относится к молодежи?» Только каждый третий считает это отношение заинтересованным – 34 %. Также треть участников исследования (35,5 %) предполагает, что молодежь используется государством в своих интересах. Каждый шестой респондент считает отношение государства к молодым людям безразличным. А у четырнадцати оставшихся процентов респондентов имеется иное мнение, но оно не обозначено.

И все же, несмотря на достаточно сложную, противоречивую картину отношения участников исследования к органам государственной власти и местного самоуправления, только 8,5 % из них не желают взаимодействовать с ними. Еще 10,6 % респондентов по различным причинам не считают такое сотрудничество возможным. Достаточно крупная часть участников опроса (13,4 %) свою позицию по этому вопросу не сформировала.

Абсолютное же большинство молодых людей (67,5 %) в той или иной форме готовы к сотрудничеству с органами власти.

Возможные предпочтения молодых людей к взаимодействию с органами государственной власти расположились следующим образом (вопрос был множественным и предполагал выбор нескольких вариантов ответов). Молодые люди готовы:

- принимать участие в мероприятиях и акциях, проводимых органами государственной власти и местного самоуправления для молодежи, – 43 %;
- принимать участие в организации разнообразных акций и мероприятий, проводимых органами власти, – 31,7 %;
- участвовать в обсуждении принимаемых законов, программ, планов работы органов власти различного уровня – 29,6 %.

18 % будущих педагогов обозначили, что готовы принимать участие, но только в составе молодежных общественных объединений.

Приятно отметить, что выражен интерес будущих педагогов и вожатых к волонтерству (за это высказалась треть участников опроса – почти 32 %), которое предполагает проактивную деятельностную позицию в отличие от пассивной (по мнению авторов), выраженную, например, участием в мероприятиях и акциях, проводимых для молодежи.

Формат данной статьи не позволяет раскрыть все результаты исследования, но считаем важным представить черты, характерные для современной российской молодежи, которые выделены значительной частью респондентов и позволяют авторам предложить варианты усовершенствования подготовки вожатских кадров в педагогических вузах.

К сожалению, каких-либо качеств, которые бы у молодого поколения обозначили абсолютное большинство респондентов, не выявилось. И в то же время наличие у молодых людей веры в свои силы и повышенной творческой энергии отмечают 44 % респондентов. Столько же видят у современной молодежи стремление показать свою индивидуальность, раскованность. Чуть меньше, но значительное количество (40 %) участников исследования считают, что нынешние молодые люди целеустремленные, стремятся стать личностью. Немногим больше четверти опрошенных замечают у нашей молодежи стремление к реализации социальных инициатив и высокую социальную активность. Но при этом 17 % участников исследования признают у молодых социальную пассивность, иждивенчество,

потребительство, не желание прикладывать усилия для достижения намеченных целей. А 29 % респондентов отмечают у современного молодого поколения стремление добиться материального успеха любыми средствами.

К сожалению, наличие выраженной любви к Родине, стремление приложить усилия для модернизации государства, социально-экономического развития России отметили только 6,3 % участников опроса; еще меньшее количество (3,5 %) считают характерной чертой российской молодежи чувства долга и законопослушания, то есть те самые качества, которые прежде всего необходимо воспитывать у молодого поколения для решения масштабных задач, стоящих перед российским государством.

Признавая необходимость возвращения в систему образования глубокой, целенаправленной работы по воспитанию студенческой молодежи, будущих учителей, вожатых, МПГУ создает все необходимые условия для повышения качества воспитательной работы.

Изучение модуля «Основы вожатской деятельности», получение квалификации «Вожатый», летняя педагогическая (вожатская) практика студентов в образовательных организациях, организациях отдыха детей и их оздоровления, возвращенная в учебные планы УГСН 44.00.00 Образование и педагогические науки по инициативе МПГУ, позволяют студентам принять на себя роль воспитателя, транслятора национально-ориентированных ценностей и смыслов подрастающему поколению, осознать свою педагогическую миссию.

Данный модуль в сочетании с обязательной вожатской практикой, реализуемый в 167 вузах России, по данным мониторинга ФКЦ МПГУ, проведенного в 2019 году, является хорошим ресурсом для подготовки студентов к созданию воспитывающей среды в образовательных организациях, организациях отдыха детей и их оздоровления, изучения и апробации неформальных "живых" форм воспитательной работы, технологий формирования системы ценностей и смыслов, а также значимым ресурсом для развития социальной активности будущих педагогов и вожатых.

Разработчики модуля остро осознают необходимость включения в содержание подготовки вожатых таких тем, как «Российская идентичность, или Кто мы такие?», «Образ прошлого и образ будущего, или Куда мы идем?», «Цивилизационное наследие России в мире, или Как и о чем говорить со старшеклассниками о достижениях нашей страны?», «Фальсификация истории, или Почему нужно бороться за историческую правду?», «Вторая мировая война в фокусе исторической политики, или Почему важно помнить, что мы – потомки победителей?», «Беседы о мечте, или Зачем учить мечтать со смыслом?». Авторы статьи выражают надежду, что в ближайшем будущем смогут апробировать изучение вожатыми всех предложенных тем.

В настоящее время проходят апробацию беседы о мечте. Это интерактивная тренинговая программа, которая изначально была разработана для участников Всероссийского образовательного форума «Селигер-2011» [9], а в последующие годы адаптирована одним из авторов данной статьи для использования в организациях отдыха и оздоровления детей [10].

В настоящее время успешно применяется сотрудниками ФКЦ МПГУ при подготовке вожатых и проведении профильных смен.

Беседы о мечте ориентированы на:

- формирование целостной объективной картины мира;
- выработку навыков планирования социально ориентированной деятельности и достижения поставленных целей;
- обучение умению определять возможности использования успешного опыта выдающихся деятелей культуры, искусства, политики, науки и спорта нашей страны при организации собственной социально значимой деятельности;
- обучение моделированию успешного будущего страны через изменение своего собственного поведения;
- выстраивание успешной жизненной траектории и др.

Организация гражданско-патриотического воспитания студенческой молодежи требует нового подхода, ведущего к осознанию молодыми людьми их собственной значимости в решении вопроса превращения нашего государства в высокотехнологичную, социально ориентированную, правовую державу. Формирование у будущих педагогов, вожатых гражданской идентичности является серьезным фактором гражданско-патриотического воспитания в целом, поскольку они являются трансляторами национально ориентированных ценностей и смыслов будущим подрастающим поколениям.

Список литературы

1. Законопроект № 960545-7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/960545-7> (дата обращения: 8.07.2020).
2. Соловьев Е. В. Положение в сфере представительского управления как фактор социального развития молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1992.
3. Россия и современный мир: образ будущего. Учебно-методическое пособие / под ред. В. Л. Шаповалова. Смоленск: Универсум, 2014.
4. Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6. С. 140–142.

5. Makeev O. Самоопределение и формирование гражданской идентичности личности как задача развития подросткового возраста. [Электронный ресурс]. URL: https://mokeevo.edu.yar.ru/rip/seminari/27.02.12/grazhdanskaya_identichnost.pdf (дата обращения: 09.07.2020).

6. Библиотека словарей «Словарник». [Электронный ресурс]. URL: www.slovarnik.ru/html_tsot/g/grajdanstvennost5.html (дата обращения: 15.07.2020).

7. Никифоров Ю. Н., Скадина А. Н. О понятии «гражданственность» // Вестник ВГУ. Лингвистика и международная коммуникация. 2007. № 2. (ч. 2). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2007/02/2007-03-25.pdf> (дата обращения: 09.07.2020)

8. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", п. 76.

9. Учебно-методические материалы для обучения и работы инструкторов всероссийского молодежного образовательного форума «Селигер – 2011» / Нечаев В. Д., Огнев А. С., Бродовская Е. В., Лаврикова А. А.; под ред. Нечаева В.Д., М., 2011.

10. Лесконог Н. Ю. Могут ли вожатые научить мечтать? К вопросу о подготовке вожатых для профильных смен для детей и молодежи в современной России // Народное образование. М., 2012. № 3. С. 98 – 103.

Шаламова Любовь Федоровна, канд. соц. наук, доц., lfsh57@mail.ru, Москва, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),

Лесконог Наталья Юрьевна, канд. пед. наук, доц., leskonog@mail.ru, Москва, Московский педагогический государственный университет

ON THE CIVIL IDENTITY OF STUDENTS AS A FACTOR OF CIVIL AND PATRIOTIC EDUCATION OF MODERN YOUTH

L. F. Shalamova, N. Yu. Leskonog

The authors draw attention to the need for civil and Patriotic education of students, especially future teachers and counselors, who are translators of traditional values and meanings for Russian society. The article presents the results of a survey conducted by the authors of students studying the basics of leadership activities in the framework of additional professional education programs. The article focuses on the need to improve the work with students on the formation of their civic identity, citizenship and patriotism, and reveals some of the experience of this work that has developed in the MPSU.

Key words: student youth, teacher, counselor, educational work, citizenship, civic identity, additional professional education, patriotism, social activity.

Shalamova Lyubov Fyodorovna, candidate of sociological sciences, docent, lfsh57@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow Aviation Institute (National Research University),

Leskonog Natal'ya Yur'yevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leskonog@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow pedagogical state University.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 316

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ, РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И. И. Болотина

Автор делает попытку анализа категорий «государственно-гражданская идентичность», «региональная идентичность», «этническая идентичность» с точки зрения их ценностного содержания. Обоснована точка зрения, относительно которой самоидентификация личности происходит с неким ценностным ядром, присущим социально-политической группе. Делается вывод, согласно которому этнический фактор выступает важным основанием развития российского общества в условиях амбивалентных процессов глобализации и регионализации в современном мире.

Ключевые слова: государственно-гражданская идентичность, региональная идентичность, этническая идентичность, ценностная структура, потребности, соотношение идентичностей, регионы России.

В современном политологическом дискурсе с категорией «идентичность» используются коннотации «политическая», «социальная», «территориальная», «этническая», «профессиональная». Существование последних свидетельствует о нахождении личности в процессе экзистенциального поиска своего места в социально-политическом пространстве. В данной связи логично предположить, что процессу формирования идентичности личности присущи такие характеристики, как нелинейность, отсутствие чёткой формализации и пространственно-временной ограниченности.

Категория «идентичность» в научном дискурсе зачастую рассматривается в контексте противопоставления «своих» и «чужих», что нашло своё теоретическое обоснование в трудах П. Бергера, Т. Лукмана, Г. Зиммеля и др. Однако в настоящей работе хотелось бы рассмотреть феномен идентичности как перманентный процесс сопоставления (но не противопоставления) «Я – Другой», где «Другой» вовсе не подразумевает ассоциации с «врагом». Данный ракурс кажется нам перспективным в контексте изучения современного «политического человека», одной из характеристик которого выступает признание инаковости других субъектов социально-политического взаимодействия и уважительного к ним отношения.

На сегодняшний день вопрос идентичности личности становится всё более актуальным в условиях амбивалентных политических процессов в национальных государствах. С одной стороны, высшая политическая элита

заинтересована в формировании в сознании граждан государственно-гражданской идентичности¹, предполагающей отождествление себя с гражданами данного государства, её государственными границами, осознание личной ответственности за социально-политические события в стране. С другой стороны, личность может испытывать свою приверженность одновременно к нескольким социальным группам и ценностно-символьным структурам (религиозным, этническим, профессиональным, культурным и т.д.), то есть иметь не одну идентичность. В политическом контексте это может явиться основой формирования и укрепления чувства уважения к «Другим». Однако в ряде случаев одни ценностно-символьные структуры способны вытеснять другие, приводя к существенным изменениям в поведенческих установках личности.

Для современных политических процессов России не теряет актуальности вопрос соотношения государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей. Конфликты с участием этнических групп, имевшие место в советский период и обострившиеся в 1990-е годы, разрешены в настоящий момент частично. В этих условиях этничность остаётся катализатором социально-политической напряжённости, «неисчерпаемым, возобновляемым ресурсом политической мобилизации и источником эскалации конфликтности» [1, с. 10]. Нельзя игнорировать и тот факт, что Россия – федерация, построенная преимущественно по национальному (этническому) принципу.

Выше мы отметили, что идентичность по своей природе связана со стигматизацией в сознании индивида тех или иных ценностно-символьных структур, присущих конкретной социальной группе или общности. В этой связи интересен вопрос относительно ценностного компонента идентичностей. Исследователь П. И. Смирнов [2] фундаментальные ценности общества типологизирует следующим образом:

– целевые общечеловеческие ценности (власть, богатство, влияние). Они имеют значение только в рамках той или иной социально-политической общности;

– инструментальные ценности социального происхождения (свобода, равенство, справедливость): в них отражены социальные и политические идеалы, к которым должно стремиться личности / социальной группе / политическому актору / государству и иным субъектам социально-политической реальности в своей деятельности;

– инструментальные ценности природного происхождения (жизнь, здоровье, красота, сила). Данные ценности могут быть значимы как для отдельной личности, так и для социальной группы в той связи, что они по-

¹ Автор придерживается точки зрения, согласно которой социокультурные основания гражданской идентичности формируются только в рамках института государства, при этом понятия «государство» и «гражданин» составляют единую ценностно-смысловую структуру.

казывают физическое превосходство и потенциал общности как биологического вида;

– целевые ценности природного происхождения (территория, природные ресурсы, энергия). Здесь речь идёт об изначальных характеристиках географической территории, на которой проживает та или иная социальная общность;

– высшие общечеловеческие ценности (Бог, добро, общество, родной народ, культура). Данные метанарративы вмещают в себя, с одной стороны, миссионерские тенденции государства, с другой стороны, отмечают, что само национальное государство является ценностью для мирового сообщества.

Обзор отечественной научной литературы по теме идентичностей (государственно-гражданской, региональной и этнической) позволил выделить основные ценностные компоненты и систематизировать их [3-6]. Результаты представлены в таблице ниже.

Ценностные компоненты государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей

	Государственно-гражданская идентичность	Региональная идентичность	Этническая идентичность
Целевые общечеловеческие ценности	Власть, богатство, влияние, хозяйство (дело), знание	Власть, богатство, влияние, хозяйство (дело)	Власть, богатство, влияние, хозяйство (дело)
Инструментальные ценности социального происхождения	Справедливость, порядок, уважение, честь	Справедливость, порядок, уважение, честь	Справедливость, порядок, уважение, честь
Целевые ценности природного происхождения	Территория, природные ресурсы	Территория, природные ресурсы	Территория, природные ресурсы
Высшие общечеловеческие ценности	Добро, культура, общество, история, родной народ, язык	Добро, культура, общество, история, родной народ	Добро, культура, общество, история, родной народ, язык, религия, быт

Из таблицы видно, что ценностные различия лежат преимущественно в плоскости высших общечеловеческих ценностей (в достаточно незначительной степени), что само по себе не является ни положительным, ни отрицательным показателем. Однако содержательное наполнение разных

типов ценностных структур в государственно-гражданской идентичности неизбежно будет связано с русской этнической группой как государствообразующей социально-политической общностью, в этнической идентичности – с миноритарной этнической группой. В этой связи уже на этапе сопоставления ценностно-смысловых структур идентичностей появляется противоречие, которое условно можно маркировать как «размерность» - миноритарная этническая группа является малочисленной, а значит более уязвимой в эволюционном, политическом, цивилизационном и иных ракурсах.

Можно сделать вывод, что одни и те же ценностные компоненты наполняются разными потребностями. Умозрительно ценность можно понимать в качестве образа идеального мира, облечённого в форму, которая имеет значимое для личности содержание. Однако с течением жизни значимость тех или иных объектов окружающей действительности меняется, в то время как идеализированный образ остаётся прежним. В частности, в юном возрасте политическая ценность свободы может быть наполнена потребностью говорить своё мнение открыто и без опасности получения каких-либо санкций за сказанное, что выражается в известной фразе «говорить, что хочется». Позднее свобода, возможно, в связи с профессиональной или творческой самореализацией, зачастую проживается индивидом как реальная возможность осуществлять переезд в рамках своего государства и в другие страны. И далеко не сразу политическая ценность «свобода» понимается личностью в коннотации с ценностью «ответственность». Иными словами, ценностные структуры имеют неоднозначное понимание для социально-политических акторов: напротив, их содержание для каждой личности (социальной общности) уникально. Попытаемся теоретически обосновать данный исследовательский вывод.

В этой связи весьма полезной видится концепция ценностно-потребностной сферы личности, разработанной доктором психологических наук В. Г. Морозиним [7]. Суть её заключается в том, что ценности как идеальное и желаемое состояние личности в социально-политической действительности универсальны, но в тот или иной исторический период потребностное их наполнение изменяется. Данный подход обнаруживает сразу несколько проблем соотношения государственно-гражданской / региональной / этнической идентичностей:

1. Сама категория «этническая идентичность» включает в себя не менее сложную для понимания категорию этничности. В науке до настоящего времени протекает спор между представителями примордиализма, отстаивающими точку зрения, согласно которой признаки этнической принадлежности заложены у индивида на генетическом уровне. Представители конструктивизма считают, что границы между социальными общностями условны, а их создание осуществляется целенаправленно политической и интеллектуальной элитой. Также существует промежуточная позиция Ф.

Барта, который воспринимал этничность как форму социальной организации культурных различий [8]. Сложность интерпретационных моделей этничности приводит к трудностям понимания феномена этнической идентичности, т. к. если этничность конструктивна, то и её ценностно-смысловое содержание эфемерно.

2. Возникает вопрос допустимости сопоставления ценностно-смысловых структур идентичностей. Нам данный подход видится интересным по причине того, что ценности неизменны с течением времени, как неизменны и основные потребности личности. Сопоставление же национальных (этнических) культур сопряжено с рядом трудностей, одна из которых заключается, в частности, в том, что происходит «размывание» этнокультур под влиянием глобализации. Кроме того, национальная (этническая) культура опять же предполагает изучение ценностного содержания и уже после этого – других компонентов.

Адаптация концепции ценностно-потребностной сферы личности позволяет рассмотреть проблему соотношения идентичностей под иным углом зрения. В частности, выше мы отмечали, что в структуре государственно-гражданской, региональной и этнической идентичностей значимость имеет ценностный компонент родного народа, однако очевидно, что потребностное его наполнение будет существенно отличаться. На уровне этнической идентичности «родной народ» найдёт свою практическую операционализацию в потребностях безопасности, социально-экономической защищённости, предоставлении возможности исповедовать ту или иную религию, говорить на родном языке, носить национальную (этническую) одежду и т. п. Региональная идентичность предполагает иное потребностное наполнение ценности родного народа: представленность этнической общности в органах государственной власти, претензии на статус культурного центра этнической общности (как в случае с Республикой Татарстан). А на уровне государственно-гражданской идентичности этнические границы сглаживаются, поэтому ценностный компонент родного народа воплощается в потребности влияния на мировые социально-политические и экономические процессы, участие в перераспределении сфер влияния и т. п.

Кроме того, анализ социологических исследований [9-10], проводимых различными социологическими центрами, приводит к двум значимым выводам:

- региональная и этническая идентичности довольно часто совмещаются, что особенно характерно для национальных республик [11-12]. Это обусловлено тем, что административный субъект выступает здесь исторической Родиной для той или иной этнической группы;

- рост государственно-гражданской идентичности неизбежно сопровождается ростом этнической идентичности. Здесь интересное обоснование предложено Л. М. Дробижевой, полагающей, что этничность выступает не препятствием, а ресурсом гражданского согласия, источником граж-

данского общества, в рамках которого сохраняется этнокультурное многообразие [13].

Раскрывая более подробно первый вывод, стоит отметить, что совмещение идентичностей проходит по нескольким ценностно-смысловым основаниям. Во-первых, это название региона. Многие национальные республики в своих наименованиях пользуются этнонимами (Чеченская Республика, Республика Мордовия, Республика Татарстан и т. д.). Во-вторых, религия и язык. Зачастую именно два этих маркера усиливают друг друга и определяют высокие показатели этнической и региональной идентичности граждан. Примером данного факта является Республика Калмыкия. Это единственный регион в Европе, населенный буддистами [14], что для представителей этнической группы калмыков выступает важным параметром идентификации. В совокупности эти факторы создают особый мировоззренческий шаблон восприятия себя и социально-политической действительности, где «этническое» занимает особое место.

Второй тезис по праву можно считать уникальным. Политическое пространство конкурентно по своей сути, где конфронтация проявляется, в частности, и на уровне взаимоотношений между мажоритарной и миноритарными этническими сообществами. Российские политические процессы свидетельствуют о ситуации, в рамках которой социально-политическое пространство хоть и не бесконфликтно, но всё же обладает условиями для физического существования даже самых малочисленных этнических групп при наличии возможности их политико-правовой представленности во властных структурах. Данный факт становится дискурсивным основанием объяснения эффективности российского варианта этнонациональной политики. В данной связи естественно вслед за Л. М. Дробижевой сделать гипотетическое предположение, что этнические различия в российском социально-политическом контексте выступают основанием государственно-гражданской идентичности, а рост показателя этнической идентичности в ущерб государственно-гражданской идентичности – маркером социально-политической проблемы, нежели несформированности гражданского общества.

В данном случае довольно сложно построить однозначную интерпретационную модель. С одной стороны, примерно одинаковые показатели государственно-гражданской и этнической идентичностей могут быть свидетельством того, что политическая личность выстраивает «Я-концепцию» в категориях «гражданин России» и «представитель этнической общности». В ином варианте одно из данных состояний эмоционально и когнитивно проживается личностью, а другое формально присваивается. Последний является пессимистичным в том случае, если государственно-гражданская идентичность понимается индивидом как одна из его политико-правовых характеристик, но не «переживается» им.

Мы полагаем, что совмещение государственно-гражданской и этнической идентичностей в России может иметь и иное объяснение. Резонно предположить, что объяснительные модели соотношения этнической и государственно-гражданской идентичностей в России не должны сводиться к импликационной модели «если... то...». Оба вида идентичностей являются этапами политической социализации индивида в социально-политическом пространстве. Представитель конструктивистского подхода Крейг Калхун придерживался точки зрения, согласно которой идентичность может быть заимствована от представителей ближнего окружения (обычная идентичность) [15]. Однако в процессе социализации личность имеет возможность сознательно примкнуть к той или иной социально-политической общности и принять её ценностную структуру (императивная идентичность). Учитывая, что ценностные компоненты государственно-гражданской / этнической идентичностей являются тождественными, то гораздо более важной задачей представляется выявление актуальных политических и социально-экономических потребностей граждан для их своевременной реализации. Именно нереализованные потребности способны придавать дополнительную значимость этническим и иным различиям, что, в свою очередь, негативно сказывается на состоянии государственно-гражданской идентичности.

Известно, что идентичность может носить эндогенный и экзогенный характер. Первый тип связан с результатом осмысления общностью самой себя, второй предполагает понимание той же общности, но другими участниками социально-политических отношений. В настоящей работе исследовательский интерес сфокусирован на эндогенной идентичности.

Анализ ценностных структур этнической, региональной и государственно-гражданской идентичности свидетельствует, что необходимой аксиологической основой их формирования выступает родной народ. В этой связи вполне закономерно предположить, что региональная идентичность, как и этническая, может явиться концептуальной основой государственно-гражданской идентичности. Или же, в противовес изложенному тезису, высокий приоритет региональной идентичности над государственно-гражданской указывает на латентные политические, социальные или экономические противоречия.

Для примера возьмём Тульскую область, являющуюся одним из регионов Центрального Федерального округа. Исторически и политически регион связан со столицей Российской Федерации, что прослеживается не только в культурных (диалект, стиль одежды жителей, архитектура и т. п.), социально-экономических (тип экономической занятости населения, уровень жизни, режим труда и отдыха и т. д.), но и в политических (реализация реформ, отношения с федеральной государственно-политической властью) аспектах.

Граждане Тульской области инерционно в качестве региональных символов отмечают «пряники, оружие и самовары», а в 2020 г. ещё одной значимой и имиджевой идентификатой станет Тульский Кремль в связи с празднованием 500-летней годовщины его основания. Все перечисленные символные основы региональной идентичности органически связаны с ценностью родного народа, т. к. именно народ и отдельные его представители явились создателями и хранителями этих культурных достояний. Однако «туляки» никогда не выступали в политических процессах России как отдельная этническая общность, жители Тульской области – это, в первую очередь, россияне. В данной связи региональная идентичность соотносится с государственно-гражданской как отдельные виды самопозиционирования, концептуально не вступающие в сознании политической личности в противоборство.

В некоторых национальных республиках (республики Северо-Кавказского федерального округа) уровень региональной, этнической идентичностей зачастую выше уровня идентичности государственно-гражданской. Очевидно, что в данном случае регион воспринимается как дом и историческая Родина родного народа, при этом включенность этнической общности в гражданское общество Российской Федерации может восприниматься жителями как номинальная. Таким образом, высокая значимость региональной идентичности в ряде республик СКФО скорее является маркером социально-политических и экономических проблем, препятствующих укреплению государственно-гражданской идентичности.

Иными словами, региональная идентичность является не вполне самостоятельной характеристикой политической личности. С одной стороны, сущность её заключается в ценностно-смысловой структуре «родной народ», с другой стороны, данный тип идентичности неизбежно почти полностью будет соотноситься либо с государственно-гражданской, либо с этнической идентичностью.

Таким образом, концептуальное противоречие по-прежнему находится на стыке государственно-гражданской и этнической идентичностей. Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой этническое многообразие является дискурсивным основанием развития демократического гражданского общества в России. На этот вопрос есть возможность взглянуть с практической точки зрения. Проживание в рамках одного государства большого числа этнических общностей является препятствием демографического вырождения российской нации. Не менее значимо этническое многообразие в условиях роста доли мигрантов в структуре населения граждан европейских государств. Базовыми идентификатами этнических общностей являются, прежде всего, язык, религия и нормы поведения в обществе. Российская нация в её экзистенциальном смысле формировалась как сообщество народов, отличающихся религиозным, языковым и социокультурным своеобразием. По этой причине современное гражданское об-

щество России ментально обладает немалым опытом общежития разных этнических сообществ, что является ценным социально-политическим капиталом в современных политических процессах.

Список литературы

1. Семененко И. С. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики: аналитический доклад. Москва: ИМЭМОРАН, 2017. 229 с.

2. Смирнов П. И. Фундаментальные ценности общества: универсальная типология // Теоретический журнал Credo New. № 2. С. 67–85.

3. Станкевич Г. В. Религия и современный политический процесс // Власть. 2009. № 12. С. 89 – 92.

4. Дробижеева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. Москва: Новый хронограф, 2013. 336 с.

5. Тишков В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. М.: ИЭАРАН. 2014. 342 с.

6. Дробижеева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения. № 4. С. 7 – 22.

7. Морогин В. Г. Психологическая концепция личности // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 233 – 253.

8. Барт Ф. Этнические группы и социальные группы / Социальная организация культурных различий. Сборник статей: ред. Ф. Барт. Москва: Новое издательство. 2016. С. 152 – 164.

9. Бараш Р. Э. На чем зиждется гражданская идентичность в России / Вызовы для России в меняющемся мире; отв. ред.: Квашнин Ю. Д., Тога нова Н. В., Шумицкая Н. В. М.: ИМЭМОРАН, 2015. С. 5 – 14.

10. Дробижеева Л. М. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: монография. Москва: ФНИСЦРАН, 2018. 552 с.

11. Дробижеева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100 – 115 .

12. Максимова С. Г., Морковкина А. Г. Гражданская и этническая идентичность как маркер межэтнических отношений в приграничных регионах России // Вестник РУДН. Социология. Т. 16. № 2. С. 13 – 17.

13. Дробижеева Л. М. Динамика российской идентичности / Национализм: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссий-

ской научной конференции; отв. ред.: Омаров М. А. М.: Издательство РГГУ, 2018. С. 11 – 18.

14. Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионология. 2018. Том 26. № 4. С. 698 – 717.

15. Calhoun С. Tradition, the public sphere, and early nineteenth-century social movements. Chicago: The University of Chicago press books, 2012. 416 p.

Болотина Инна Ивановна, аспирант, innok1706@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

*RELATIONSHIP OF STATE-CIVIL,
REGIONAL AND ETHNIC IDENTITY IN MODERN RUSSIA*

I. I. Bolotina

The author makes an attempt to analyze the categories of “state-civil identity”, “regional identity”, “ethnic identity” in terms of their value content. The point of view is substantiated, regarding which the self-identification of a person occurs with a certain value core inherent in a socio-political group. In conclusion, it is concluded that the ethnic factor is an important basis for the development of Russian society in the context of the ambivalent processes of globalization and regionalization in the modern world.

Key words: state-civil identity, regional identity, ethnic identity, value structure, needs, correlation of identities, regions of Russia.

Bolotina Inna Ivanovna, postgraduate, innok1706@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.442. 316.443

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10302

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК БЕДНОГО И НЕБЕДНОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А. А. Алексеенок, Ю. В. Дорохова, И. В. Михалев

Представлен анализ дифференциации поведенческих практик и социально-психологических характеристик бедного и небедного населения в условиях трансформации социальной структуры российского общества. Авторы констатируют, что трансформация постсоветского пространства повлекла за собой значительные деструктивные изменения социальной структуры, которые нашли отражение в поляризации качества жизни населения, усугублении положения бедного населения, что нашло отражение в дифференциации качества их жизни. В статье анализируется данная дифференциация по таким критериям, как ценностные ориентации, социально-политические и морально-нравственные установки, досугово-рекреационные практики, эмоционально-психологическое состояние, социальное самочувствие, социальные тревоги и опасения. По результатам исследования резюмировано, что дифференциация положения бедного и небедного населения при существующих тенденциях будет продолжаться усугубляться, что неизменно повлечет за собой рост уровня социальной напряженности, дезорганизации социальных процессов, увеличение численности населения, готового принять участие в акциях массового протеста. Таким образом, необходим комплекс мер государственного воздействия, направленных на снижение данной дифференциации и улучшение положения населения.

Ключевые слова: социальная дифференциация, социальное неравенство, социальная структура, социальная стратификация, социальное расслоение, трансформация социальной структуры, поведенческие практики, социально-психологические характеристики.

Социальное неравенство всегда являлось одной из актуальнейших проблем, привлекающих внимание исследователей социальной структуры. Именно социальное неравенство является одним из основных факторов, влияющих на рост уровня социальной напряженности. Оно стало одной из основных причин революции 1917 года. Какие бы трансформации социальной структуры ни происходили, дифференциация положения различных слоев населения всегда имела место [1; с. 18–25]. И даже в Советском Союзе при социализме и всеобщем равенстве ценностные ориентации, поведенческие практики и социально-психологические характеристики осо-

бенностей представителей различных групп населения (хотя их было не так уж много: рабочие, крестьяне и немногочисленная прослойка интеллигенции) были дифференцированы. Распад СССР и всей социалистической системы повлек за собой такие трансформации социальной структуры, которые усугубили социальное неравенство, поляризовали население, значительно дифференцировав положение различных слоев общества. Одним из наиболее негативных последствий трансформации стало появление значительного слоя бедного населения, чье положение усугублялось крайне низким социально-экономическим положением, низкими профессиональными возможностями. Депривация бедного населения приводила к формированию негативного социально-эмоционального фона, который в свою очередь сказывался на ценностных ориентациях и поведенческих практиках данного социального слоя, дифференцируя его по отношению к небедному населению.

Основу данной статьи составили результаты исследования положения бедного и остального населения в социальной структуре современного российского общества, проведенного учеными Института социологии РАН, под руководством академика М. К. Горшкова [3; 232–242]. Основные результаты представлены в аналитическом докладе «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя» [2]. В исследовании приняли участие такие известные социологи как Печетова Т. И. [8; 223–226], Тихонова Н. Е. [9; 7], Мареева С. В. [6], Лежнина Ю. П. [5; 20–28], Давыдова Н. М., Седова Н. Н. [4]. В основу исследования был заложен многомерный иерархический подход, предполагающий проведение глубокого анализа на основе множества объективных и субъективных критериев, позволяющих проанализировать дифференциацию положения бедного и небедного населения не только в социально-экономической, социально-профессиональной и политической сферах, но и выявить дифференциацию их социально-психологических характеристик и поведенческих практик.

Начать анализ поведенческих практик необходимо с ценностных ориентаций населения, так как именно они во многом определяют модели поведения населения. В преддверии анализа необходимо отметить отсутствие принципиальных различий в ценностях как бедного, так и небедного населения. Так большинство и бедного, и небедного населения считают, что главное в жизни – душевная гармония (82 % и 72 % соответственно). В то же время четвертая часть небедного населения считает, что человек должен стремиться к власти, к возможности влияния на других людей, среди бедных ценность власти выбирает значительно меньшая часть (27 % и 14 % соответственно). Бедные менее щепетильны в вопросах получения денежных средств. Так, свыше трети представителей бедных считают: главное – иметь деньги и не имеет никакого значения как они получены; среди представителей небедного населения таких принципов придержива-

ется менее четверти населения (35 % и 23 % соответственно). Что касается религиозных ценностей, то в них различий у бедного и небедного населения не наблюдается. Таким образом, конфессиональная принадлежность никак не влияет на положение населения в социальной структуре общества.

Сравнительный анализ морально-нравственных установок бедных и небедных показал, что они также тождественны по большинству позиций. Исключение составила супружеская измена, которую не приемлют 67 % бедного населения. Небедное население к супружеской неверности относится более лояльно. В вопросах отношения к изменам мнения респондентов разделились поровну, то есть полностью отвергает возможность дальнейшего совместного проживания в случае измены 51 % небедного населения, в то время как вторая половина (49 %) относится к ней менее радикально.

Представители бедного населения не являются сторонниками изменений и перемен – такой путь поддерживают менее четверти бедных (23 %), а предпочитают стабильное положение (77 %). Небедное население менее консервативно, и, хотя больше половины высказываются за стабильность (67 %), каждый третий выступает за нововведения и перемены (33 %).

Третья часть представителей бедного населения (74 %) считает, что положение дел в стране непосредственно связано с «твердой рукой», сильным лидером, который должен обеспечивать им хорошую жизнь, независимо от их собственных усилий. Таким образом, патернализм является характерной чертой бедного населения.

Главная причина поддержки населением авторитарной власти заключается в том, что достаточно большая часть российских граждан в определенный момент утратила веру в гражданское общество и эффективность функционирования демократических институтов. Это объясняет низкую электоральную активность и политический абсентеизм почти половины бедного населения, которые считают, что не могут никоим образом повлиять на происходящие в жизни государства процессы и явления.

Патернализм среди небедного населения распространен в значительно меньшей степени. Так, чуть более половины небедного населения выбирает жесткое правление – 57 %, тогда как вторая половина говорит о политической свободе и демократии – 43 %.

Из этого следует, что такие поведенческие практики, как политическая активность, общественная деятельность, активная жизненная позиция присущи небедному населению, а большинство бедных их не имеют.

Проанализируем дифференциацию досуговых практик бедного и небедного населения (рис. 1).

Рис. 1. Дифференциация досугово-рекреационных практик бедного и небедного населения, %

На рис. 1 продемонстрировано, что досуговые практики бедного населения намного скуднее, чем у небедного. Бедные по сравнению с небедными:

- в два раза реже осваивают компьютер, используют Интернет, зарегистрированы в соцсетях, играют в компьютерные игры (16 % и 37 % соответственно);

- в три раза реже занимаются дополнительным образованием, повышают собственный интеллектуальный уровень (4 % и 11 % соответственно);

- в четыре раза реже являются посетителями вернисажей, выставок, музеев (3 % и 12 % соответственно);
- в пять раз реже ходят в кино, театры, посещают концерты (5 % и 24 % соответственно);
- в пять раз реже являются посетителями ресторанов, баров, кафе (4 % и 17 % соответственно);
- в пять раз реже посещают фитнес-центры, различные спортивные секции, спортклубы, (3 % и 15 % соответственно);
- в пять раз реже являются посетителями дискотек, ночных клубов, караоке баров и прочих развлекательных мероприятий (2 % и 11 % соответственно).

Данная ограниченность досугово-рекреационных практик бедного населения по сравнению с небедным не всегда является следствием материальных затруднений.

Значительные различия в досугово-рекреационных практиках бедного по сравнению с небедным населением (20–25 %) имеют место в таких формах проявления досуга, которые не требуют существенных материальных затрат или являются вообще не затратными: чтение книг и периодических изданий, слушание музыки, встреча и общение с друзьями или родственниками, активный отдых или прогулки на природе, увлечение, хобби и т. п.

После проведения анализа дифференциации досугово-рекреационных практик бедного и небедного населения можно резюмировать, что скудость досуга бедных является следствием отсутствия потребностей в них как таковых. Это можно объяснить ограниченностью кругозора, низким общим уровнем образования, а также спецификой протекания первичной, а впоследствии – вторичной подростковой социализацией, связанной со значительными ограничениями и депривацией. Все это отразилось на определенном уровне жизни и поведенческих практиках бедных, чей досуг основан на просмотре телевизора, ведении домашнего хозяйства или отсутствии какой-либо физической или умственной активности, то есть с пассивным «ничегонеделаньем».

Сказанное выше обуславливает сужение кругозора и интеллектуального уровня бедных, снижает интерес к саморазвитию, желанию получения новых впечатлений и разнообразных возможностей, открытию новых горизонтов и перспектив, что является важнейшим фактором формирования негативного эмоционально-психологического состояния повседневной жизни бедных (рис. 2).

Рис. 2. Эмоционально-психологическое состояние бедного и небедного населения, %

Наше исследование показало, что бедные слои населения в большей степени испытывают негативные эмоциональные характеристики. Так, озлобленность (агрессию) бедные испытывают в 5 раз чаще, чем остальное население, раздражённость – в 2 раза, состояние безразличия и апатии, ощущение чувства тревоги и приближающейся беды – тоже почти в 2 раза.

В то же время среди остального населения 62 % чувствуют себя спокойными и 9 % населения ощущают эмоциональный подъем, а среди бедных эти значения в разы меньше (35 % бедных ощущают спокойствие и только 3 % – эмоциональный подъем).

Рассмотрим различия в полярных оценках эмоционально-психологического состояния у различных социально-демографических групп бедных (рис. 3).

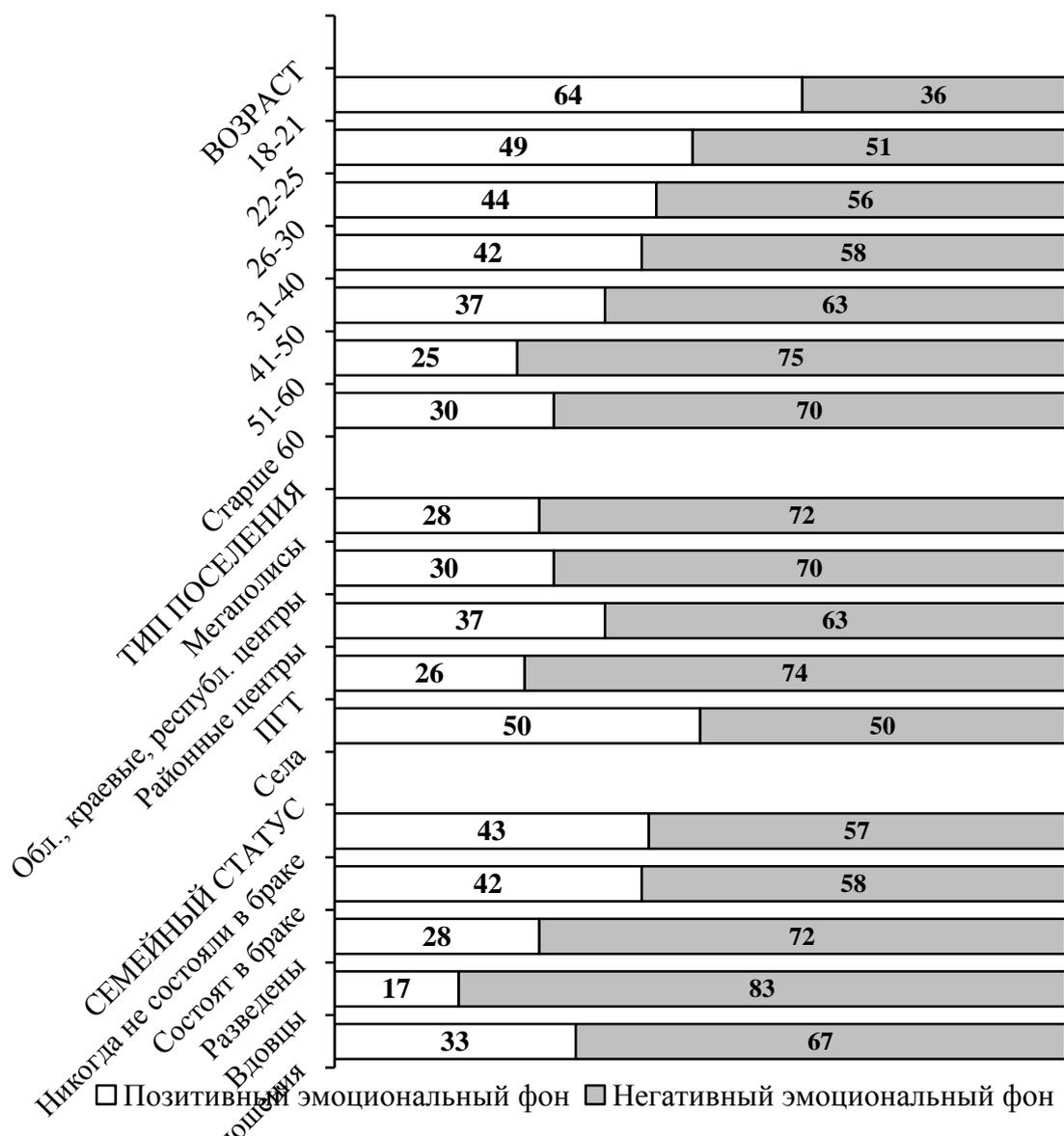

Рис. 3. Эмоционально-психологическое состояние бедных из различных социально-демографических групп, %

Что касается различий в эмоциональных фонах у представителей бедного населения, то следует отметить прежде всего дифференциацию у различных возрастных групп. С возрастом негативный эмоциональный фон у бедного населения начинает превалировать, причем почти в 2 раза (с 36 % у молодых бедных до 70 % у бедных старше 60 лет). То есть длительное нахождение в состоянии бедности значительно ухудшает эмоционально-психологическое самочувствие людей.

Проживание в различных типах поселений бедняков не оказывает влияния на эмоциональный фон. Он стабильно негативно высокий как у жителей мегаполисов, областных и краевых центров, районных центров и поселков городского типа. Немного меньше негативный эмоциональный

фон у бедных жителей села (50 % против 74 % у проживающих в ПГТ). Скорее всего это связано с низким уровнем жизни в селах, выражающимся в сглаживании социальной дифференциации селян.

Разновекторность наблюдается в оценках эмоционального фона у людей с разным семейным статусом. Он достаточно высокий у вдовцов и разведенных (83 % и 72 % соответственно) и у тех, у кого не зарегистрированы семейные отношения (67 %).

Проанализируем подробнее распространенность различных чувств у бедного и остального населения (рис. 4).

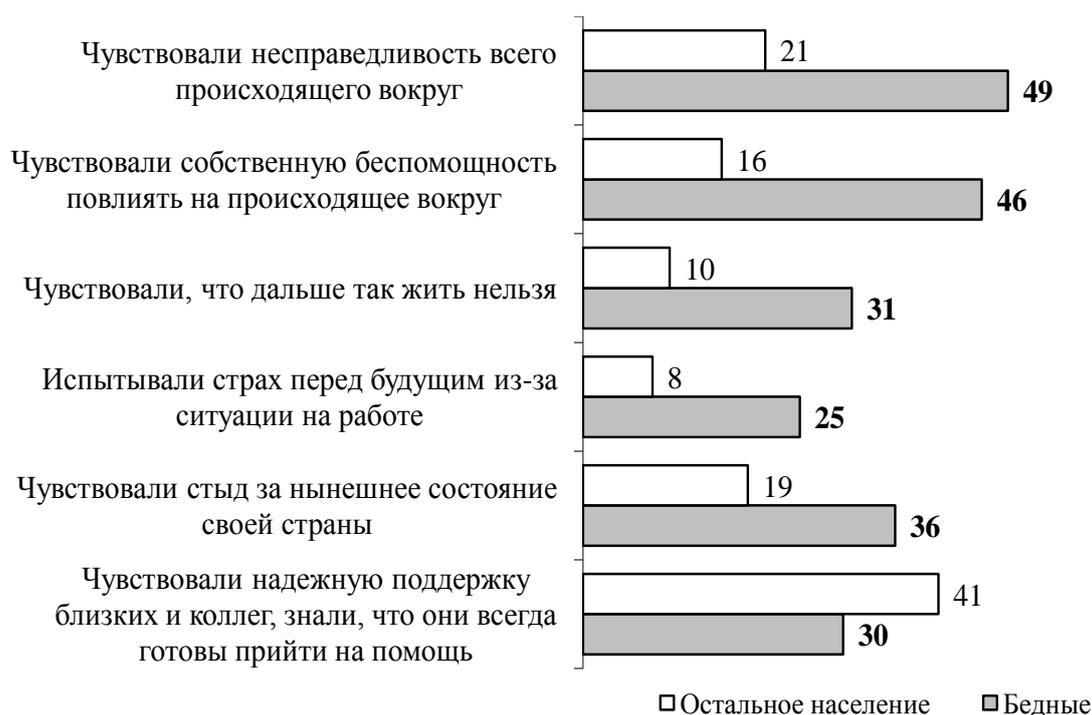

Рис. 4. Распространенность различных чувств среди бедного и остального населения, %

Результаты нашего исследования показали распространенность негативных чувств у бедного населения. Так, бедные в 3 раза чаще чувствовали, что дальше так жить нельзя, ощущали чувство страха перед будущим из-за положения на работе по сравнению с остальным населением, в 2,8 раза бедные чаще испытывали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг и в 2,3 раза чаще чувствовали несправедливость всего происходящего. При этом среди остального населения 41 % чувствовал поддержку близких и коллег и знал, что они готовы прийти на помощь, а среди бедных таких меньше – 30 %.

Будучи в сложной экономической ситуации бедные еще и постоянно находятся в сложном психологическом состоянии безысходности, утраты надежд, морального разложения.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что социально-эмоциональное состояние бедных отличается от остального населения резко выраженным пессимизмом и негативизмом. Проанализируем страхи и опасения, которые наиболее распространены среди представителей бедного и остального населения (рис. 5).

Рис. 5. Страхи и опасения бедного и остального населения, %²

² Допускалось до пяти ответов

Анализ страхов бедного и остального населения не показал существенных различий в структуре страхов. Наблюдается ощущение опасности от войны или возможных терактов, потери собственного здоровья или здоровья близких, превращения ребенка в наркомана, алкоголизма близкого человека, одиночества, неясности будущих перспектив, жестокости и утраты взаимопонимания, невозможности получения образования, получения медицинской помощи, старости, отсутствия перспектив для детей. Но при этом у бедных слоев населения наблюдается в значительной степени страх остаться без работы (39 % бедных по сравнению 26 % остального населения), остаться без средств к существованию (45 % бедных по сравнению с 38 % остального населения) и резкого роста ЖКХ (33 % бедных по сравнению с 20 % остального населения).

Необходимо подчеркнуть, что в ответе на вопрос о страхах и опасениях у респондентов имелась возможность выбрать до пяти вариантов ответа. Почти половина бедных (43 %) выбрали все 5 вариантов. Эту группу мы выделяем как «высокотревожные». Следующая группа – «тревожные», к ним относятся 32 % от опрошенных бедных, они выбрали 3–4 варианта ответов. «Малотревожные» бедные выбрали 1–2 варианта ответа, их численность 17 % от всех бедных. Самая маленькая группа «нетревожные». Это всего лишь 8 % от бедного населения, это люди, которые не указали ни одного страха, обосновав это их отсутствием.

Проведем анализ уровня тревожности бедного населения в сравнении с их социально-демографическими характеристиками (рис. 6).

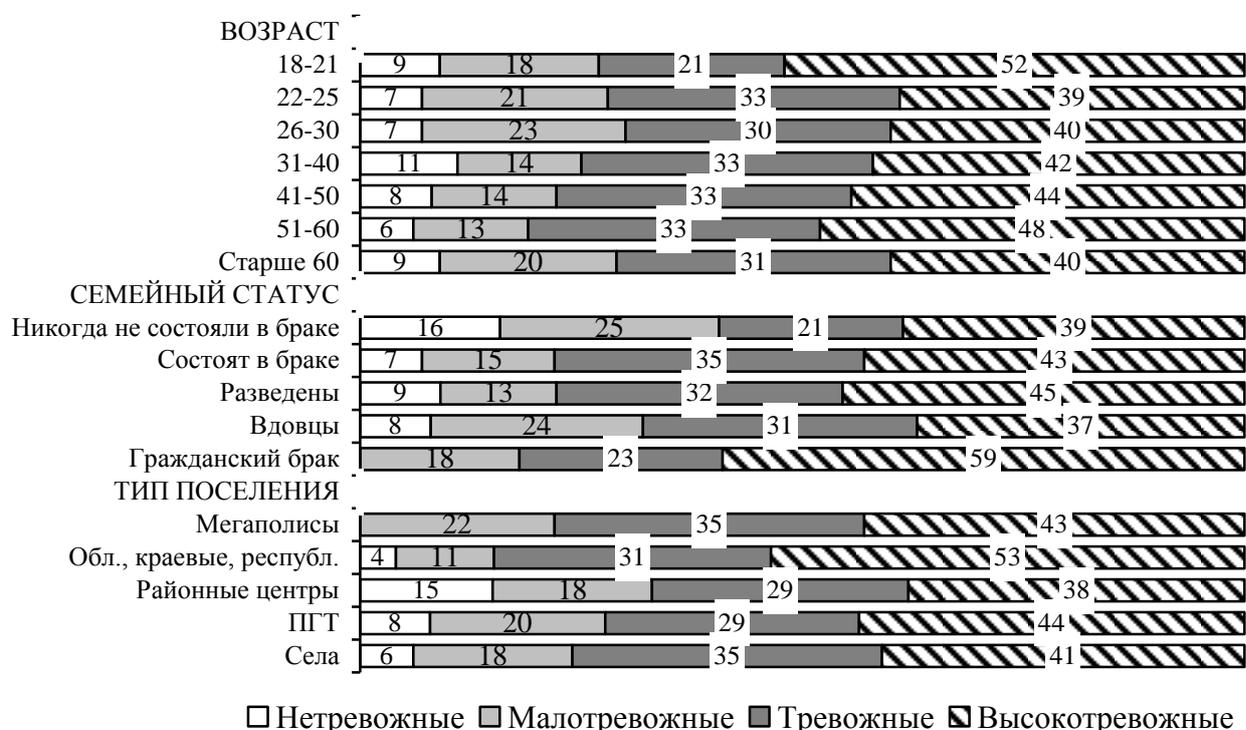

Рис. 6. Распределение уровня тревожности в различных социально-демографических подгруппах бедных, %

Как видно из рисунка, наибольший уровень тревожности имеется у бедных крайних возрастных групп в возрасте от 18 лет до 21 года и в возрасте от 51 года до 60 лет. Скорее всего, это самые уязвимые слои населения: молодые, которых страшит будущее, и люди предпенсионного и пенсионного возраста, которые опасаются приближающейся пенсии и возможности ухудшения их материального состояния.

Что касается взаимосвязи семейного статуса и уровня тревожности бедного населения, то наиболее «высокотревожные» группы наблюдаются среди тех, кто проживает в гражданском браке. В данном случае под гражданским браком мы будем понимать незарегистрированные отношения, имеющие форму сожительства. Понятно, что у бедных, находящихся в гражданском браке, поверх тревожности и неуверенности в своем материальном положении накладывается еще и неуверенность в своем семейном статусе, отсутствии зарегистрированных отношений. Это, в свою очередь, все более подавляет человека.

Удивительно, что самый низкий процент «высокотревожных» среди вдовцов. Возможно, что потеря близкого человека как самая серьезная утрата жизни, заставляет уже не испытывать никаких страхов.

Что касается различий в уровнях тревожности у представителей различных типов поселений, то надо отметить, что самый высокий уровень у жителей областных и краевых центров (более половины бедных можно отнести к категории «высокотревожных»). Данное обстоятельство можно объяснить высокой депривацией, которую испытывают бедные, проживающие в городах. При этом эта группа ниже среди жителей мегаполисов (43 %), районных центров (38 %), ПГТ (44 %) и сел (41 %). Возможно это связано с тем, что жители мегаполисов крайне редко связаны социальными связями и на них не давит имеющееся социальное окружение относительно бедственного положения. В районах же и селах вообще нет ярко выраженной социальной дифференциации, есть возможность в случае необходимости покормиться за счет собственного хозяйства, что и способствует снижению тревожности.

Социальная структура современного российского общества достаточно подвижна и нестабильна. Ее трансформация продолжается, а трансформационные процессы носят деструктивный характер. Появляются так называемые «новые бедные», в состав которых входят работающие бедные (учителя, врачи, работники науки и культуры...), потенциальные бедные иждивенцы в домохозяйствах небедного населения... Дифференциация положения бедного и не-

бедного населения при существующих тенденциях будет продолжаться усугубляться, что неизменно повлечет за собой рост уровня социальной напряженности, дезорганизации социальных процессов, увеличение численности населения, готового принять участие в акциях массового протеста. Таким образом, необходим комплекс мер государственного воздействия, направленный на снижение данной дифференциации и улучшение положения населения.

Список литературы

1. Алексеенок А.А., Ухорский М.В. Особенности становления и развития социальной структуры современного российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1 (27). С. 18–25.
2. Бедность и бедные в современной России. / Горшков М. К., Тихонова Н.Е., Пахомова Е.И., Тюрина И.О., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Седова Н. Н., Петухов В.В., Аникин В.А. М., 2014.
3. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 232–242.
4. Давыдова Н.М., Седова Н.Н. Богатые и бедные в современной России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 274.
5. Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. 2014. № 1 (357). С. 20–28.
6. Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37–67.
7. Мареева С.В. Справедливость и неравенства в общественном сознании // В сборнике «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными». 2016. С. 645–647.
8. Печетова Т.И. Бедность как фактор, определяющий уровень жизни населения в российских регионах // Молодой ученый. 2017. № 5 (139). С. 223–226.
9. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 7.
10. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 53–65.

11. Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4 (27). С. 11–43.

Алексеенок Анна Алексеевна, д-р. социол. наук, проф., alexaconst@rambler.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Дорохова Юлия Викторовна, канд. экон. наук, доц., robbot@yandex.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Михалев Игорь Васильевич, канд. социол. наук, доц., eforags@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

DIFFERENTIATION OF BEHAVIOURAL PRACTICES AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF POOR AND NON-POOR POPULATION IN CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY

Alekseenok A.A., Dorokhova Yu.V., Mikhalev I.V.

This article presents an analysis of the differentiation of behavioral practices and socio-psychological characteristics of the poor and non-poor population in the context of the transformation of the social structure of Russian society. The authors state that the transformation of the post-Soviet space entailed significant destructive changes in the social structure, which were reflected in the polarization of the quality of life of the population, the aggravation of the situation of the poor population, which was reflected in the differentiation of their quality of life. In article this differentiation by such criteria as value orientations, social political and moral installations, leisure and recreational practitioners, emotional psychological state, social well-being, sotsiavlny alarms and fears is analyzed. According to the results of the study, it is summarized that the differentiation of the situation of the poor and non-poor population under existing trends will continue to worsen, which will always entail an increase in the level of social tension, disorganization of social processes, and an increase in the number of people ready to take part in mass protests. Thus, a set of measures of state influence is needed, aimed at reducing this differentiation and improving the situation of the population.

Key words: social differentiation, social inequality, социальная структура, social stratification, social stratification, transformation of social structure, behavioural practitioners, social and psychological characteristics.

Alekseenok Anna Alekseevna, doctor of social science, professor, alexaconst@rambler.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Service,

Dorokhova Yuliya Viktorovna, candidat of economical science, associate professor, robbot@yandex.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Service,

Mikhalev Igor Vasilievich, candidat of social science, associate professor, eforags@mail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Service

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

З. И. Коннова, Г. В. Семенова

Рассматривается термин «социализация» в лингводидактическом аспекте. Авторы обращают внимание на то, что процесс профессиональной социализации в иноязычной среде возможен благодаря обучению коммуникативному поведению как макросредству социализации, которое организовано с применением таких образовательных технологий, как проблемное обучение, обучение в сотрудничестве, ролевые и деловые игры, технологии casestudy, VR- и AR-технологии. Подчеркивается, что тщательный отбор языкового материала позволяет расширить терминосистему языка специальности и создать различные ситуации межкультурной коммуникации. Обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей ориентировано на формирование способности и готовности будущего специалиста к вхождению в иную культурно-языковую среду, успешной адаптации в ней с использованием приобретенных знаний и умений и, как результат, социализации в ней.

Ключевые слова: социализация, иноязычная среда, коммуникативное поведение, социально-культурное развитие студентов, культурно-языковая среда, образовательные технологии.

В последние годы духовный потенциал иностранного языка как учебной дисциплины приобретает огромное значение в социально-культурном развитии личности и ее социализации в межкультурном пространстве. Процесс изучения иностранного языка следует рассматривать в качестве целенаправленной деятельности, которая способна сформировать систему ценностных качеств личности, а также может содействовать включению личности в общество и ее социальному становлению. Диалог культур выходит на первое место в современном мире. Новый социальный заказ требует обучать будущих специалистов не просто иностранному языку как средству коммуникации, а формировать культурно-языковую личность, которая готова работать в новых социокультурных условиях. Национальные различия в менталитете и во взаимоотношениях между языком и мышлением, неправильное понимание особенностей чужой культуры затрудняет процесс межличностного общения. Роль преподавателя в этом процессе состоит в том, чтобы донести до обучаемого информацию о функциональном использовании любого языка в его социальном контексте вместе с его структурными компонентами, так как существует тесная связь между языком и социальным контекстом, в котором он используется носителями языка. «Основой обучения иностранному языку является целенаправленное соизучение языков и культур в процессе овладения нормами межкультурного общения в изучаемых сферах (социально-бытовой, деловой, общественно-политической, научной, технической, педагогической), включающее коммуникативно-познавательное соизучение национальных

языковых культур в контексте жизнедеятельности стран изучаемого и родного языков» [1, с. 94].

Е.В. Луткова в своей работе подчеркивает, что «обучение иностранному языку предполагает овладение суммой лингвистических и социокультурных знаний, поэтому необходимо рассматривать этот процесс как взаимодействие двух культур, который направлен на передачу или приобретение культурных и страноведческих знаний. Он также направлен на воспитательный процесс, который может видоизменять систему культурно-социальных ценностей личности» [2].

Актуальность темы нашей работы определяется тем, что в настоящее время образовательные программы по иностранному языку в вузе носят в основном профессионально ориентированный характер. Развитие иноязычной компетенции является в них приоритетным, но уделяется недостаточно внимания формированию эстетической и духовной культуры студентов. Обучение иностранному языку студентов неязыковых специальностей должно быть ориентировано на формирование способности и готовности будущего специалиста к вхождению в иную культурно-языковую среду, успешной адаптации в ней с использованием приобретенных знаний и умений и, как результат, социализации в ней. Поэтому, как утверждает Е.И. Пассов, необходима «переориентация образования со знания центрического на культуросообразное, которое сделает человека не только образованным (компетентным), но и культурным, духовным, научит не мыслям, а мыслить, нацелит не на овладение готовыми знаниями и их применение, а на креативность» [3].

Дадим определение понятию «социализация» с точки зрения лингводидактики. Это процесс и результат усвоения и активного воспроизводства обучаемыми языковых норм, применяемых в общении на бытовом уровне и в профессиональной сфере в постоянно меняющихся жизненных условиях в современном мире.

Иностранный язык представляется значительным в современной высшей школе, если рассматривать его в рамках подготовки будущего специалиста. При этом необходимо подчеркнуть, что в процессе профессионально ориентированной иноязычной подготовки он выступает не только в качестве коммуникативного средства, а также в качестве средства профессионального познания и социализации, так как изучается для общих и профессиональных целей. Экстралингвистическая подготовка в вузе помогает будущему специалисту наиболее адекватно адаптироваться и социализироваться в иноязычном профессиональном сообществе и успешно ориентироваться в информационном поле профессии.

Социализация в профессионально ориентированном обучении основана на том, чтобы вовлекать студентов в устное и письменное профессиональное общение на протяжении всего иноязычного образовательного процесса. Поэтому постановка профессиональных коммуникативных задач базируется на обучении языку путем решения конкретных ситуаций и яв-

ляется одним из наиболее эффективных способов формирования профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции.

В процессе социализации студент рассматривается как потенциальный партнер реальной межкультурной коммуникации в профессиональной сфере. Учебный процесс обеспечивает развитие социокультурной компетенции будущих специалистов, то есть способности применять знания о национально-культурных особенностях иноязычного социума [4, с. 196].

Следует отметить, что в течение иноязычного обучения языку специальности происходит накопление специальной терминологии, освоение всех видов речевой деятельности, а также соответствующей профессиональной иноязычной культуры. Студенты осваивают иностранный язык как средство получения дополнительной информации по специальности и усваивают систему обозначений и специфические для зарубежного опыта понятия, а также нужный для речевого взаимодействия компонент соответствующей национальной культуры.

Важно упомянуть, что вопросами социализации и социального развития в отечественной литературе стали активно заниматься лишь в конце XX века, и вклад в эту научную школу внесли такие ученые, как Л.П. Буева, Б.З. Вульф, И.С. Кон, А.В. Мудрик, А.В. Петровский, Д.И. Фельдштейн, Е. А. Дебрян, Ю. С. Данилина, Н. К. Иванова, С. Г. Шишкина и др.

Согласно мнению А. В. Мудрик, «характеристиками личности, которые обеспечивают успешную социализацию, являются:

- способность к изменению своих ценностных ориентаций;
- ориентацию не на конкретные требования, а на понимание универсальных моральных человеческих ценностей;
- умение находить баланс между своими ценностями и требованием роли при избирательном отношении к социальным ролям» [5, с. 35].

Мы солидарны с Е. А. Дебрян, Ю. С. Данилиной, которые полагают, что «социально-культурное развитие студентов в процессе изучения иностранного языка предполагает развитие их духовно-эстетической культуры, гармонизацию их внутреннего мира, направленную на реализацию эстетически оформленной межличностной коммуникации в пространстве иноязычной культуры, культурную самоидентификацию студентов на ценностно-смысловой личностной основе» [6, с. 153].

Проведя анализ большого количества определений понятия «социализация» и обобщив результаты, Н.К. Иванова и С.Г. Шишкина пришли к выводу, что «социализация – это совокупность процессов и взаимодействий, в результате которых человек принимает нормы, права, ценности общества, в котором живет, и в дальнейшем начинает их сознательно воспроизводить, выполняя свою социальную роль» [7].

Объем знаний, которые студенты получают в процессе изучения иностранного языка и инокультуры, дают возможность познакомиться с

другой ментальностью, выработать собственные жизненные установки, перестать воспринимать и оценивать все явления окружающего мира через призму традиций и ценностей собственной этнической группы, определить нравственную стратегию поведения в профессиональном иноязычном пространстве. Дисциплина «Иностранный язык» становится сферой коммуникативного социального коучинга, в котором сведена к минимуму теория и максимально используется практика. Он способствует формированию иноязычной социальной компетенции, которая является основой процесса социализации личности, так как она позволяет студенту справиться со сменой социальных ролей и сред, «предполагает умение сотрудничать, вступать в контакты, готовность к изменениям, к самоопределению, социальную ответственность за последствия своих поступков» [8]. Овладение невербальным коммуникативным поведением или невербальным языком параллельно с вербальным языком помогает формированию внутреннего мира студента и его более чуткому отношению к носителям изучаемого вербального языка, к их культурному наследию, теснее приблизиться к их образу жизни.

Чтобы определить степень сформированности иноязычной социальной компетенции и культуры студентов и выявить их отношение к данной проблеме и понимание их значимости для успешной социализации и образовательного процесса в целом, была проведена констатирующая диагностика среди студентов, проходящих обучение на кафедре иностранных языков ТулГУ. В опросе приняли участие 224 первокурсника, осваивающие разные специальности. Обработав анкеты и обобщив результаты, мы получили данные, которые позволили сделать следующие выводы (табл.).

Таблица

Основные параметры, которые студенты связывают с понятиями иноязычной социальной компетенции и культуры, и их значимость для успешной социализации и образовательного процесса в целом

Основные параметры	Количество студентов, %
Успех в общении	37,1
Основа для взаимопонимания	25,9
Усвоение ценностей культуры своей страны и страны изучаемого языка	19,3
Составная часть духовной культуры	11,8
Культура поведения	5,9

На основании анализа результатов этого опроса в настоящее время на продвинутом этапе обучения (2 курс бакалавриата, 2, 3 и 4 курс специалитета, магистратура) в процесс иноязычной подготовки на кафедре иностранных языков ТулГУ успешно внедряются интегрированные кейсы, ко-

торые, благодаря их тематике и содержательному наполнению, позволяют успешно формировать иноязычную культуру и социальную компетенцию студентов. Проведя обработку полученных данных с помощью статистических методов и организовав постоянный комплексный мониторинг качества профессиональной языковой подготовки студентов в условиях работы по ФГОС ВО нового поколения, нами было выявлено, что применение разработанного алгоритма при работе с кейсами на базе коучинг-технологии дает возможность обучаемым не только улучшить свою профессиональную иноязычную подготовку, но и усвоить ценности культуры своей страны и страны изучаемого языка (нарастить профессиональный вокабуляр; приобрести знания о специфических речевых клише, употребляемых в той или иной ситуации; познакомиться с профессиональными жаргонизмами; сформировать профессиональную культуру общения и т. д.), что напрямую помогает бытовой и профессиональной социализации будущих специалистов в иноязычном пространстве.

Успеху в иноязычном общении содействует также использование преподавателями кафедры иностранных языков в процессе обучения ролевых и деловых игр. Игра направлена на воспроизведение опыта осуществления предметных действий, опыта общения, культурных традиций. Применительно к рассматриваемому процессу в игре можно видеть деятельность, имитирующую ситуации реального иноязычного общения с иноязычным партнером [9, с. 47 - 48]. «Интерактивное взаимодействие происходит в процессе всей деловой игры, так как решения принимаются преимущественно коллективно. При этом каждый решает свою отдельную задачу в соответствии со своей ролью и функцией. Обучающиеся приобретают социальные навыки, развивают коммуникативные иноязычные способности, критическое мышление для принятия профессионально грамотных решений» [10, с. 34]. Взаимодействуя во время игры, студенты преодолевают стеснение, рушится языковой барьер, повышается вовлеченность в процесс обучения и интерес к предмету, что способствует лучшему ориентированию в иноязычном пространстве. Согласно опросу студентов, подготовка и участие в ролевых и деловых играх на занятиях по иностранному языку в вузе позволили им почитать дополнительную литературу о культуре, промышленности, истории, менталитете страны изучаемого языка, лучше узнать сокурсников и преподавателя, приспособиться работать в коллективе. Все это дает возможность будущим специалистам научиться адекватно реагировать на воздействие социальной среды, эффективно действовать в различных ситуациях профессионального общения и социальных взаимоотношений.

Внедрение преподавателями кафедры иностранных языков ТулГУ в иноязычный образовательный процесс новейших технологий виртуальной и дополненной реальности (VR- и AR-технологии) также способствует социализации студентов, так как обучаемый получает возможность погру-

зиться в аутентичную среду. Я.Ю. Ленсу указывает «на два важных качества виртуальной реальности: передачу информации не только с помощью визуального канала, но и через осязание и слух, а также на возможность активного непосредственного взаимодействия людей между собой» [11]. При этом студенты овладевают вербальными и невербальными моделями поведения, принятыми в иной лингвокультурной и социокультурной общности, осознают национально-специфические особенности восприятия мира представителями другого языка и другой культуры, что в целом ведет к успешной социализации в мировом пространстве. Например, использование приложения Mondly на занятиях по иностранному языку позволяет погрузить студента в искусственно созданную речевую ситуацию и отработать выученный лексический материал по различным типовым темам (прогулка по городу, заселение в гостиницу, вызов такси, поход в музей, шопинг, оформление заказа на экскурсию и т. п.), что помогает впоследствии успешнее преодолеть языковой барьер, познакомиться с бытовой употребительной лексикой, вжиться в культурное пространство иноязычного общества. Преимуществом применения технологий виртуальной и дополненной реальности является то, что их интерактивность, наглядность, доступность, легкость в использовании, 3D-визуализация объектов и др. повышают интерес к процессу обучения и позволяют обучаемому отработать поведение в аутентичной языковой среде и получить ценный опыт социализации в иноязычном пространстве. Использование иностранного языка не воспринимается как социальная практика, пока студенты не окажутся в среде, где язык - повсюду, обычно в чужой стране. VR- и AR-технологии сегодня незаменимы для этой цели.

Кроме общеобразовательных базовых дисциплин по иностранному языку для неязыковых специальностей кафедра иностранных языков ТулГУ реализует программу профессиональной переподготовки по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Занятия ведут высококвалифицированные творческие преподаватели, активно применяющие в своей педагогической деятельности инновационные образовательные технологии, а именно: мультимедийные учебно-методические ресурсы, электронные тесты, персональные образовательные сайты, гипертексты, пакеты интерактивных профессионально ориентированных кейсов, карты инфографики интеллекта, веб-проекты, AR-приложения и др. Применение подобных технологий позволяет минимизировать недостатки, которые несет отсутствие реальной языковой среды, и способствует профессиональной социализации специалиста, которая «предполагает нахождение человеком личностного смысла в профессии, своего места в профессиональной стратификации, формирование профессионального менталитета, профессиональной идентичности» [12]. Необходимо подчеркнуть, что посредством перевода обеспечивается межкультурная коммуникация. Чтобы осуществить социальную, посредническую

функцию перевода и сохранить то воздействие, которым обладает оригинал, переводчик должен понять, какую социокультурную информацию несут единицы языка в оригинале, а потом полноценно описать эту реальность на другом языке. Эти курсы пользуются большим спросом среди студентов и выпускников ТулГУ, так как позволяют будущим специалистам не только обогатить профессиональный портфолио переводческой и профессиональной иноязычной компетенциями, но и значительно усилить свои позиции на рынке труда и успешно социализироваться в профессии и обществе.

Соприкосновение и познание культур и ментальностей происходит не только в рамках аудиторных мероприятий, но за их пределами. К особым инструментам социализации в иноязычной среде относятся занятия в студенческом клубе любителей иностранных языков «Лингва», который успешно функционирует на кафедре иностранных языков ТулГУ на протяжении многих лет. Его цель – формировать у студентов лингвокультурную компетенцию, воспитывать толерантность посредством знакомства с национальными обычаями других народов, изучения иностранной литературы и материалов сети Интернет, онлайн-общения в социальных сетях, встреч с зарубежными гостями. Наряду с российскими обучающимися в заседаниях клуба участвуют студенты и преподаватели из США, Великобритании, Германии, Франции. Эти встречи позволяют студентам взаимно обучаться, не испытывая страха перед оценкой, чувствовать себя комфортно со своими сверстниками, включаться в диалог культур, ближе изучить язык повседневного поведения. Такое аутентичное социальное взаимодействие позволяет впоследствии изучающим язык продвигать свои языковые навыки на практике. Тематика заседаний клуба «Лингва» современна, злободневна, интересна, разнообразна. Члены клуба общаются также с зарубежными друзьями через сеть Интернет, что позволяет им ближе и подробнее знакомиться с укладом жизни и привычками жителей страны изучаемого языка. Кроме обычных заседаний клуба организаторы проводят вечера в неформальной обстановке с организацией чаепитий, посвященных праздникам и традициям как отечественным, так и зарубежным. Именно соционормативный опыт культуры страны изучаемого языка, знание языков общения, используемых народной культурой этой страны, опыт межличностного общения в различных сферах, опыт восприятия искусства и являются основными источниками приобретения межкультурной коммуникативной компетентности, которая способствует успешной социализации будущего специалиста в иноязычной среде.

Социализации личности в иноязычном профессиональном пространстве в последние годы уделяется особое внимание. От нее напрямую зависит конкурентоспособность выпускника неязыкового вуза в современном межкультурном пространстве. Ежегодные Всероссийские чтения студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием «XXI век:

гуманитарные и социально-экономические науки», организованные Институтом гуманитарных и социальных наук и проводимые на кафедре иностранных языков ТулГУ по секции «Наука в XXI веке», позволяют смоделировать искусственную языковую среду, благодаря которой появляется возможность задать определенный стиль поведения, поведенческие установки и выработать привычки, определить нравственную стратегию поведения в профессиональном иноязычном пространстве. Студенты самостоятельно оформляют заявки на иностранном языке, изучают и анализируют иноязычную литературу по профилю своей специальности, составляют тезисы выступлений на иностранном языке для издания в сборнике докладов, готовят всю свою речь в целом и презентацию своего доклада. Кроме представления доклада, студентам приходится отвечать на вопросы слушателей, тем самым тренируя неподготовленную иноязычную речь и манеру общения и поведения в рамках научной конференции. В конференции принимают участие русские и иностранные студенты. Взаимодействуя в рамках конференции, они учатся общаться, толерантно относиться к представителям других стран, принимая и изучая на практике их культуру и стиль поведения в деловой среде. Подобные мероприятия способствуют будущей социализации личности в профессиональной сфере, так как носят не только социально-культурный характер, но и профессиональный, поскольку сущность профессиональной социализации состоит в том, что в ее процессе человек приобщается к определенной профессиональной роли и становится носителем социального статуса, непосредственно связанного с этой ролью.

На современном этапе преподавания языков международного общения в России знания культуры страны и народа изучаемого языка не просто важные и значимые, они играют определяющую роль при использовании языка и тем самым влияют на иноязычную коммуникативную компетенцию студентов. «Идея расширения рамок обучения культуре нашла отражение в современных УМК по иностранным языкам, в которых культуроведческий компонент выходит за пределы туристического аспекта» [13, с. 38]. Составленные авторским коллективом кафедры иностранных языков ТулГУ учебные пособия также преследуют эти цели. Они разработаны для разных этапов освоения дисциплин «Иностранный язык», «Деловой иностранный язык», «Иностранный язык в сфере юриспруденции», «Иностранный язык в профессиональной деятельности» и др. и содержат необходимую информацию для работы в различных сферах инокультурной среды. Данные пособия наполнены разнотипным аутентичным лексическим материалом, который способен дать будущим специалистам представление об иной национальной картине мира, и позволяют проводить работу над языком в единстве с приобщением к культуре этого языка на материале его языковых ценностей. Так как «успешность профессиональной социализации проявляется в интеграции человека в профессиональное со-

общество и посредством этого – в общество в целом» [14], то знакомство с подобным содержанием помогает будущему специалисту наиболее адекватно адаптироваться и социализироваться в современном обществе.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что построение учебного процесса на основе социокультурного подхода к иноязычному обучению в вузе предполагает тесное взаимодействие иностранного языка и культуры его носителей. Очевидно, что социализирующим результатом высшего образования выступает устойчивая система социальноценностных отношений студента к окружающему миру, к осваиваемой профессии, к самому себе. Современные образовательные стандарты предъявляют новые требования к будущим специалистам. В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что выпускник вуза должен быть готов

- осуществлять свою профессиональную деятельность в иноязычной среде;
- адаптировать свое коммуникативное поведение в соответствии с ситуацией общения и лингвокультурной принадлежностью собеседников;
- социализироваться в сложившейся профессиональной иноязычной среде.

Данные требования предполагают построение такого иноязычного образовательного процесса, который позволяет сформировать межкультурную компетенцию студентов, чтобы иметь возможность осуществлять в будущем профессиональную деятельность в любой родной или иноязычной среде. В качестве основного требования выступает потребность адаптировать содержание и методы обучения языку специальности к практическим нуждам обучаемых, помочь им успешно социализироваться с помощью погружения в языковую среду и ролевого проживания иноязычной культуры. Вместе с тем следует подчеркнуть, что при определении содержания обучения студентов неязыковых специальностей должны учитываться интересы и мотивация обучаемых. Это относится как к подбору учебных материалов и образовательных технологий, так и формированию иноязычных навыков, отвечающих требованиям профессиональной подготовки студентов. Анализ работы преподавателей кафедры иностранных языков ТулГУ по формированию социальной компетенции студентов для успешной социализации в реальном иноязычном пространстве показал, что используемые образовательные формы, методы и технологии помогают будущим специалистам установить культурные связи с представителями иной культуры, проникнуть в национально-культурную специфику их мира и успешно социализироваться в нем.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить следующее: нет возможности измерить социально-нравственную составляющую той или иной учебной дисциплины, однако приобретенный на основе полученных знаний опыт, умение им распорядиться, определить поведенческие стратегии в их правильных этических преломлениях в значительной степе-

ни являются концептуальной конечной целью изучения иностранного языка в вузе. Дисциплина «Иностранный язык» выступает в роли транслятора духовно нравственных ценностей, утверждая тем самым достижения социально значимых практик. В задачу студента входит взять себе все лучшее из культуры и менталитета своей страны и страны изучаемого языка и научиться интегрировать в иноязычную среду.

Перспективы дальнейшего исследования проанализированной выше проблемы мы видим в более подробном всестороннем изучении внутренних и внешних механизмов социализации будущих специалистов в иноязычном пространстве общества и профессии средствами изучаемого иностранного языка.

Список литературы

1. Коннова З.И., Семенова Г.В. Активизация познавательной деятельности студентов при формировании социокультурной и социолингвистической компетенций // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 4. С. 91–98.

2. Луткова Е.В. Приемы и условия повышения эффективности формирования социокультурной компетенции студентов педвуза в процессе изучения иностранного языка // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2006. № 6.

3. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.

4. Вишневецкая Н.А., Романова О.Н., Суркова Е.В. Вопросы социализации в процессе иноязычного обучения студентов технических вузов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (66). С. 195–198.

5. Мудрик А.В. Социализация человека / А.В. Мудрик. М., 2004. 38 с.

6. Дебрян Е. А., Данилина Ю. С. Социально-культурное развитие личности студентов в процессе изучения иностранного языка // Вестник СибАДИ. 2014. №2 (36). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-kulturnoe-razvitie-lichnosti-studentov-v-protsesse-izucheniya-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 29.08.2020).

7. Иванова Н. К., Шишкина С. Г. Иностранный язык в техническом вузе как социально-воспитательный компонент формирования специалиста // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2012. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostranny-yazyk-v-tehnicheskom-vuze-kak-sotsialno-vozpitatelnyy-komponent-formirovaniya-spetsialista> (дата обращения: 29.08.2020).

8. Елканова Т. М., Чеджемова Н. М. Иностранный язык как средство формирования культурно-инфузионного компонента общегуманитарного базиса образования // Вестник Костромского государственного

университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inostranny-yazyk-kak-sredstvo-formirovaniya-kulturno-infuzionnogo-komponenta-obschegumanitarnogo-bazisa-obrazovaniya> (дата обращения: 30.08.2020).

9. Коннова З. И., Семенова Г. В. Игровые методы в развитии профессиональной иноязычной компетенции в неязыковом вузе // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. Тула: Изд-во ТулГУ, 2019. № 4. С. 47–56.

10. Семенова Г. В. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции магистров экономических специальностей с помощью учебно-ролевых игр // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2019. Т. 5, № 4. С. 27–40. DOI: 10.18413/2313-8971-2019-5-4-0-3

11. Никитичев И. Г. Виртуальная реальность в иноязычном образовании // Язык. Образование. Культура: сборник научных трудов по материалам XIII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 85-летию КГМУ (22–27 апреля 2019 г.) Курск: КГМУ, 2019. С. 267 – 270.

12. Зеер Э. Ф. Понятийно-терминологическое обеспечение компетентностного подхода в профессиональном образовании // Понятийный аппарат педагогики и образования. М.: ВЛАДОС, 2007. С. 345–356.

13. Коннова З. И., Семенова Г. В., Тимакина О. А. Интегральная модель формирования профессиональной иноязычной компетенции специалиста в рамках образовательной стратегии: монография. Тула: ТулГУ, 2019. 192 с.

14. Землянский В. В. Профессиональная социализация как основа становления компетентного специалиста // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. № 3. С. 347 – 349.

Коннова Зоя Ивановна, д-р. пед. наук, проф., зав. кафедрой, konnova71z@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Семенова Галина Владимировна, канд. пед. наук., доц., galinasem27.03@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

PROBLEMS OF SOCIALIZATION IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES

Z. I. Konnova, G. V. Semenova

The paper considers the term "socialization" in the linguodidactic aspect. The authors draw attention to the fact that the process of professional socialization in a foreign language environment is possible due to the training of communicative behavior as a macro - medium of socialization, which is organized using such educational technologies as problem-based learning, learning in collaboration, role-playing and business games, example technologies, VR and AR technologies. It is emphasized that careful selection of language material allows

expanding the terminology system of the specialty language and modeling various situations of intercultural interaction. Teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties is aimed at forming the ability and readiness of the future specialist to enter a different cultural and linguistic environment, successfully adapt to it using the acquired knowledge and skills and, as a result, socialization in it.

Key words: socialization, foreign language environment, communicative behavior, socio-cultural development of students, cultural and language environment, educational technologies.

Konnova Zoya Ivanovna, doctor of pedagogical sciences, professor, head of department, konnova71z@gmail.com, Russia, Tula, Tula State University,

Semenova Galina Vladimirovna, candidate of pedagogical science, associate professor, galinasem27.03@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

УДК 316.343.652

DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10304

СРЕДНИЙ КЛАСС В РОССИЙСКОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ДИНАМИКА ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

О. В. Шиняева, Ю. А. Тихонова

В условиях модернизации российского общества происходит изменение социальной структуры и состава среднего класса. Формирование информационного общества и повсеместное внедрение цифровых технологий привели к появлению новых социально-профессиональных групп работников, которых М. Кастельс обозначил как «информационные работники». Новый тип работников начинает уверенно занимать своё место среди занятого населения. В статье выявляются «информационные работники» на российском рынке труда, описываются их особенные качества и положение в составе среднего класса.

Ключевые слова: средний класс, старый и новый средний класс, информационные работники, перспективы развития нового среднего класса в регионах.

Активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в последние двадцать лет, переход к «цифровому производству» привели к изменениям структуры общества и, прежде всего, состава среднего класса. Происходит уменьшение численности основных слоев традиционного среднего класса – мелких собственников, предпринимателей, их место активно занимают топ-менеджеры, управленцы, квалифицированные наемные работники. Актуальность исследования связана с появлением в составе российского среднего класса социально-профессиональной груп-

пы, владеющей особо ценными знаниями и навыками; в условиях складывающегося информационного капитализма представители этой группы стали именоваться «информациональные работники». Какова их доля на рынке труда российских регионов? Как их можно идентифицировать? Какую часть представителей этой группы можно отнести к «новому» среднему классу?

Требуется социологическое осмысление появления новой социально-профессиональной группы в российских регионах, описание их основных характеристик и определение перспектив развития. Ценность и привлекательность идеи «срединности» объясняется тем, что «в ней воплощена идея нормы в раздираемом крайностями обществе» [4, с. 93].

Социологическая наука трактует средний класс как основу стабильного развития любого общества. Чем многочисленнее средний класс, тем стабильнее и устойчивее государство. Несмотря на различные исследования среднего класса зарубежными и российскими учеными, нет единых критериев отнесения к среднему классу социально-профессиональных групп. Объективные трудности в изучении среднего класса создает внутренняя неоднородность этой социальной группы.

Теоретическую значимость для нашего исследования представляет классовая теория К. Маркса, в которой классовый статус индивида определяется его положением в отношениях эксплуатации и обладанием экономическими ресурсами. Представители среднего класса «работают преимущественно только головой». Маркс отмечал, что «...постоянное увеличение средних классов, стоящих посередине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой – средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивает социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч» [8, с. 421]. К. Маркс связывал рост численности средних классов с экономическим ростом, ростом производительности труда и последующим «возрастанием социальной стабильности». Средний или промежуточный класс интересовал К. Маркса в контексте противостояния основных классов; он может стать союзником, как капиталистов, так и рабочих. Но марксистский подход с его одномерной социальной стратификацией нивелировал значимость статусных, образовательно-профессиональных различий, что не позволило использовать его критерии для выделения среднего класса в меняющейся структуре социума.

Немецкий философ и социолог Макс Вебер под классами понимал группу людей с примерно одинаковыми *жизненными шансами*, включающими материальные вознаграждения, социальные и культурные возможности, которые может ожидать типичный член группы в пределах конкретного общества [7, с. 175]. По главному критерию социального неравенства – уровню дохода – М. Вебер к среднему классу относил зажиточ-

ных крестьян, ремесленников, мелких торговцев («нижние средние классы») и чиновников, специалистов, интеллектуалов («профессионалы»). Высокие рыночные позиции, по мнению ученого, могут занять те, кто обладает ценной и востребованной квалификацией: «природа современной организации государства и общества ... обуславливает привилегированное положение профессиональной подготовки, а тем самым ... образованности, этого наимоощнейшего элемента межсословных различий в рамках современного общества» [7, с. 71]. Веберовская многомерная стратификация общества, в основе которой находятся три критерия – собственность, престиж, власть, актуальна и значима для современного анализа функционирования среднего класса.

Французский социолог М. Хальбвакс сфокусировал внимание на том, что «во все времена, при всех состояниях цивилизации существовали не только высший и низший классы, но также один или несколько промежуточных» [12, с. 34]. Учёный к среднему классу относил ремесленников, чиновников, служащих, работников здравоохранения. Представители среднего класса, по мнению М. Хальбвакса, оказывают влияние на жизнь общества, формируя общественное мнение и обеспечивая преемственность традиций, но «не обладают инициативной ролью в эволюции, хотя проявляют замечательную способность к сопротивлению и выживанию во время и в последствии многих кризисов и экономических преобразований» [12, с. 107].

Эвристичным, на наш взгляд, является положение М. Хальбвакса о том, что средний класс представляет «совокупность людей, которым состояние позволяет производить определенные расходы на предметы роскоши вне зависимости от того, отказываются они от некоторых полезных расходов или нет» [12, с. 286]. Социолог пришел к выводу, что основополагающей характеристикой, объединяющей всех представителей среднего класса в единую группу, является *специфика их трудовой деятельности*, знание и соблюдение единообразных правил и предписаний, а также наличие состояния, которое «позволяет производить расходы на предметы роскоши вне зависимости от того, отказываются они от некоторых полезных расходов или нет» [12, с. 288].

Результаты исследований американского общества социолога и антрополога Ллойда Уорнера позволили выделить в составе среднего класса актуальные для современной России сегменты - *верхний и нижний среднедоходные слои*. Верхний средний класс, по мнению Уорнера, состоит из собственников и профессионалов, которые обладают меньшим материальным достатком в сравнении с выходцами из двух верхних классов, при этом они активно участвуют в общественной жизни и проживают в благоустроенных районах: руководители коммерческих структур, научная элита и высокооплачиваемые профессионалы [11, с. 45]. Нижний средний класс наполняют государственные чиновники среднего и низшего звена, квали-

фицированные служащие, мелкие предприниматели, торговцы, фермеры, «белые воротнички», имеющие среднее образование. К критериям идентификации среднего класса Уорнер отнёс: 1) значительный уровень дохода и объем имущества; 2) относительная личная автономия, инициативность и высокая экономическая активность; 3) наследуемый культурный капитал, получение хорошего образования; 4) высокая оценка семьи как ценности [11, с. 47].

Идея выделения в составе среднего класса «новых» слоев принадлежит американскому социологу Алвину Гоулднеру. К ним ученый отнес лиц, у которых наличие интеллектуального капитала доминирует над материальным. Среди «новых» слоев А. Гоулднер выделил техническую интеллигенцию и интеллектуалов, характерными чертами которых являются культурный капитал (знания и квалификация) и культура критического дискурса (особая речевая общность). А. Гоулднер приходит к выводу, что старый средний класс является ревнителем устоев, а новый – двигателем прогресса [16, с. 52]. По мнению ученого, данные группы находятся в конфликтных отношениях, поскольку представители «старого» среднего класса контролируют общественную экономику. Э. Гоулднер утверждает, что «новый класс представляет собой мировой исторический феномен, развитие данного класса происходит во всех странах мира, независимо от их общественной системы и экономического уровня: как в странах позднего капитализма, так и в государствах авторитарного социализма» [16, с. 713].

Развивая принцип деления состава среднего класса на старый и новый, Энтони Гидденс уточнил состав этих сегментов для позднего индустриального и переходного общества: высший слой нового среднего класса включает менеджеров, экспертов в фирмах и высококвалифицированных специалистов, пользующихся некоторой степенью автономии и привилегиями; к низшему слою относятся учителя, врачи, офисные служащие [3, с. 116]. Ученый акцентировал внимание на сокращении численности старого среднего класса (класса собственников) и росте доли нового среднего класса. Значимым для решения нашей задачи является положение Э. Гидденса о роли культурно-профессионального ресурса наемных работников: в условиях рынка превышение спроса над предложением ведет к росту влияния его человеческого потенциала; чем дефицитнее специалист (больше опыт, лучше образование, репутация), тем больше желающих его нанять, тем больший предлагается денежный доход.

По мнению Э. Гидденса, средний класс Великобритании конца XX – начала XXI веков можно поделить на следующие категории. Первая – старый средний класс – включает в себя мелких предпринимателей: собственников небольшого бизнеса, владельцев частных магазинов и маленьких фермерских хозяйств. Данная категория характеризуется непостоянством численности; «это является результатом того, что постоянно происходит процесс выбывания разорившихся предпринимателей, который

уравновешивается притоком новых людей, желающих попробовать свои силы в собственном бизнесе» [3, с. 119].

Вторая категория – «новый средний» класс; состоит из высокооплачиваемых наемных работников, занятых интеллектуальным трудом. Высший слой «нового среднего» класса включает менеджеров и специалистов, работающих в сфере крупного бизнеса, являющихся высококлассными специалистами. Низший слой нового сегмента является более гетерогенной группой, включает конторский персонал, продавцов, учителей, медсестер. У большей части низшего среднего класса социальные и политические позиции близки к позициям «синих воротничков» [3, с. 121]. Сделанные в работах ученого выводы весьма актуальны для анализа среднего класса современного российского общества.

Активное внедрение цифровых технологий в различные сферы экономики и социальной жизни заставило социологов внести коррективы в критерии идентификации нового среднего класса. По мнению представителя символического направления, социолога М. Кастельса, культурный капитал является главной отличительной особенностью среднего класса; он же становится причиной образования в структуре среднего класса новых социальных групп – «информационных работников» [5, с. 500]. Это высокоэффективные работники, занятые, по мнению учёного, в сферах «soft-tech» и «hi-tech», банковских, финансовых, страховых услуг, в сфере СМИ. Ученый поясняет, что его термин «информационные работники» указывает на современный атрибут специфической формы социальной структуры, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными критериями получения особого социального статуса.

М. Кастельс акцентирует внимание на процессе нисхождения традиционного нового среднего класса, теряющего устойчивые позиции на своих сегментах рынка труда. Основным компонентом новой системы стратификации ученый называет *обладание информационными компетенциями и интернет-грамотностью*. Существовавшая ранее социальная противоположность владельцев способов производства и наемных работников дополнилась разделением на «интернетимущих» и «интернетнеимущих». Кастельс выделяет следующие критерии принадлежности к информационным производителям: 1) образование и объем интеллектуального капитала; 2) уникальные знания и умения, которым соответствуют уникальные по размерам доходы; 3) специфические позиции информационных производителей в системе трудовых отношений, связанные с их положением в системе производства.

Ученый подчеркнул две базовые составляющие сформулированных им критериев идентификации нового среднего класса: *человеческий капитал и мотивация в профессиональной деятельности*. В человеческом ка-

питале информационных работников М. Кастельс особо отмечает наличие теоретической и практической подготовки, опыт работы по профессии, знание ИКТ, здоровье. Мотивация этих работников в профессиональной деятельности характеризуется установками на постоянное повышение квалификации, решением нестандартных и творческих задач, реализацией своего профессионального потенциала, ориентацией на материальные стимулы и престиж [5, с. 524].

Адаптации критериев идентификации среднего класса в российском социуме и выделении новых среднедоходных групп посвящены работы отечественных ученых, появившиеся в последние 15 лет.

Е. М. Аврамова, осуществив исследование российского среднего класса в «эпоху Путина», пришла к выводу, что в качестве основных критериев его выделения в социальной структуре выступают *самоидентификация, материальное благосостояние и наличие высшего образования* [1, с. 31]. Автор также подчеркивает: характеристикой среднего класса выступают успешная адаптация к меняющимся рыночным экономическим условиям и способность к освоению инноваций. Е.М. Аврамова формулирует следующий методологический подход: «средний класс может быть идентифицирован на основе совокупности взаимообусловленных и взаимоувязанных признаков», на основе уровня сформированности этих признаков в составе среднего класса следует выделять *«идеальный средний класс»* и *«прото-средний класс»*.

Большую роль в процессе изучения критериев среднего класса и их применения в прикладном аспекте сыграли работы Л.А. Беляевой. На основе сочетания таких характеристик как уровень материального обеспечения, уровень образования, характер самоидентификации автор выделяет три сегмента: *идеальный средний класс, российский средний класс, средние массы* (те, кто на основании самоидентификации отнес себя к среднему слою, являлся средним по уровню жизни и считал, что живет, как все) [2, с. 5]. Принадлежность к российскому среднему классу характеризуется такими показателями перечисленных ранее критериев: достаточность финансового обеспечения (при этом сложность вызывает приобретение дорогостоящих предметов), среднее и высшее профессиональное образование, средний уровень самоидентификации. Эту модель автор считает наиболее подходящей для выявления типичного представителя среднего класса в российском обществе. Идеальный средний класс – это малочисленная группа, которая по своим характеристикам наиболее соответствует представителям среднего класса. Типичный представитель идеального среднего класса проживает в мегаполисах и крупных городах, занимает верхний уровень в социальной иерархии; преобладают в его составе предприниматели, бухгалтеры и финансисты. Численность среднего класса в России, по мнению Л. А. Беляевой, на

середины первого десятилетия XXI века составляла чуть более 20 % населения [2, с. 12].

З.Т. Голенкова утверждает, что реальный средний класс находится на пересечении трёх признаков: наличие занятости, уровень дохода, самоидентификация; иначе при наличии только одного или двух критериев можно выделить лишь потенциальный средний класс [4, с. 93]. Исследования российского среднего класса, проведенные под эгидой Института социологии РАН, позволили выделить следующие признаки среднего класса: материальная обеспеченность, социально-профессиональный статус, самоидентификация. К началу второго десятилетия XXI века в российской социологии было принято следующее определение: «средний класс – это совокупность разнородных групп, каждая из которых выделена по определённому критерию; они пересекаются, но не совпадают». К основным характеристикам среднего класса были отнесены: особый стиль жизни и досуга, экономическая активность, активность в предпринимательской деятельности, тяготение к негосударственному сектору экономики, освоение инновационных практик.

Социологические исследования в регионах России были направлены на апробацию общероссийских критериев выделения среднего класса и описание состава среднедоходных групп в территориях с разным уровнем и структурой экономического развития. Исследования, проведенные в регионах Поволжья, выявили следующие особенности: комплексное влияние макро- и мезофакторов обусловили структурные (половозрастные, поселенческие, социально-профессиональные) и поведенческие особенности среднего класса в разных регионах [14, с. 146]. К общим чертам регионального среднего класса в России следует отнести: преобладание мужчин (кроме малых городов, где весомо представительство женщин), высокий образовательный уровень, территориальное размещение в крупном городе или региональном центре. При этом существенные различия развития регионов определяют особенности состава среднего класса на данной территории.

Средний класс, к примеру, экономически развитого региона, Самарской области, – это «молодые профессионалы», занятые преимущественно в сфере услуг и отличающиеся высоким уровнем образования, мотивированные на быстрый карьерный рост, потребление и активный досуг. Средний класс региона со средним уровнем экономического развития, Ульяновской области, – это «руководители и предприниматели»; уровень образования как капитал приносит им дивиденды только в зрелом возрасте, в купе с руководящей должностью и собственным бизнесом. Поведение этого типа имеет более традиционный характер.

Исследователи пришли к важному выводу: различия в региональных среднедоходных группах не столько в количестве (средний

класс составил 22–24 % в каждом регионе), сколько в качестве его состава. Чем выше уровень социально-экономического развития региона, тем выше доля «ядра» в его составе - сегмента с максимальной концентрацией признаков (табл. 1). «Именно этот сегмент среднего класса демонстрирует максимальную стабильность и единство образа жизни на уровне повседневных практик – получения дохода и распоряжения им, потребления, досуга» [14, с. 147].

Таблица 1

Демографический состав среднего класса в регионах с разным уровнем развития, в % (n=1310)

Условия	Самарская область, n=730				Ульяновская область, n=580			
	Всего	Ядро	Резерв	Периферия	Всего	Ядро	Резерв	Периферия
Пол								
Мужской	55	66	52	52	55	56	59	54
Женский	45	35	47	49	45	44	41	46
Возраст								
25-29 лет	15	22	19	9	21	17	29	19
30-39 лет	35	43	42	29	33	32	34	33
40-49 лет	27	17	19	29	22	34	18	19
50-59 лет	23	18	20	33	24	17	19	29
Итого	100	100	100	100	24	100	100	100

На дальнейшее формирование российского среднего класса оказал влияние мировой кризис 2014 года, еще сильнее обозначив в нем два разных сегмента: 1) ядро – «относительно устойчивое социальное образование, ярко выражающее его качественные особенности»; 2) периферия этого класса – «группа, в которой свойства, характерные для ядра постепенно ослабевают, а люди входящие в нее, характеризуются гораздо меньшей устойчивостью их положения в составе среднего класса» [9, с. 3]. При выделении среднего класса в посткризисной России социологи конкретизировали критерии его идентификации: уровень образования (наличие, как минимум, среднего специального образования), профессиональный статус, отражающий нефизический характер труда, уровень благосостояния (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже медианных значений для данного типа поселений или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом), самоидентификация (интегральная самооценка индивидом своего статуса в обществе) [9, с. 16-17].

В современной России доля среднего класса обусловлена подходом, который применяется для составления методики определения его границ. Наиболее оптимальным является подход, согласно которому под средним классом подразумевается социальная группа людей, имеющая устойчивые доходы, способная удовлетворить широкий круг своих материальных и социальных потребностей. В силу этого данная социальная группа способна выполнять положительные социальные, экономические, культурные функции в обществе [10, с. 228].

Новые исследования Института социологии РАН отметили возрастающую роль научно-информационной революции, требующей увеличения роли и численности специально подготовленных работников. Авторы спрогнозировали появление новых сегментов в составе среднего класса, среди которых будут люди с высоким уровнем знаний и навыков, обладающих властью над технологическими процессами первичного, вторичного и третичного секторов производства. «Информациональный работник – это будущая сердцевина и рабочего класса, и интеллигенции, и крестьянства, но наиболее массовым и востребованным он должен стать именно для среднего класса. Экономические, технические, культурные основания для этого в современной России уже есть, но они еще не собраны воедино, они еще не стали, а только становятся «движущей силой» экономических укладов» [6, с. 54]. Будущее среднего класса, по мнению В. Колбановского и Э. Вильховченко, – это увеличение доли «людей знаний» - высокообразованных работников в сфере бизнеса, науки, культуры и других областей, опирающихся на специальные знания и информацию с привлечением информационных технологий [6, с. 56].

О. И. Шкаратан, проанализировав российский средний класс, выделил «информационных работников» как основную часть нового среднего класса и описал характерологические особенности его представителей [15, с. 6]. Автор описал следующие критерии для выделения «информационных работников»: «наличие особенно ценных для экономики и общества знаний и навыков, в частности навыков работы с ИКТ, постоянное повышение квалификации и обновление багажа знаний, способность работника самостоятельно ставить себе задачи, переключаться на различные виды деятельности» [15, с. 9]. Сочетание этих критериев дает возможность работнику не только комбинировать решение проблем на основе известных решений и подходов, но и предлагать что-то радикально новое. Эти способности отличают информационного работника от обычного специалиста, делающие первого особо ценным для фирмы, национального и международного рынка труда.

Критерии изучения и выделения «информационных работников» основываются на свойствах человеческого капитала: наличии уникальной теоретической и практической подготовки, опыте работы по профессии, знаниях ИКТ, здоровье; инициативной мотивации в профессиональной де-

тельности. А. Б. Чернышев в рамках исследования «Социальная диагностика и социотехническое прогнозирование инновационного развития экономики» пришел к выводу, что «становление этой группы работников в социально-профессиональной структуре российского общества следует изучать с позиций механизма регуляции как отношений внутри организаций-производителей информационных продуктов, так и отношений этих организаций с внешней средой, куда входят потребители информационных услуг и продуктов. Совокупность внутренних и внешних причин процесса определяет противоречивый процесс институционализации ИТ-отрасли и трудности формирования соответствующей социально-профессиональной страты [13, с. 86].

Выявлению в составе среднего класса «информациональных работников», описанию их образа жизни мы посвятили *собственное социологическое исследование «Социально-профессиональное поведение и перспективы развития информационных работников» (2019г.)*. Выборка составила 540 работников, проживающих в Ульяновской области и занятых информационной деятельностью в различных сферах экономики, профессионально владеющих информационно-коммуникационными технологиями.

Анализ первичной информации позволил выделить следующие характеристики информационных работников в регионе.

Социально-демографические характеристики.

Удельный вес женщин и мужчин среди «информациональных работников» примерно одинаковый (51 и 49 %). Подавляющее большинство работников – люди среднего возраста от 31 года до 50 лет (54 %); значительную часть составляют молодые люди в возрасте от 21 года до 30 лет (33 %). Более половины семей информационных работников состоят только из взрослых людей трудоспособного возраста (56 %); у трети семья включает родителей и детей дошкольного и школьного возраста.

Социально-профессиональные качества.

Большинство работников информационной сферы имеет преимущественно одно место регулярной работы (73 %). Они заняты в разных сферах экономики: информационные и компьютерные технологии – 33 %; наука, образование – 25 %; промышленность и строительство – 21 %; финансы, кредитование и страхование – 7 %; реклама, копирайтинг, журналистика – 5 %; гостиничный бизнес, туризм, переводы – 4 %; связь, маркетинг – 4 %. Сферы деятельности в основном относятся к приватизированным, акционерным предприятиям – 64 %, реже – к государственным, муниципальным учреждениям – 36 %. Удельный вес рядовых работников (63 %) значительно превышает удельный вес руководителей среднего звена (27 %) и руководителей организаций (10 %).

Несмотря на занятость в данный момент, не все информационные работники уверены в успешном трудоустройстве по своим предпочтениям в будущем: только каждый 10-й из них обладает высокой уверенно-

стью (10 %); половина – средней; более трети – не уверены в успешности своего трудоустройства по сформированным критериям (39 %). Выявлена закономерность: чем выше уровень дохода работников, тем больше среди них уверенных в своем профессиональном будущем (табл. 2).

Таблица 2

Уверенность информационных работников в возможности найти работу по желаемым требованиям, в % (n=540)

«Какова возможность найти работу, отвечающую Вашим требованиям?»	Всего	Пол		Возраст				Среднемесячный доход на одного члена семьи			
		Мужской	Женский	21-30	31-40	41-50	51 и старше	до 30 тыс. руб.	до 45 тыс. руб.	до 60 тыс. руб.	более 60 тыс руб
Уд. вес в выборке	100	49	51	31	28	26	13	21	42	25	12
Высокая	10	12	9	9	9	13	11	4	8	17	36
Средняя	51	54	49	56	57	40	46	48	61	45	47
Низкая	35	30	39	32	30	41	39	47	28	36	11
Затрудняюсь ответить	4	5	3	3	4	6	4	1	3	2	6

По мнению участников опроса, профессиональная деятельность должна соответствовать следующим критериям: обеспечивать высокий доход (82 %), хорошие условия труда (56 %), должна быть интересной и творческой (49 %) и обеспечивать возможность профессионального роста (34 %). Очевидно, что по ценностным ориентациям не все представители информационных профессий являются идеальными информационными работниками.

Социокультурные качества.

Большинство респондентов имеет высшее образование (78 %) и владеет навыками информационно-коммуникационных технологий (82 %). Но уровень владения разный: 41 % - активные пользователи, которые работают с готовыми программами; 19 % - программисты, разрабатывающие прикладные программы; 15 % - программирующие пользователи, способные внести изменения в действующие программы; 7 % – системные администраторы, которые обеспечивают работу всех уровней.

Представители «нового» среднего класса заинтересованы в повышении своих знаний и навыков посредством самообразования; только пятая часть (18 %) никак не пополняют свои знания. Основными способами повышения квалификации информационных работников являются приобретение практических навыков в новых видах деятельности (41 %), само-

образование в Интернете: повышение эрудиции, кругозора, компьютерной грамотности, изучение иностранных языков (табл.3).

Таблица 3

**Способы пополнения знаний и повышения квалификации
информациональными работниками разного статуса, в % (n = 540)**

ПАРАМЕТРЫ	Всего	Должность		
		Рядовой работник	Руководитель среднего звена	Руководитель организации
Удельный вес в выборке	100	63	26	10
Учились в вузе, аспирантуре	19	20	15	26
Переподготовка по новой специальности	19	20	16	19
Дополнительное образование по старой специальности	31	35	23	39
Поиск новой литературы, приобретение новых навыков	34	30	41	46
Совершенствовали навыки работы на компьютере	28	27	31	41
Изучали иностранные языки	22	17	30	37
Переход к новым видам деятельности	41	34	50	70
Частные уроки для повышения ценности как работника	19	17	19	37
Никак	18	17	17	19

Примечание: ответы на вопрос многовариантны, поэтому сумма больше 100%.

Рядовые информационные работники, доля которых составляет почти две трети, в 1,5–2 раза реже уделяют время и вкладывают средства в пополнение своих знаний, повышение квалификации; особенно посредством таких форм как освоение новых видов деятельности (34 % среди рядовых работников и 70 % среди руководителей); поиск новой литературы, приобретение других навыков (30 и 46 % соответственно); изучение иностранного языка (17 и 37 %); совершенствование навыков работы на компьютере (27 и 41 %). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что информационные работники, имеющие высокий профессиональный статус, более уверенно чувствуют себя в профессии и жизни благодаря пополнению своего человеческого и культурного капитала.

Социально-экономические качества.

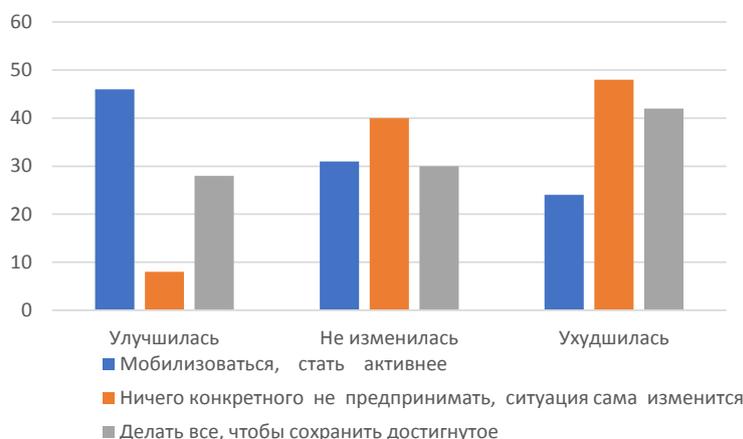
Среднемесячный доход на одного члена семьи у двух третей соответствует базовому и среднему уровням; пятая часть – малообеспеченные. Только восьмая часть (12 %) имеет доход выше среднего уровня – более 60 тыс. рублей на одного члена семьи. Более высокий уровень дохода информационных работников в ИТ-организациях, предприятиях промышленности и

строительства. Из-за недостаточных доходов по основному месту работы почти треть респондентов вынуждена находить дополнительные заработки.

За последние три года 65 % опрошенных смогли отложить деньги на будущее; но при этом 60% считают, что жизнь в регионе и стране ухудшилась. Большинство респондентов живут со своими семьями в собственной квартире типового дома (75 %), четверть работников информационной сферы проживают в собственной квартире в доме улучшенной планировки или в собственном доме. Работники информационной сферы предпочитают на свободные деньги покупать дорогостоящие предметы длительного пользования (44 %), путешествовать – 42 %, вкладывать в банк с целью получения выгодных процентов – 35 %.

Треть респондентов свободные денежные средства тратят на обучение свое или своих детей; еще треть респондентов откладывают деньги на «черный день». Среди популярных платных услуг, которыми пользуется большинство респондентов: медицинские, образовательные, транспортные, услуги косметолога и ветеринара. Качество жизни представителя нового среднего класса напрямую связано с уровнем его среднемесячного дохода. Информационный работник среднего и высокого уровня доходов активно пользуется различными видами платных услуг, которые поддерживают его здоровье, красоту и возможности самообразования.

Однако не все информационные работники занимают активную позицию в сфере социальной адаптации: стремятся мобилизоваться, стать активнее, использовать доступные ресурсы, чтобы решить возникающие проблемы около половины данной профессиональной группы (48 %); другие либо сохраняют достигнутое (30 %), либо ждут, что ситуация изменится сама (22 %). Выбранная стратегия поведения влияет на социальное самочувствие работников: чем выше адаптивная активность, тем больше социальный оптимизм (рисунок).

Социальное самочувствие информационных работников в зависимости от типа социально-экономической адаптации, в % (n = 444)

Итак, информационные работники только начинают занимать свою нишу в среднем классе России и, особенно, в социальных структурах российских регионов. Результаты исследования показали, что из тех работников, которые отнесены к информационным, к ядру нового среднего класса можно отнести только третью часть. Еще 40 % можно отнести к резерву среднего класса; они имеют высшее образование, владеют профессионально ИКТ, занимают должность специалиста или руководителя отдела и относят себя к среднему классу, но по уровню доходов и расходов, активности в самообразовании не соответствуют ядру среднего класса.

В регионах России активно реализуется национальная программа «Цифровая экономика», направленная на развитие информационной инфраструктуры, кадров для цифровой экономики, информационной безопасности, цифровых технологий производства и управления, в реализации которой главенствующую роль играют информационные работники. Данное обстоятельство является позитивным фактором, который потребует роста не только количества работников информационной сферы, но и их качественных характеристик. Важное значение имеет мониторинг воспроизводства нового среднего класса в регионах с разным уровнем социально-экономического развития, его пополнения за счет информационных работников.

Список литературы

1. Авраамова, Е. М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. №1. С.2–36.
2. Беляева Л. А. И вновь о среднем классе // *Социологические исследования*. 2007. № 5. С. 3–13.
3. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // *Социологические исследования*. 1992. № 9. С. 112–123.
4. Голенкова З.Т. Социальные параметры формирования среднего класса (к методологии анализа) // *Россия реформирующаяся*. Вып. 7. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С.93–100.
5. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Колбановский В.В. Средний класс – социальная реальность, «Класс на бумаге» или «Обман трудящихся»? // *Социологические исследования*. № 2. 2013. С.42–57.
7. Вебер М. Избирательное право и демократия в современной Германии / Вебер М. Политические работы (1895-1919). М.: Праксис, 2003. 424 с.
8. Маркс К. Теории прибавочной стоимости / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 26. Ч. II. 703 с.

9. Тихонова Н.Е. Влияние кризиса на жизнь российского среднего класса // *Общественные науки и современность*. 2016. № 4. С.1–18.

10. Тулина Т.М. Количество среднего класса в России и Вологодской области по параметру доход в соответствии с различными методиками // *Гуманитарный научный вестник*. 2020. № 5. С. 228–232.

11. Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура // *Рубеж*. 1999. № 10. С. 42–52

12. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб.: Алетейя, 2000. 509 с.

13. Чернышев А.Б. Информациональные работники в структуре управления отечественных компаний // *Социологические исследования*. 2010. № 3. С. 85–92.

14. Шиняева О. В., Власова Е. М. Средний класс в социальной структуре региона. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 171 с.

15. Шкаратан О.И., Иняевский С. А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С.5–27.

16. Gouldner, A. W. *The Future Of Intellectuals And The Rise Of The New Class* / A. W. Gouldner. New York : Seabury, 2000. 768 p.

Шиняева Ольга Викторовна, д-р социол. наук, проф., olses@rambler.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет,

Тихонова Юлия Александровна, аспирант, julie55584@mail.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет.

THE MIDDLE CLASS IN THE RUSSIAN SOCIAL SPACE AND THE DYNAMICS OF ITS CHANGES

O. V. Shinyayeva, J. A. Tikhonova

In the context of modernization of Russian society, the social structure and composition of the middle class is changing. The formation of the information society and the widespread introduction of digital technologies led to the emergence of new socio-professional groups of workers, which M. Castels designated as "information workers". A new type of employee is beginning to confidently take its place among the employed population. The purpose of the article is to identify "information workers" in the Russian labor market, describe their special qualities and position in the middle class.

Key words: middle class, old and new middle class, information workers, prospects for the development of a new middle class in the regions.

Shinyayeva Olga Viktorovna, professor, doctoral of sociological sciences, olses@rambler.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk state technical University,

Tikhonova Yulia Aleksandrovna, postgraduate, julie55584@mail.ru, Ulyanovsk state technical University, Ulyanovsk, Russia.

ДИНАМИКА ФУНКЦИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А.В. Савинова

Рассматривается изменение содержания и эффективности инженерного образования в модернизирующейся России. Для изучения сформулированной проблемы выделены такие понятия как «функции» и «функциональность» социального института инженерного образования в мире и России. Динамика функций инженерной подготовки рассматривается через призму изменения содержания труда инженеров в современных условиях, анализируются объективные и субъективные факторы, влияющие на проявление дисфункций института. Проведенные авторские количественные и качественные исследования эффективности подготовки инженеров существенно дополнили научные положения, помогли глубже осмыслить новые тенденции труда инженеров с позиций молодых специалистов и работодателей в России, выявить новые функции, которые становятся ключевыми в реалиях модернизации предприятий разных отраслей.

Ключевые слова: функции инженерного образования, базовые и модернизационные функции, функциональность инженерного образования, факторы функциональности.

Актуальность темы связана с необходимостью стремительного технологического развития России, которая выделила острую потребность российских предприятий в высококвалифицированных инженерах. Существует разрыв между реальным сектором экономики и функционированием социального института инженерного образования: образование всегда более консервативно, оно не может быстро приспособиться к меняющимся социально-экономическим условиям, требованиям рынка труда, что приводит к дисбалансу системы и института в целом.

Функциональность института инженерного образования, как и других социальных институтов, зависит от потребностей общества в конкретный период его развития. Институт инженерного образования как структурное подразделение института образования развивается в общей парадигме, но наряду с фундаментальными функциями выполняет свои, специфические. От чего зависит изменение этих функций? Что в современной России означает «функциональность инженерного образования»? Постараемся ответить на эти вопросы в нашей статье.

Для определения функций и функциональности инженерного образования мы осуществили дискурс изменения социальных требований к кадрам и развития института высшего образования, а также в его границах – инженерного образования. Э. Дюркгейм считал, что функциональность института образования помогает понять его сущностное значение, роль в

решении актуальных запросов общества и жизни нации. Ученый выделил информационную, воспитательную и профессиональную функции. Он выделил влияние общества на институт инженерного образования через призму специализации человека: «Средний человек - существо в высшей степени пластичное, он может равным образом приспособиться к очень разным целям. Следовательно, если он специализируется и его специализация идет преимущественно в той или иной определенной форме, то это совершается, скорее, не по внутренним причинам, и не потребности его натуры подталкивают к этому. Нет, именно общество для продолжения своего существования нуждается в разделении труда между своими членами, и это определяет, почему разделение должно быть таким, а не иным» [5, с. 43]. По мнению Э. Дюркгейма, с помощью образования общество собственными руками готовит для себя специальных работников в сфере инженерного труда.

Более подробно профессиональные функции инженерной подготовки рассмотрел М. Вебер через деловую компетентность. Он считал, что способные люди могут продвигаться, независимо от их начального социального положения, благодаря образовательным системам; при этом человеку без начальных экономических преимуществ помогут профессиональные технологии. М. Вебер вывел интересную формулу: «нужно обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» - как человечески, так и профессионально. А данное требование будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни» [4, с. 727]. По его мнению, документальное подтверждение полученной специальности существенным образом влияет на построение профессиональных траекторий в будущем, развитие рынка труда и общества в целом. В индустриальном обществе, по мнению социолога, существенное значение приобрела *регулирующая* функция института высшего профессионального и инженерного образования.

Когда общество находится в состоянии равновесия и стабильности, нет причин для кардинальной модернизации функций института профессионального образования. Но в состоянии неопределенности, социальных изменений, новых технологических вызовов перед институтом образования встает проблема поиска адекватных направлений функционирования. Вторая промышленная революция привела к снижению роли определенных социальных групп, утраты их статуса и поставила перед инженерными вузами, факультетами новые задачи. П. Сорокин в новых условиях выделил *функцию социального отбора* в высшей школе и определил правила селекции: необходимо понять, «кто талантлив, а кто нет»; исключить тех, у кого нет «ожидаемых интеллектуальных и моральных качеств»; продвигать способных в те области, которые соответствуют «их общим и специфическим свойствам». Если интеллектуальные методики правильно реализуются на образовательных ступенях, «хорошие будущие граждане отде-

ляются от плохих, способные от неспособных». При этом ученый подчеркивал, что даже самая открытая система образования является механизмом «аристократизации» и стратификации общества, а не «выравнивания и демократизации» [11, с. 410].

П. Сорокин описал не только функции института профессионального образования, но и его «дисфункциональность». Суть этого явления, по мнению П. Сорокина, состоит в отсутствии ориентаций на науку и полезность знания текущей образовательной модели; не реализуется задача формирования человека знающего и действующего [11, с. 465]. Применительно к функциям инженерного образования это означает быстрое производство выпускников инженерных специальностей, их «облегченную» подготовку в сочетании с отсутствием необходимого количества рабочих мест, усиление неудовлетворенности социума выполнением институтом своих функций.

Переход к постиндустриальному обществу вновь изменил требования к инженерному образованию. Автор концепции постиндустриального общества О. Тоффлер отмечал, что во время третьей технологической волны первостепенную роль начинают играть не узкопрофессиональные способности человека, а умение быстро отвечать на изменения. К таким способностям инженера Тоффлер относил творчество, инициативность, разносторонность знаний [13, с. 261]. Основоположник социологии знания К. Маннгейм, занимаясь реорганизацией европейского профессионального образования, сравнивал его с состоятельными родителями: стремясь сделать жизнь своих детей успешной, они не должны обеспечивать их всем необходимым, балуя и снижая тем самым возможность приспособиться к меняющейся ситуации; они должны научить их адаптироваться к новым условиям [9, с. 436].

Основная тенденция XXI века в трансформации функций института инженерного образования – это изменение самой парадигмы. Если раньше важно было подготовить инженера к профессиональной деятельности, помочь ему овладеть суммой знаний, умений, навыков, то теперь на первый план выходит формирование специалиста как индивидуальности, наделенной творческим потенциалом, способной к инновационной и модернизационной деятельности. В эпоху информационных технологий обладание знанием предыдущих поколений больше не является определяющим критерием высококлассного специалиста. Американский социолог Д. Белл, создатель теории информационного общества, отметил, что новым инженерам важны и технические, и личностные компетенции, чтобы занять высокую позицию в обществе: «можно сказать, что бизнес «подотчетен» потребителям через рынок, в то время как профессионал «подотчетен» своим руководителям в пределах профессиональной группы. Собственность ассоциируется с богатством, которое передается непосредственным юридическим образом; профессия определяется навыками, передающимися лишь

опосредованно через культуру, которую могут унаследовать дети представителей класса профессионалов. По этим причинам представление о профессионализме включает в себе идею компетентности и авторитета технического и морального порядка и предполагает, что профессионал имеет основания занять заметную позицию в иерархической структуре общества» [3, с. 499–500]. Особое внимание Даниел Белл уделил необходимости развития у современных инженеров способности к критическому мышлению, непрерывному повышению квалификации.

Автор концепции «программируемого общества», французский социолог Ален Турен выделил в современном инженерном образовании функции переносчика определенного культурного наследия, механизма адаптации к профессиональным и социальным изменениям. «Первая из этих функций резко слабеет, против образования выдвигаются упреки в том, что оно является архаическим и одновременно выступает силой вдалбливания господствующих норм» [13, с. 97]. Постиндустриальное экономическое сообщество критически подходит к оценке функциональности института инженерного образования. На фоне быстрых технологических изменений, по мнению Турена, важно кардинально изменить содержание *профессиональной функции* подготовки инженеров на базе информационных технологий.

Анализ западных социологических идей позволил нам выделить суть профессии «инженер» в информационном обществе: специалисты не столько участвующие в производительном труде, сколько представляющие собой «аппарат планирования» операций, обновляющие процесс производства. Западные социологи настаивают на разнообразии компетенций, которыми должен обладать такой профессионал, особенно подчеркивая навыки управления бизнес-процессами, проектным менеджментом. Функции инженерного образования в современной России зависят как от объективных глобальных факторов, так и от конкретных национальных обстоятельств: политических и правовых основ российского общества; характера рыночных отношений; демографической ситуации, связанной с сокращением численности молодежных возрастных категорий; смены собственников предприятий и системы управления во всех сферах экономики [8, с. 54].

В новых условиях модернизации России отечественные социологи Л. А. Лебединцева, Р. Х. Салахутдинова выделили направления трансформации российской системы инженерного образования. Во-первых, необходима *институциональная модернизация*. В результате перехода к двухступенчатой системе образования наблюдается утрата принципиальных позиций института инженерного образования, в результате не выполняется функция воспроизводства кадров инженеров; инженерные вузы, факультеты выпускают бакалавров и магистров с размытыми компетенциями. Второе направление связано с преодолением последствий «массовизации высшего образования», которые привели к снижению качества подготовки

инженерных кадров. Третье направление – это усиление мировоззренческих функций института инженерного образования. Выпускника российского инженерного вуза всегда отличали особые качества: высокая гражданская позиция, социальная активность, наличие ценностей и идеалов патриотизма. Секвестирование ценностно-культурных функций в инженерных вузах привело к тому, что образование перестало быть способом гражданской социализации личности инженера, передачи социального опыта от поколения к поколению [7, с. 43–44].

Шиняева О. В., Акманаева Д. Х. на основе исследований, проведенных в инженерных вузах российской провинции, пришли к выводу, что «для повышения функциональности высшего образования в современном обществе недостаточно мотивации участников образовательного процесса; необходимы структуры в учебных заведениях, способные обеспечить производство и воспроизводство новых знаний, транслирование передовых культурных практик, подготовку инновационно мыслящих выпускников, формирование новых социальных статусов на прорывных направлениях социально-экономического развития. Нарушение данных критериев ведет к дисфункции и кризису системы высшего образования вообще и инженерного образования, в частности» [2, с. 45]. Авторы разделили функции современного инженерного образования на базовые и модернизационные. Базовые функции являются универсальными, однако их роль в разные периоды развития общества может усиливаться или ослабевать. Модернизационные функции зависят от уровня технологического развития общества и региона, социального заказа предприятий. Функциональность инженерного образования обеспечивается при условии соответствия выполняемых функций потребностям общества и региональной экономики.

Опираясь на вторичные и собственные исследования, мы выделили *факторы функциональности инженерного образования* в современной России. К объективным факторам относятся институциональные, социально-экономические, социально-политические; к субъективным – научные и образовательные ориентации студентов и профессорско-преподавательского состава. На институциональном уровне на инженерное образование влияют федеральные нормативные документы – закон об образовании РФ, Указ президента РФ о стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. В законе об образовании описаны базовые функции высшей школы вообще и инженерного образования в частности. В документах, регламентирующих развитие экономики и технологий в стране, делается акцент на инженерном образовании и его модернизационных функциях – создании условий для развития интеллектуального потенциала инженерных кадров, повышении инвестиционной привлекательности научных исследований и разработок [1].

В реальной практике модернизации предприятий работодатели констатируют нехватку высококвалифицированных инженеров, необходи-

мость подготовки таких специалистов для совершения «технологического прорыва». Однако популярность инженерных направлений в получении высшего образования среди молодежи недостаточно высока (рис. 1).

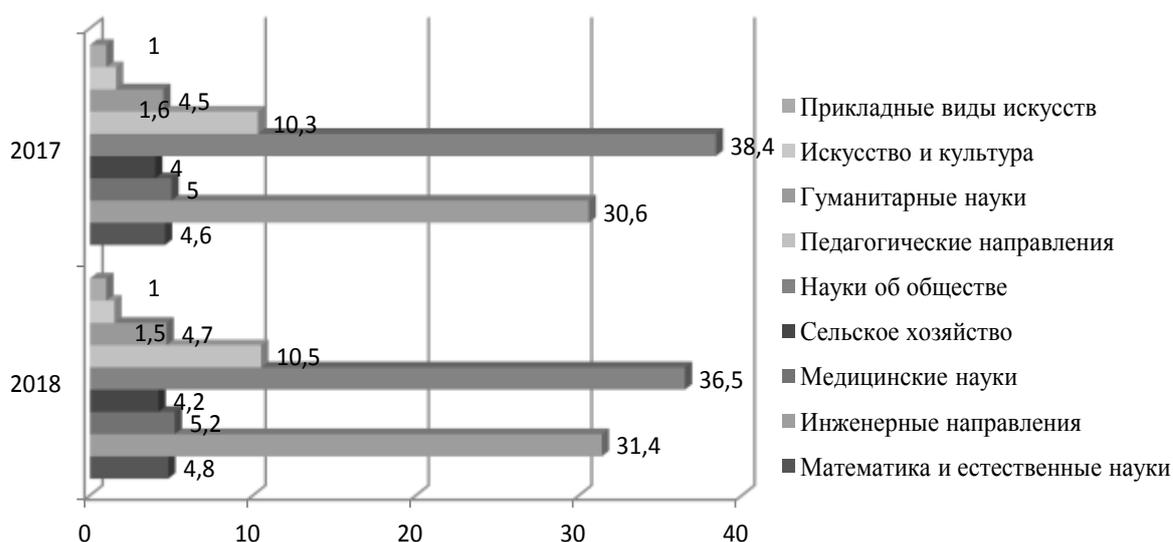

Рис. 1. Структура приема на программы высшего образования по направлениям в 2017 и 2018 годах (в %) [6]

По данным Высшей школы экономики, в последнее десятилетие наибольшим спросом среди российских абитуриентов пользуются направления, относящиеся к наукам об обществе. При этом доля приема на инженерное образование увеличивается за счет бюджетных мест, а на общественные науки уменьшается: в 2017 году доля будущих инженеров составляла 30,6 %, в 2018 – 31,4; доля студентов социально-гуманитарных направлений (за счет бюджетных и внебюджетных мест) в целом составила 54,2 %, а инженерных – 36,2 %. Недостаточная популярность инженерных направлений связана со сложностями при поступлении (необходимые для поступления ЕГЭ по физике, информатике выбирают все меньше школьников), падением престижа профессии «инженер».

Среди инженерных направлений в рейтинге популярных, по данным статистического анализа 2019 г., присутствует только одно – «Информатика и вычислительная техника» (рис. 2). Но даже оно по количеству поступивших в вузы уступает другим направлениям, несмотря на то что сфера IT является одной из самых быстроразвивающихся в мире. В стратегии экономического развития приоритетными для Российской Федерации названы области энергетики, машиностроения, нано- и космических технологий, радиоэлектронных средств. Развитие новых отраслей промышленности, особенно в регионах, испытывает серьезную нехватку инженерных кадров.

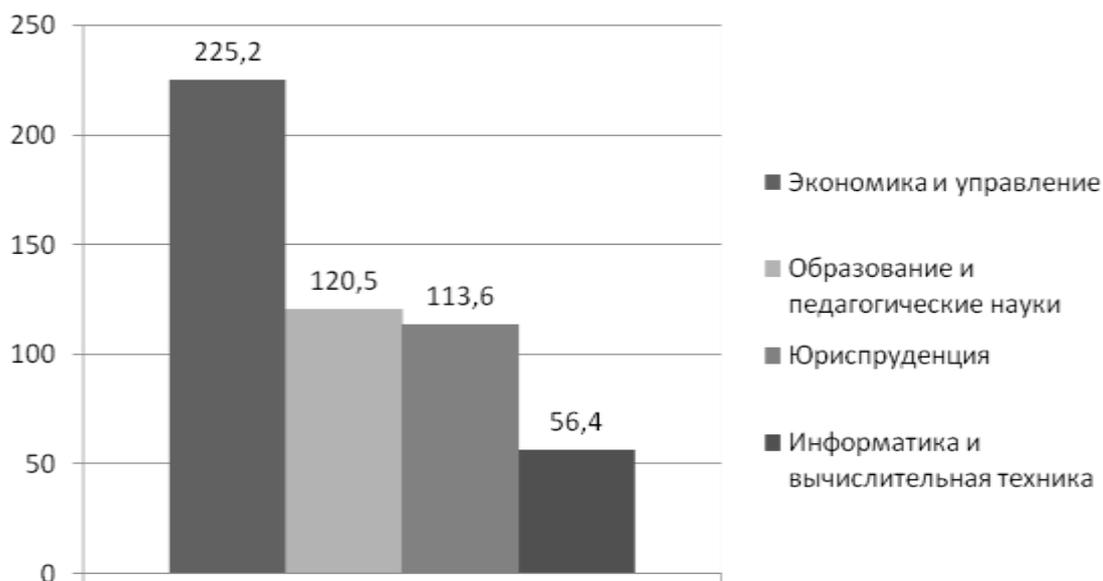

Рис. 2. Популярные направления обучения в высших учебных заведениях России (в тыс. чел) [10]

На динамику функций инженерного образования влияют субъективные факторы. В первую очередь, это профессиональная ориентация студентов и выпускников инженерных вузов. На функциональность инженерного образования влияют успешность освоения ими необходимых компетенций, мотивация к инженерному образованию, карьерные ориентации. В 2019–2020 гг. мы провели авторские социологические исследования: анкетный опрос молодых инженеров, работающих на предприятиях Ульяновской и Самарской областей, – «Профессиональные траектории выпускников инженерных вузов» (выборка составила 690 молодых специалистов, работающих на должности инженера); качественное исследование «Развитие инженерного образования в России: экспертная оценка» - экспертный опрос среди руководителей предприятий, кадровых служб (выборка составила 35 человек).

Эксперты отмечают недостаточную фундаментальную подготовку молодых инженеров, что сказывается на их способности выполнения инженерных задач на современном уровне: *«Индустрия переживает разрыв между старыми специалистами, которые учились в 1990-х и приходили в тогда зарождавшиеся ИТ с хорошим пониманием инженерии и математики, и новыми молодыми специалистами, которые способны выполнять базовые задачи, но не имеют хорошей теоретической подготовки. Это даёт о себе знать, когда ставятся вопросы на границе существующих технологий и решений, когда делается что-то принципиально новое. В целом молодых специалистов очень не хватает, и рынок не переполнен; еще больше*

ощущается острая нехватка тех, кто владел бы как теоретической, так и практической базой знаний и умений» (мужчина, 39 лет, руководитель отдела в IT-компании «СимТек»).

Другие работодатели отмечают нехватку знаний конкретных программных технологий, нормативных баз и профессиональных стандартов. Российский рынок труда ожидает от инженерных вузов и факультетов не только фундаментально подготовленных выпускников, но и специалистов с определенными навыками, которые нужны в ходе конкретной практической деятельности. Такой инженер, по мнению экспертов, может включиться в инновационную деятельность, не потребовав больших финансовых, человеческих и временных ресурсов на его дополнительную подготовку. В инженерном вузе должны быть сформированы условия для полноценной инновационной деятельности – от разработки проектов до конкретных научных разработок. По мнению работодателей, важную роль в повышении функциональности социального института инженерного образования играет *инновационная функция*.

Несмотря на важность инновационной функции по результатам опроса работодателей, инновационная составляющая труда все еще незначительно присутствует на предприятиях в обследованных регионах. По результатам опроса молодых специалистов, характер инновационного наполнения их труда по-разному выглядит в различных инженерных сферах (табл. 1). В наименьшей степени инновационная составляющая профессиональной деятельности присутствует на предприятиях машиностроения, авиастроения и строительства. В целом выявлена довольно низкая доля инноваций молодых инженеров, что свидетельствует о недостаточном развитии новых производств в регионах, неготовности региональной экономики к «большим вызовам».

Таблица 1

**Инновационное наполнение труда молодых инженеров
на предприятиях разного профиля (в % от числа опрошенных; n=690)**

	Всего	Профиль образования					
		Энергетический	Радиотехнический	Строительный	Авиастроительный	Машиностроительный	ИТ
Разработка новых технологий, программных средств							
Является основой проф. деятельности	13	7	11	5	3	7	38
Не присутствует совсем	21	18	4	28	26	34	9
Очень мало	66	75	85	67	71	59	53

Окончание табл. 1

Выполнение задач производства с использованием современных технологических средств							
Является основой проф. деятельности	21	16	13	15	9	31	30
Не присутствует совсем	11	7	10	10	12	10	16
Очень мало	68	77	77	75	79	59	54
Выполнение стандартных операций							
Является основой проф. деятельности	11	18	13	9	13	27	10
Не присутствует совсем	5	2	7	0	0	4	10
Очень мало	74	80	80	91	87	69	80

В этих условиях для выполнения инновационной функции инженерным вузам необходимо тщательно подбирать партнеров среди предприятий для научных коллабораций, включения их в образовательный процесс. Практика на предприятиях, не предусматривающая обучение современным технологиям, разработку новых проектов, не способствует подготовке инженера нового типа.

Помимо обновления профессиональной подготовки, работодатели отмечают высокую значимость и других качеств. *«Как правило, чтобы получить более высокую позицию на предприятии, нужно обладать помимо хороших инженерных навыков еще и лидерскими качествами»*; *«На мой взгляд, молодым специалистам не хватает желания понять специализацию работы, узнать больше, стать профессионалом. Многие, закончив обучение, считают, что дальше учиться не надо»* (мужчина, 44 года, руководитель департамента разработки ОАО «УАЗ»).

Анализ текстов экспертных интервью выявил следующие проблемы в подготовке инженеров: слабо сформированные лидерские качества, потребность непрерывного обучения, ответственность, умение предвидеть последствия своих решений, предпринимательские навыки, умение эффективно работать в команде, коммуникативные навыки, самостоятельность. Работодатели ИТ-организаций чаще других отмечают значимость личностных компетенций, констатируют, что недостаточно только получить профессиональные знания и навыки – необходимо развивать качества организатора, руководителя команды, становиться профессионалом в инженерной сфере в широком смысле.

Молодые инженеры в целом также отмечают важность личностных компетенций для построения успешной карьеры. Интересно, что, по их мнению, больше других влияет на успех способность к поиску и анализу информации (рис. 3).

Рис. 3. Значимость компетенций для карьеры инженера в самооценках молодых специалистов (в % от числа опрошенных, n=690)

В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: значимость компетентности в разработке и управлении проектами повышается в зависимости от стажа работы – чем больше у выпускника опыт работы, тем важнее для него данная компетенция. Доля выпускников, имеющих опыт работы более 3 лет и считающих этот навык ценным, составляет 51 %; со стажем 1–2 года – 32 %. Это связано с недостатком у молодых специалистов в профессиональной деятельности задач, связанных с самостоятельной разработкой новых проектов, в отличие от более опытных коллег.

Меняющиеся экономические условия и рынок труда требуют от социального института инженерного образования формирования профессиональных знаний и навыков у студентов, соответствующих новому заказу. Только при этом условии можно снизить дисфункциональность института в современных реалиях. В современном инженере идеологи модернизации видят квалифицированного управленца, разбирающегося в проектной деятельности и бизнес-процессах, способного создать новый продукт, высокую значимость приобретает новая функция инженерного образования – *проектная*.

Для выполнения новых функций инженерным вузам необходимо выстраивать качественное взаимодействие с организациями реального сектора экономики. В высших учебных заведениях инженерного профиля такая работа ведется (табл. 2). Наиболее популярными формами взаимодействия с предприятиями являются: организация практики студентов на предприятиях и совместные мероприятия (конференции, выставки), но в новых реалиях традиционных форм взаимодействия недостаточно.

Таблица 2

**Формы взаимодействия вуза и предприятия
в оценках молодых специалистов (в % от числа опрошенных, n=690)**

	Всего	Специали- тет	Бакалав- риат	Магистратура
Практика в организациях региона	43	62	51	26
Открытие базовых кафедр на предприятиях	13	10	12	17
Совместные мероприятия вуза и предприятия	30	23	37	36
Преподавание учебных курсов практиками	12	10	15	9
Выполнение курсовых, дипломных работ по заданиям предприятий	10	7	13	8
Проведение практиками мастер-классов	6	4	9	3
Совместные научные исследования с предприятиями	4	3	4	4
Разработка проектов при участии практиков	4	5	2	7

В ходе исследования лишь 24 % выпускников машиностроительного направления отметили эффективность взаимодействия вуза и предприятий региона, доля таких выпускников энергетического профиля составила еще меньше – 15 %; около половины молодых специалистов строительного профиля считают взаимодействие вуза и предприятия «скорее неэффективным». Слабо используются такие способы партнерства с предприятиями, как открытие базовых кафедр на предприятиях, выполнение курсовых и дипломных работ по заданиям предприятий, совместные научные исследования. Перечисленные способы партнерства с потенциальными работодателями, по мнению выпускников инженерных вузов, статистически малы на всех ступенях и формах инженерного образования – бакалавриате, магистратуре, специалитете.

Таким образом, функции института инженерного образования меняются в результате изменения социального заказа и реального сектора экономики. Анализ научных концепций и исследований позволил нам выявить изменение сути профессии «инженер» в информационном обществе: специалисты, участвующие в производительном труде, работе аппарата планирования и обновления процесса производства, управления бизнес-процессами, проектным менеджментом. Согласно этому, динамика функций инженерного образования происходит по двум направлениям: традиционному и модернизационному.

Традиционные функции являются универсальными, однако их роль в разные периоды развития инженерного образования усиливается или ослабевает. В традиционном сегменте российского инженерного образования актуальны регулирующая, профессиональная, адаптивная, мировоззренческая функции; в модернизационном плане подготовки современных инженеров на передний план выходят инновационная, проектная, распределительная функции.

Потребность в конкретных модернизационных функциях зависит от уровня технологического развития общества и региона, социального заказа предприятий; их реализация оказывает прямое влияние на уровень функциональности инженерного образования. В свою очередь функциональность подготовки инженеров обеспечивается взаимодействием между государством (в лице ведомственных министерств), работодателями и высшими учебными заведениями, ведущими подготовку инженеров.

Список литературы

1. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 18.08.2020)
2. Акманаева Д. Х., Шиняева О. В. Роль научной деятельности студентов в повышении функциональности российского высшего образования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2011. №4. С. 36-47.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
4. Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Дюркгейм, Э. Социология образования М.:ИНТОР, 1996. 80 с.
6. Индикаторы образования: 2020: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Гохберг и др.; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2020. 496 с.
7. Лебединцева Л. А. Трансформация функций высшего образования: экономико-социологическая проблематизация // PrimoAspectu. 2012. № 3 (90). С. 41–45.
8. Леонтьева Н.А. Модернизация системы высшего образования в России: количественные и качественные преобразования // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2 (38). С. 50–55.
9. Мангейм, К. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. 700 с.

10. Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева и др.; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2019. 96 с.

11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / сост. А.Ю. Со-гомонов; пер. с англ. М.,1992. 543 с.

12. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 2004. 261 с.

13. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

Савинова Алина Владимировна, старший преподаватель, savinova_91@mail.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

DYNAMICS OF FUNCTIONS AND FUNCTIONALITY OF ENGINEERING EDUCATION IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

A. V. Savinova

The article deals with changes in the content and effectiveness of engineering education in modernizing Russia. To study the formulated problem, such concepts as "functions" and "functionality" of the social Institute of engineering education in the world and Russia are highlighted. The dynamics of the functions of engineering training is considered through the prism of changes in the content of engineers' work in modern conditions, objective and subjective factors affecting the manifestation of dysfunctions of the Institute are analyzed. The author's quantitative and qualitative studies of the effectiveness of training engineers significantly supplemented the scientific provisions, helped to better understand the new trends in the work of engineers, from the perspective of young professionals and employers in Russia, to identify new functions that are becoming key in the realities of modernizing enterprises in various industries.

Key words: functions of engineering education, basic and modernization functions, functionality of engineering education, functional factors.

Savinova Alina Vladimirovna, senior lecturer, savinova_91@mail.ru, Russia, Ulyanovsk state technical University, Ulyanovsk

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЕГЭ ПО ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ)

Ю.А. Твилова, Е.И. Белянкова

Опираясь на региональные статистические данные единого государственного экзамена по обществознанию, авторы рассматривают тенденции гуманитаризации современного образования. В статье затрагиваются вопросы профессионального самоопределения молодежи и формирования универсальных компетенций в процессе обучения.

Ключевые слова: система образования, единый государственный экзамен, обществознание, профессиональное самоопределение, гуманитаризация.

Современная образовательная среда, ориентированная на инновационное развитие, достаточно многомерна и сложна. По мнению исследователей, она характеризуется комплексностью, динамичностью, многоаспектностью [2, с. 881]. Однако, на наш взгляд, следует обратить внимание еще на одну не менее значимую характеристику образовательного пространства – высокую адаптивность к постоянно меняющимся факторам внешней среды, запросы которой с развитием общества усложняются, что требует увеличения усилий в организации образовательного пространства, отвечающего современным социокультурным и политико-правовым реалиям.

1 января 2019 года в Российской Федерации начал реализовываться новый национальный проект «Образование». Его выполнение планируется завершить 31 декабря 2024 года. Главными целями данного проекта являются: обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования, а также воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций [1].

В результате были созданы условия для более гибкого построения образовательного процесса, имеющего специфику и сферу деятельности конкретной образовательной организации. Современные реалии таковы, что рынок труда требует подготовки универсальных специалистов, готовых к получению непрерывного образования, которые, с одной стороны, должны владеть современными информационными технологиями, а с другой - обладать коммуникационными навыками, способствующими более высокой социальной адаптации и профессиональной мобильности. Это отвечает и поставленным перед российской системой образования задачам, и

достижению цели концепции, направленной на формирование всесторонне развитой личности, способной пополнять и реализовывать на протяжении всей жизни свой личностный потенциал.

Этому существенно может способствовать изучение гуманитарного блока дисциплин, в частности, школьный курс обществознания, который включает в себя 5 основных модулей (философия и социальная психология, экономика, социология, политология, юриспруденция). Интегральный характер обществоведческого курса способствует развитию широкого спектра знаний об обществе, разнообразных умений и видов познавательной деятельности. Углубление гуманитарной подготовки осуществляется и в профессиональных образовательных организациях, учебные планы которых включают в себя базовые дисциплины, направленные на формирование универсальных компетенций, независимо от выбранного профиля [3]. Например, способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач; способность определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений; способность осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде и т. д.

Таким образом, несмотря на то что современный рынок труда в определенной степени ориентирован на специалистов в области техники, информационных и инженерных технологий, их качественная подготовка невозможна без гуманитарной составляющей. При этом необходимо учесть, что состояние рынка труда зачастую не влияет на профессиональное самоопределение подрастающего поколения. Реальное положение показывает, что гуманитарные направления профессионального образования являются очень популярными.

Подтверждением этому, в частности, можно считать тот факт, что обществознание - это самый массовый экзамен по выбору среди выпускников. В 2020 году в Тульской области данный предмет сдавали 52 % от общего числа сдающих, а, например, физику – 29 %, информатику – 7,5 %. Данная тенденция является устойчивой, о чем свидетельствуют данные в табл.1.

Таблица 1

**Количество участников ЕГЭ по обществознанию
за последние 3 года (в % от общего числа участников)**

2018 г.		2019 г.		2020 г.	
чел.	%	чел.	%	чел.	%
3567	54,76	3400	52,89	2956	51,62

Какие факторы влияют на профессиональное самоопределение молодежи? На наш взгляд, это слабая информированность выпускников о реальном состоянии рынка труда и востребованности профессий, нехватка знаний о содержании выбираемых профессий, соответствующих им трудовых функциях. Зачастую предпочтения молодых людей формируются под влиянием родителей, которые ориентируются на устойчивые стереотипы о престижности профессии (юрист, экономист, менеджер и др.), поэтому выбор оказывается неосознанным и основывается на искаженных представлениях.

Выбор популярных среди молодежи профессий и определяет выбор выпускных экзаменов. Именно обществознание является одной из необходимых дисциплин для поступления на популярные гуманитарные специальности. Оно формирует ряд универсальных знаний, умений и навыков, которые лежат в основе многих гуманитарных специальностей, в частности:

- характеризовать с научных позиций основные социальные объекты (факты, явления, процессы, институты), их место и значение в жизни общества как целостной системы;
- анализировать актуальную информацию о социальных объектах, выявляя их общие черты и различия; устанавливать соответствия между существенными чертами и признаками изученных социальных явлений и обществоведческими терминами и понятиями;
- применять социально-экономические и гуманитарные знания в процессе решения познавательных задач по актуальным социальным проблемам;
- систематизировать, анализировать и обобщать неупорядоченную социальную информацию;
- объяснять внутренние и внешние связи (причинно-следственные и функциональные) изученных социальных объектов и др.

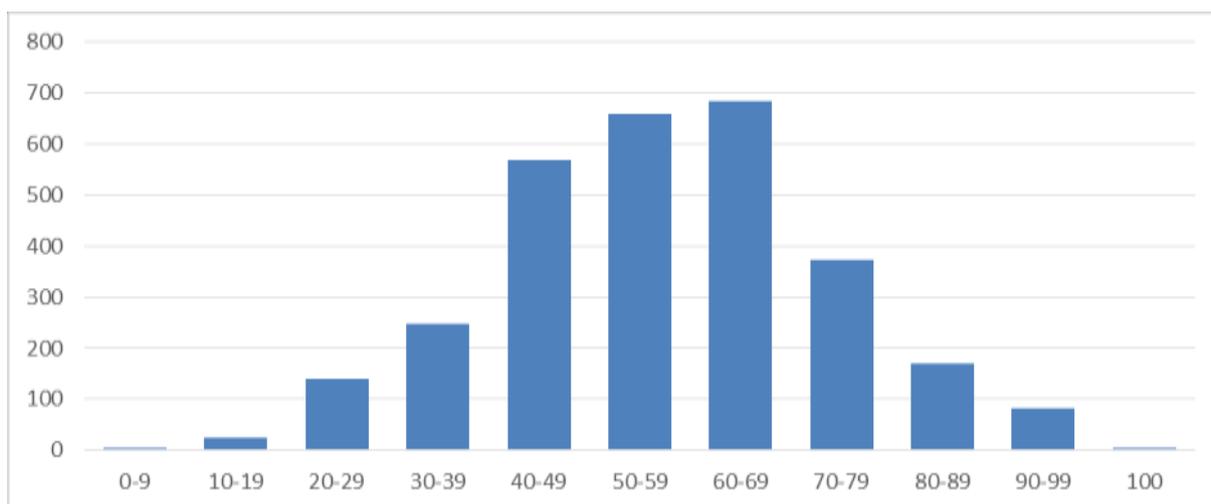
Данный набор умений и навыков многообразен, во многом зависит от индивидуальных особенностей школьника. Поэтому его формирование на высоком уровне не является простым. Результаты единого государственного экзамена служат тому подтверждением.

Таблица 2

Динамика результатов ЕГЭ по обществознанию за последние 3 года (в % от общего числа участников)

Категории участников	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Не преодолели минимального балла, %	13,37	14,62	16,27
Средний тестовый балл	57,68	56,72	56,96
Получили от 81 до 99 баллов, %	8,66	8,56	8,53
Получили 100 баллов, чел.	0,06	0,03	0,09

На протяжении последних трех лет наблюдается тенденция незначительного увеличения количества учащихся, не преодолевших минимальный балл (на 3 %). Средний балл находится на примерно одном уровне, незначительно сокращается количество учеников, набравших высокие баллы (81–100 баллов). Большую долю составляют учащиеся, которые имеют базовую и среднюю подготовку по предмету (рис.).

Распределение тестовых баллов по обществознанию в 2020 г.

Стабильным является гендерное распределение участников, сдающих обществознание. Существенных изменений в распределении выпускников по полу не наблюдается. В 2020 г. на 5 % увеличилось количество сдающих обществознание юношей.

Таблица 3

Соотношение юношей и девушек, участвующих в ЕГЭ по обществознанию в Тульской области (в % от общего числа участников)

Пол	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Мужской	1385	39	1210	36	1034	41
Женский	2182	61	2190	64	1922	59

Таким образом, за последние три года количество участников ЕГЭ по обществознанию находится на стабильно высоком уровне. В 2018 году 54,76 % выбирали данный предмет, а в 2020 – 51,62 %. В 2020 году увеличилось количество выпускников прошлых лет, сдававших ЕГЭ по обще-

ствознанию, оно составило 5,28 % (в 2019 г. – 4,1 %). Это может быть связано с увеличением лиц, не преодолевших минимальный порог в 2018 и 2019 году. Существенных изменений по другим категориям участников нет. Так, традиционно, кроме выпускников текущего года, в экзамене принимали участие выпускники прошлых лет (5,3 %), выпускники СПО (0,6 %) (табл.4).

Таблица 4

**Состав участников ЕГЭ по обществознанию
в регионе по категориям (в % от общего количества)**

Категории участников	Чел.	%
Выпускники текущего года, обучающиеся по программам СОО	2781	94
Выпускники текущего года, обучающиеся по программам СПО	18	0,6
Выпускники прошлых лет	156	5,3
Выпускники, не завершившие среднее (полное) общее образование (не прошедшие ГИА)	1	0,03
Участники с ограниченными возможностями здоровья	40	1,3

Анализ показателя «Количество участников ЕГЭ по типам ОО» (табл. 5) отражает незначительное уменьшение выпускников СОШ с углубленным изучением отдельных предметов (2018 г. – 2,3, 2019 г. – 2 %, 2020 г. – 1,6 %), а также увеличение количества сдающих обществознание выпускников кадетских школ (2018 г. – 0,5 %, 2019 г. – 0,5 %, 2020 г. – 1 %). Это может быть связано со структурными изменениями региональной системы образования. Так как в Тульской области сократилось количество школ с углубленным изучением отдельных предметов в связи с их преобразованием в центры образования, а кадетских школ стало больше. Скорее всего в будущем данная тенденция сохранится.

Таблица 5

**Состав участников ЕГЭ в регионе по типам ОО
(в % от общего количества)**

Категории участников	Чел.	%
Выпускники СОШ	2148	73
Выпускники ООШ	7	0,2
Выпускники лицеев и гимназий	532	18
Выпускники СОШ с углубленным изучением отдельных предметов	49	1,7
Выпускники В(С)ОШ	7	0,2

Окончание табл. 5

Выпускники В(С)ОШ при ИГУ	1	0,03
Выпускники кадетских школ	31	1
Выпускники образовательных организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	2	0,06
Выпускники СПУ и колледжей	1	0,03
Иное (ВПЛ и СПО, не прикрепленные к конкретным ОО)	178	6

Кроме того, представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что большинство выпускников, обучаясь в общеобразовательных школах, не имеют профильной подготовки, что сказывается на индивидуальных результатах экзамена по обществознанию. В табл. 6 представлено распределение участников экзамена с различным уровнем подготовки в разрезе по разным типам ОО. Доля учащихся, набравших высокие баллы, преобладает среди выпускников лицеев, гимназий и школ с углубленным изучением предметов. То есть в этих образовательных организациях есть профильные классы, что позволяет обучающимся получить не только более высокий уровень подготовки, но и более осознанно подойти к выбору вуза и профессии.

Таблица 6

Участники, получившие тестовый балл по типу образовательных организаций (в % от общего количества)

	Доля участников, получивших тестовый балл				100 баллов
	ниже минимального (42)	от минимального до 60 баллов	от 61 до 80 баллов	от 81 до 99 баллов	
Выпускники СОШ	12,99	32,14	22,43	5,07	0,03
Выпускники ООШ	0,00	0,14	0,07	0,03	0
Выпускники лицеев и гимназий	0,98	6,29	7,98	2,71	0,03
Выпускники СОШ с углубленным изучением отдельных предметов	0,34	0,71	0,54	0,07	0

Окончание табл. 6

Выпускники В(С)ОШ	0,14	0,10	0,00	0,00	0
Выпускники В(С)ОШ при ИТУ	0,00	0,03	0,00	0,00	0
Выпускники кадетских школ	0,34	0,61	0,03	0,07	0
Выпускники образовательных организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей	0,00	0,07	0,00	0,00	0
Выпускники СПУ	0,00	0,03	0,00	0,00	0
Иное (ВПЛ и СПО, не прикрепленные к конкретным ОО)	1,49	2,47	1,45	0,58	0,03

Таким образом, демографическая ситуация в Тульской области остается стабильной, корректировок нормативных правовых документов, существенно повлиявших на статистику ЕГЭ по предмету, нет, сложная эпидемиологическая обстановка не привела к значительным изменениям количества и состава участников по обществознанию, несмотря на то, что вторую половину года учащиеся готовились к экзамену дистанционно. То есть образовательная среда оказалась достаточно гибкой, смогла адаптироваться к изменившимся условиям.

Если анализировать содержательный аспект единого государственного экзамена по обществознанию, то можно остановиться на том, что далеко не все умения и виды деятельности усваиваются учениками на высоком уровне. Например, у учеников Тульской области по итогам экзамена 2020 года недостаточно сформированы следующие умения и виды деятельности:

- выявление структурных элементов с помощью схем и таблиц;
- характеризовать с научных позиций основные социальные объекты (факты, явления, процессы, институты), их место и значение в жизни общества как целостной системы;
- характеризовать с научных позиций основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, конституционные обязанности гражданина РФ;
- объяснять внутренние и внешние связи (причинно-следственные и функциональные) изученных социальных объектов;

- раскрывать на примерах изученные теоретические положения и понятия социально-экономических и гуманитарных наук;
- оценивать действия субъектов социальной жизни, включая личность, группы, организации, с точки зрения социальных норм, экономической рациональности;
- формулировать на основе приобретенных обществоведческих знаний собственные суждения и аргументы по определенным проблемам;
- подготавливать аннотацию, рецензию, реферат, творческую работу (задание на составление плана доклада по определенной теме).

Это приводит к тому, что в дальнейшем при обучении в высших учебных заведениях возникают трудности с усвоением дисциплин гуманитарного блока и формированием универсальных компетенций, являющихся основой для всестороннего развития личности будущего работника.

Таким образом, гуманитарный блок является важной составляющей образовательного процесса. Наметившаяся тенденция отвечает запросам современной внешней среды, поэтому в организациях общего и профессионального образования следует организовать эффективную работу в этом направлении. Это будет способствовать решению стратегических задач системы образования, формировать компетентных специалистов, востребованных современным рынком труда.

Список литературы

1. Паспорт национального проекта "Образование" (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения: 13.09.2020).

2. Шапран Ю. П., Шапран О. И. Образовательная среда вуза: типология, функции, структура // Молодой ученый. 2015. №7. С. 881–885.

3. Батанина И. А. Реализация основных образовательных программ гуманитарного профиля по ФГОС ВПО: проблемы и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3-2. С. 31–35.

Твиорова Юлия Александровна, канд. полит. наук, доц., twirowa@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Белянкова Елена Ивановна, канд. пед. наук, доц., зав. кафедрой, helena-2106@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.

SOME TRENDS IN HUMANITARIZATION EDUCATIONS (BASED ON THE RESULTS USE IN SOCIAL STUDIES)

Y.A. Tvirova, E.I. Belyankova

Based on regional statistical data of the unified state exam in social studies, the authors consider trends in the humanitarization of modern education. The article deals with the

issues of professional self-determination of young people and the formation of universal competencies in the learning process.

Key words: education system, unified state exam, social studies, professional self-determination, humanitarization.

Tvirova Yuliya Alexandrovna, candidate of political science, docent, twirowa@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Belyankova Elena Ivanovna, candidate of pedagogical science, docent, manager of katedra, helena-2106@mail.ru, Russia, Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

ПСИХОЛОГИЗМ И АНТИПСИХОЛОГИЗМ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

А.В. Дьяков

Рассматриваются установки психологизма и антипсихологизма как основание методологии историко-философских исследований. Делаются выводы о том, что оппозиция психологизм/антипсихологизм стоит за многими проблемами истории философии: жанрового своеобразия истории философии, особенностей биографического метода в истории философии.

Ключевые слова: психологизм, антипсихологизм, история философии, историк философии, методология, онтология, бинарная оппозиция.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии».

В последние десятилетия в сфере гуманитарных наук, а особенно в истории философии заново актуализировалась проблема, постоянно присутствующая на интеллектуальном горизонте западноевропейских мыслителей, которую эти последние не раз пытались решить разными способами, но с равной степенью убедительности. Речь идет о давнем споре: о дилемме психологизм/антипсихологизм. Данный вопрос крайне важен в академической сфере, ибо от его разрешения зависит не только формат современного высшего образования, но и сама идейная платформа системы просвещения. Не менее остро стоит он и в исследовательских областях, ведь на карту поставлен статус того, что мы привыкли считать фундаментальной методологической базой, в частности истории философии.

Вопрос о психологизме и антипсихологизме является одним из ключевых для многих прошлых и современных проблем истории философии. В частности, более всего к нему отсылают дискуссии об анахронизме и жанровом своеобразии в англо-американской традиции [1; 2]. Некоторые известные мыслители, в частности, Ричард Рорти [3], ставят традиционные вопросы так, будто прежде их еще никто не ставил. И помимо известного лукавства здесь есть вполне оправданный расчет на то, что удастся избежать ловушек, ранее расставленных другими авторами, полагавшими, что разрешили эти проблемы, создав собственную философию истории философии или опровергнув чужую. К вопросу о психологизме также отсылают современные споры о биографическом методе и биографической истории философии (и истории философии как раздела интеллектуальной истории)[4], а также традиционная концептуализация истории философии как философии великих философов прошлого [5; 6; 7; 8]. Наконец, в том или ином смысле вопрос о психологизме – это краеугольный камень, к ко-

тому нас приводит всякая попытка интерпретации историко-философской практики и опыта историка философии [9; 10]. То, как раскрывается оппозиция психологизм/антипсихологизм в истории философии и какие вопросы она затрагивает, – предмет настоящей статьи.

Для начала постараемся как можно четче обозначить предмет спора, выяснив доктринальные структуры противоборствующих сторон, а затем посмотрим, какие формы они способны принимать. Термины «психологизм» и «антипсихологизм» мы употребляем в нестрогом и, конечно же, не в феноменологическом смысле. Психологизм – не обязательно гуссерлианская установка, предполагающая, что объектом изучения, да и вообще единственной реальностью человеческого существования является комплекс аффектов и переживаний на индивидуальном уровне [11; 12]. В более широком и обыденном смысле под этим понимают склонность объяснять интеллектуальные продукты особенностями той внутренней жизни, которую ведет продуцирующее их сознание. Ни феноменология, ни даже психология не обладают монополией на такой подход, напротив, психологизирующая установка чаще всего обнаруживается у авторов, желающих стоять в стороне как от одного, так и от другого. Эти авторы либо обращаются к жанру творческой биографии (как вариант – патографии [13]), либо пытаются дать общую психологическую и интеллектуальную панораму эпохи, выведя конкретную философию как частный случай некой общей тенденции.

Соответственно, под антипсихологизмом также не нужно понимать логистическую установку в духе раннего Гуссерля, изгоняющую из рассмотрения феномена все, что так или иначе связано с ценностно-эмоциональной сферой человеческого духа, оставляющую сухой экстракт мысли. В более широком и куда более распространенном смысле этот подход отражает тенденцию интерпретировать любую интеллектуальную конструкцию, исходя из нее самой или из контекста, составленного такими же строгими конструкциями, словно бы мысли существовали в пространстве абстракций, независимо от земных превратностей, которым подвержен мыслитель. В этом варианте история философии тяготеет к превращению в историю мысли, т. е. происходит своеобразный «перевод» (в том значении, которое присваивает этому термину Б. Латур [14]) в пространстве гуманитарных наук, о чем мы скажем ниже.

Противостояние этих двух позиций порой принимает характер ожесточенного партийного спора, ибо сам он, этот спор, становится одним из пунктов политического или идеологического напряжения, существующего в цивилизованном обществе. Подобно тринитарным спорам в Византийской империи, сам он может быть не вполне ясен людям, которые волей или неволей должны принять одну из сторон, ибо речь идет, конечно же, не о строго научной методологии, а о чем-то куда более значимом. О чем именно, мы попытаемся выяснить, разобравшись со сторонами той бинарной оппозиции, которую мы здесь обозначили, в истории философии.

Историки философии, позицию которых мы в самом общем смысле отнесли к рубрике «психологизм», рассматривают философское творчество как результат индивидуальных усилий человека, обладающего определенным темпераментом, типом мышления, эстетическими предпочтениями и вообще всем тем, что составляет внутренний мир индивида. Объяснение истоков, характера и самого содержания философии выводится или, по крайней мере, объясняется исходя из этого комплекса черт, который можно выявить средствами биографики. Попытки объяснять философию Ницше ссылкой на болезни или матримониальные неудачи, философию Шопенгауэра – семейными драмами и т. п. – это крайности, хотя в них и есть определенный резон [15]. Когда Ясперс заявил, что заметил склонность Хайдеггера к нацизму уже при первом знакомстве с «Бытием и временем» [16], в нем говорила скорее обида, нежели трезвый голос блестящего во всех отношениях историка философии: «Зачем мы занимаемся историей философии? Это можно было бы делать из интереса к курьёзам, желая узнать историю человеческих заблуждений; или исходя из мнимого проникновения в психологически-социологическую необходимость: стремясь понять преодолеваемые ступени человеческого развития, первые шаги науки, странные связи, благодаря которым из ошибочного произошло понимание правильного; или из склонности к роскоши человеческого духа: знакомясь с праздной игрой, чтобы заполнить свой досуг; или из лишённой мысли педантичности, которая регистрирует всё фактическое: когда всё, что с какой-либо точки зрения можно назвать философией, хотят записать в бесконечную энциклопедию фактов духовной истории» [17, с. 68].

Если оставить «курьезные» случаи в стороне, перед нами окажется весьма обширный пласт историко-философской литературы, представляющий философов и целые школы и направления как индивидов и сообщества людей, действующих в силу тех или иных психологических установок, особенностей мировосприятия, что означает, конечно же, не только суждения о капризах и превратностях желчного философского характера (от наивностей вульгарного материализма до изощренного анализа спиритуалистов), но нередко весьма основательное рассмотрение философской литературы как продукта конкретного ума. Ведь философия – это прежде всего и почти исключительно литература, и пишут ее люди, обладающие определенным характером. Так что нет ничего неправомерного в предложениях историков философии сперва разобраться с этим характером, а потом уже извлекать сухой остаток идей, которые иначе трудно усвоить.

Оборотной стороной этого подхода является психоанализ (опять-таки, в самом широком смысле), или патография, - жанр исследовательской литературы, где через изучение философского Ego пытаются подобраться к Id, благо сам основатель традиции дал для этого достаточный повод [18]. Каким бы бессмысленным ни казалось это занятие на первый взгляд (ведь коль скоро речь идет о философии, интерес представляет сама мысль, а не вызвавшие ее к жизни бессознательные структуры), такой ме-

тод позволяет понять личность и характер философа, что, в свою очередь, делает ясными его интенции там, где его дискурс оказывается непрозрачным. Главная трудность здесь состоит в том, что историк философии должен если и не обладать равновеликим своему предмету талантом, то во всяком случае обладать достаточной проницательностью, чтобы перехитрить его. А это, понятное дело, большая редкость. Уже упомянутый нами Карл Ясперс служат едва ли не единственным удачным примером реализации такого подхода в своих работах [19].

Психологизм в сфере истории философии предполагает переписывание самой истории философии в биографическом ключе. При этом она превращается в историю философов, ибо на первый план выходят не идеи, а обстоятельства частной жизни, увлечения и т. п. Вместе с тем нельзя не признать той большой пользы, которую приносит знание научной генеалогии философа, круга его чтения, друзей и врагов и т. д., что позволяет избежать проведения ложных аналогий, верно определить влияния и отнести философа к тому или иному партийному лагерю. Жанровая трансформация вполне оправданна, если оставляет простор для различных позиций.

Психологизм делает историю философию поистине одной из гуманитарных наук, ибо речь здесь идет о человеке с его уникальным психическим складом, тогда как история идей в полной мере гуманитарной наукой считаться не может. Да и сами гуманитарные науки в значительной мере несут в себе ту же тенденцию. Структурализм – попытка восстать против психологизма [20], полвека назад представлявшаяся освобождением от вечных ссылок на индивидуальный гений,двигающий вперед науку и культуру. Однако структуралистские теории, несомненно выполнив свою роль агентов обновления, несли в себе так много внутренних противоречий, что реакция и регрессия были неизбежны. Психологизм возвращается, провозглашая лозунги нового гуманизма, новой метафизики и т. п.

Антипсихологизм в пространстве гуманитарных наук представляет собой прежде всего теоретический антигуманизм. Это альтюссеррианское по своему происхождению выражение [21] указывает на желание изгнать из пространства гуманитарных наук поэтическое представление об авторе как творце, создающем произведение в силу своей гениальности. Провозглашенная Роланом Бартом «смерть автора» [22, с. 384–391] как раз и была констатацией стремления покончить с мифологией, основанной, с одной стороны, на тавтологии природных способностей, делающих одних людей гениями, а других бездарностями, а с другой – на институте авторского права, легализованном либеральным капитализмом. Таким образом, антипсихологизм в гуманитарных науках представляет собой, быть может, не столько теоретическое направление, сколько политическую жесткую позицию. И хотя многие процессы, происходящие в пространстве гуманитарных наук, так или иначе являются политическими, к антипсихологизму это относится в большей степени, нежели к психологизму.

Антипсихологизм, повторим за Альтюссером, есть теоретический антигуманизм. Он оперирует понятиями мирового духа, духа времени, духа философии и т. п. Эти духи могут принимать разные облики, на то они и духи, но за этим переменчивым обликом стоит фигура, призванная гарантировать интеллигибельный характер реальности. Мир умопостигаем, хотя бы даже в ограниченных пределах, в нем действуют постоянно воспроизводимые закономерности, и философия способна постигать их своими собственными средствами. Стало быть, всякая состоятельная философия постигает всякий раз одни и те же истины, хоть они и могут представлять философу под разными углами, а он, философ, может формулировать их тем языком, который есть в его распоряжении и отличается от языка его коллег, отдаленных от него в пространстве и времени. Психологический облик мыслителя может влиять на стиль произведений, в которых эти истины отражаются; его интеллектуальное и общекультурное развитие способно влиять на степень его близости к верным формулировкам, но никак не более. «Задача философской историографии, – писал молодой Маркс, – заключается не в том, чтобы представить личность философа, хотя бы и духовную, так сказать, как фокус и образ его системы, ещё менее в том, чтобы предаваться психологическому крохоборству и мудрствованиям. История философии должна выделить в каждой системе определяющие мотивы, подлинные кристаллизации, проходящие через всю систему, и отделить их от доказательств, оправданий и диалогов, от изложения их у философов, поскольку эти последние осознали себя» [23, с. 211].

История философии в этом свете оказывается историей последовательного приближения к истинам, ожидающим своего раскрытия. Другими словами, если психологизм говорит о том, что представляемая философией реальность всегда в той или иной мере есть продукт индивидуального или коллективного творчества, то антипсихологизм настаивает на объективном характере этой реальности. Сторонникам этого последнего подхода всегда можно поставить на вид, что их представление о способности философии отражать объективную реальность, в которой действуют устойчивые закономерности и присутствуют столь же устойчивые сущности, зиждется исключительно на их вере в подобное положение вещей. Вера же, как известно, сама есть определенная психологическая установка, которая подводится под аргументацию их оппонентов.

Нетрудно заметить, что мы имеем дело с двумя метанарративами, каждый из которых претендует рассматривать другой как частный случай в своей объяснительной системе. Все пространство гуманитарных наук, в котором складываются линии напряжения описываемой бинарной оппозиции, оказывается пронизанным о диалектическими переходами из одного регистра в противоположный. И вполне естественно, что здесь рождаются все новые метанарративы, которые должны эту диалектику объяснить, упорядочить и избавить гуманитарные науки от методологического хаоса. Так что историк философии принимает не просто ту или иную сторону оп-

позиции, но некую установку, благодаря чему находит более или менее твердую почву в стороне от этих зыбучих песков.

Ж. Бодрийяр весьма проницательно заметил, что точно так же, как симулякры обретают подобие реальности, опираясь один на другой [24, с. 9], и современные науки легитимируются благодаря опоре друг на друга. История философии, подобно всем остальным гуманитарным дисциплинам (к этому статусу истории философии мы еще вернемся), стремится выработать собственные теоретические основания с самого начала своего существования, не довольствуясь положением простой доксографии. Но для этого ей требуется трансляция в другой регистр, неизбежно влекущий за собой перенесение тем и общей проблематики. Ярким примером может служить марксистская история философии, идеи и установки которой так глубоко проникли в историко-философский дискурс, что имплицитно присутствуют в нем даже тогда, когда сам историк философии отвергает марксизм в качестве метанарратива. Марксистская история философии выстраивает картину развития философского знания исходя из теории общественно-экономического развития, сложившейся в регистре политической экономики, и избирает в качестве критерия соответствия той или иной доктрины объективному положению вещей практику, опять-таки, общественно-политическую. История философии при этом становится общественной наукой, а историк философии – если не идеологическим работником, то уж, во всяком случае, идеологически ангажированным интеллектуалом.

Возможны и другие точки отсчета, которые также будут выводить историка философии за пределы его дисциплины, переводя его в другой научный регистр, а изучаемые им проблемы – на другой язык [25]. Попытка стать вне всяких идеологических и партийных течений сама по себе есть идеологический жест. Его можно разоблачать в духе знаменитой работы В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» как попытку маскировки своей партийной принадлежности, а можно в духе разоблачения «мифологий» Р. Барта, так что стремление оказаться вне мифологий само по себе предстанет мифологией. Но дело даже не в этом. Вероятно, марксисты правы в том отношении, что историк философии, живя в обществе, не может оказаться свободным от идеологических комплексов, это общество пронизывающих и организующих. Лучшее, что он может сделать, это осознать свою зависимость от общества и сознательно смоделировать собственную идеологическую позицию, что, возможно, позволит ему более или менее трезво оценивать позиции изучаемых мыслителей.

Особое значение при этом имеет то обстоятельство, как мы уже сказали, что переход в другой регистр с необходимостью влечет за собой новую интерпретацию проблем, которые иначе окажутся непонятны. По сути же, историку философии приходится предпринимать проблематизацию заново, в новых терминологических условиях и на новых основаниях. В результате проблема может измениться до неузнаваемости, превратившись, например, из чисто теоретической в политическую или наоборот.

При этом, конечно же, утрачивается как изначальная авторская интенция, так и первичное звучание текста. В результате историк философии создает новый идейный комплекс, зачастую имеющий мало общего со своим прототипом. Например, когда «новые философы» клеймили Платона как «первого фашиста», они опирались как раз на такую интерпретацию, в которой платоновская проблематика подверглась крайне радикальному переводу, что привело к ее искажению. Это отрицательный пример.

Положительным примером может быть подход к историко-философским исследованиям Ж. Делеза. Осуществляя историко-философский анализ концепции классического мыслителя, он сознательно переводит известного автора в новый для него регистр, так что тому волея-неволей приходится говорить на незнакомом языке. Проблемы, поставленные этим автором, также приходится ставить заново в новом контексте, ибо в прежнем виде они попросту лишаются смысла. В итоге в трудах философского классика неожиданно проявляются такие идеи, которые ранее могли показаться не подходящими для его позиции. И хотя его образ теперь сильно расходится с тем, к которому все привыкли, это идет на пользу его наследию, делая его актуальным в новых условиях и избавляя от удела пыльного антиквариата. Вместе с тем образ этого философа меняется подобно портрету Дориана Грея: классик получает вечную молодость, тогда как его портрет приобретает безобразные черты. («Я воображал, что подкрадываюсь к какому-то автору сзади и что мы зачинаем с ним ребенка, который был бы похож на него и вместе с тем родился бы монстром. Очень важно, чтобы это был именно его ребенок, ибо автор реально должен был сказать все то, о чем я его заставлял говорить. Но было также необходимо, чтобы ребенок был монстром, потому что нужно было пройти все виды смещений, скольжений, изломов, тайных выделений, которые доставляли мне огромное удовольствие» [26, с. 17].)

Но, сколь бы удачными не были попытки перевода классического автора, его текстов и развиваемых им тем в другой регистр, речь идет именно о переводе и о неизбежной утрате авторской интенции. Можно объявить эту последнюю несущественной, можно затеять с автором игру, как делают многочисленные постмодернисты, начиная с того же Делеза, но всякий раз взору историка философии предстает конструкт, в создание которого сам он вносит весьма значительный вклад. Таким образом, антипсихологизм всегда предполагает либо вытеснение автора метанарративом, либо его устранение путем интриг.

Подведем итоги. Психологизм и антипсихологизм в истории философии не составляют диалектическое единство, в котором противоречия снимались бы во имя некоторого синтеза, ибо мы имеем дело не с диалектикой, а с такой антитетикой, которая не допускает никакого положительного синтеза, разве что взаимное отрицание сторон оппозиции. Бинарная оппозиция психологизм/антипсихологизм предполагает непрестанную ротацию, в которой верх берет то одна, то другая сторона, причем никто от

этого не выигрывает, зато проигрывают все. Историк философии приходится рассчитывать лишь на временный успех, достижимый в том случае, если ему удастся заключить выгодный альянс со своими коллегами, получающий относительный перевес во мнении научного сообщества. Эта оппозиция сохраняется и транслируется в историко-философском дискурсе, задавая матрицу для прочих гуманитарных наук и в свою очередь заимствуя из них устойчивые модели. Можно сказать, что это постоянный фон деятельности историка философии, действующего как агент гуманитарного дискурса в «гуманитарных науках».

Список литературы

1. Analytic Philosophy and History of Philosophy. Eds. T. Sorrell, G.A.J. Rogers. Oxford: Oxford University Press, 2005. 240p.
2. Passmore, J. (1965). The Idea of a History of Philosophy. History and Theory. 1965. Vol. 5: The Historiography of Philosophy. P. 1–32.
3. Рорти Р. Историография философии. Четыре жанра. // пер. И. Джохадзе. М.: Канон+, 2017. 173 с.
4. Richards R.J. The Role of Biography in Intellectual History // Know: A Journal on the Formation of Knowledge. 2017. Vol. 1. № 2. P. 295–318.
5. Льюис Дж.Г. История философии в биографиях. М.: Ленанд, 2016. 720 с.
6. Durant W. The Story of Philosophy: The Lives and Opinions of the Greater Philosophers. New York: Simon and Schuster, 1926. 586 p.
7. Ясперс К. Великие философы. Кн. 1. Задающие меру люди / пер. А.К. Судакова. М.: Канон-плюс, 2018. 302 с.
8. Ясперс К. Великие философы. Кн. 2. Творческие основоположники философствования. Платон. Августин. Кант. / пер. А.К. Судакова. М.: Канон-плюс, 2018. 511 с.
9. Дьяков А. В. Историк философии и его опыт: в пространстве философии и вовне // Философские науки. 2019. Т. 62. № 10. С. 43–54.
10. Дьяков А. В. Регистры опыта историка философии // Философские науки. 2017. № 7. С. 72–82.
11. Kusch M. Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London; New York: Routledge, 2005. 327 p.
12. Philosophy, Psychology, and Psychologism: Critical and Historical Readings on the Psychological Turn in Philosophy. Ed. D. Jacquette. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, 2003. 339 p.
13. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог / пер. Г.Б. Ноткина. М.: Академический Проект, 1999. 237 с.
14. Латур Б. Пастер: Война и мир микробов / пер. А.В. Дьякова. СПб.: Изд-во Европ. Ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 314 с.
15. Андреева И. С., Гулыга А. В. Шопенгауэр. М.: Молодая Гвардия, 2003. 366 с.

16. Jaspers K. Notizen zu Martin Heidegger. Hrsg. H. Saner. München, Zürich: Piper, 1978. 342 s.
17. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение / пер. К.В. Лощевского. СПб.: Наука, 2000. С. 68.
18. Assoun P.-L. Freud, la philosophie et les philosophes. P.: PUF, 1976.
19. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования / пер. Ю. Медведева; под ред. М. Ермаковой. СПб.: ВладимирДаль, 2004. 626 с.
20. Elffers E. Earlier and Later Anti-Psychologism in Linguistics // Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science. Series 3: Studies in the History of Linguistics. 2014. Vol. 123. P. 127–136.
21. Альтюссер Л. За Маркса / пер. А. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 390 с.
22. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 615 с.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. 689 с.
24. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. Н. Сулова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 196 с.
25. Normore C. Methodology of the History of Philosophy / The Oxford Handbook of Philosophical Methodology. Ed. H. Cappelen, T.S. Gendler. John Hawthorne. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2016. P. 27–48.
26. Делез Ж. Переговоры / пер. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 232 с.

Дьяков Александр Владимирович, д-р филос. наук, проф., зав. каф., a_diakoff@mail.ru, Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет.

*PSYCHOLOGISM AND ANTI-PSYCHOLOGISM IN THE HISTORY
OF PHILOSOPHY AND HUMANITARIAN SCIENCES*

A.V. Dyakov

The paper discusses the attitudes of psychologism and antipsychologism as the basis of the methodology of historical and philosophical research. It is emphasized that the opposition psychologism/antipsychologism is behind many problems in the history of philosophy: the genre specificity of the history of philosophy, the peculiarities of the biographical method in the history of philosophy, etc. Based on the results of a comparative study, the author concludes that psychologism and antipsychologism do not constitute a dialectical unity, but represent an antithesis that does not allow any positive synthesis, assumes only mutual negation of the opposition parties.

Key words: psychologism, antipsychologism, history of philosophy, historian of philosophy, methodology, ontology, binary opposition.

Dyakov Alexandr Vladimirovich, doctor of philosophical sciences, professor, head of department, a_diakoff@mail.ru, Russia, Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University

К ПРОБЛЕМЕ КАЧЕСТВА ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ В РАМКАХ ФИЛОСОФИИ Н.Ф. ФЁДОРОВА

К. Ю. Казаченко

Посвящается рассмотрению вопроса о необходимом качестве вечной жизни как особого рода бессмертия. Показано, что необходимым качеством вечной жизни, способным удовлетворить волю человека, является абсолютная (богоравная) свобода как по бытию, так и по рождению. Показано также, что философия Н.Ф. Фёдорова, будучи учением об имманентном воскрешении, не способна решить проблему качества вечной жизни.

Ключевые слова: бессмертие, качество вечной жизни, наивысшая ценность, учение Фёдорова, воскрешение, богоравная свобода.

Эсхатологическая метафизика теснейшим образом связана с проблемой качества вечной жизни человека, то есть особого характера бессмертия, которое лежит по ту сторону бессмертия земного.

К сожалению, в современных диссертациях и статьях, имеющих отношение к указанной теме [1–7] практически не рассматривается проблема качества вечной жизни в том смысле, в котором она подразумевается в религиозной философии. Для того чтобы понять, что есть вечная жизнь для человека и каким должно быть её качество, необходимо прежде всего рассмотреть постановку проблемы человеческого бессмертия. Для этого необходимо обозначить пути решения следующих вопросов:

- 1) целесообразность постановки вопроса о бессмертии человека;
- 2) необходимое качество бессмертия человека;
- 3) необходимость достижения человеком абсолютной свободы как по бытию, так и по рождению для решения указанной проблемы эсхатологической метафизики.

Следует отметить, что великие мыслители прошлого относились к вопросу о необходимости бессмертия неоднозначно. Например, Шопенгауэр считал, что жажда бессмертия - всего лишь отражение эгоизма индивида, причиной которого является безосновное движение его иррациональной духовной сущности – воли; эгоизм же и добродетель, по мнению этого философа, несовместимы. Как известно, Шопенгауэр исповедовал этику резиньяции – крайнего самоотречения, отказа воли от самой себя с последующим её переходом в непроявленное состояние, что для сознания тождественно вечному небытию. «Требовать ..., как это часто делают, бессмертия индивидуального сознания для того, чтобы связать с ним потустороннюю награду или кару, — это значит только рассчитывать на соединимость добродетели и эгоизма. Но эгоизм и добродетель никогда не подадут друг другу руки: они составляют полную противоположность» [8, с. 411].

«Смерть — это миг освобождения от односторонности индивидуальной формы, которая не оставляет сокровенного ядра нашего существа, а скорее является своего рода извращением его: истинная, изначальная свобода опять наступает в этот миг, и поэтому в указанном смысле можно смотреть на него как на восстановление в прежнем состоянии... Он [человек, достигший состояния резиньяции, прим. авт.] охотно поступается жизнью, которую мы знаем; то, что он получает взамен нее, в наших глазах — ничто, ибо наше существование сравнительно с тем, что ждет его, — ничто. Буддизм называет это кажущееся нам ничто нирваной, т. е. "угасанием"» [8, с. 425].

Против этого можно и должно возразить следующее:

1. В рассуждении присутствует явная подмена понятий. Наличие самосознания ещё не предполагает эгоизма ни в каком смысле этого слова. Нетрудно представить себе ситуацию, при которой воля индивидов едина, но при этом каждый индивид сохраняет собственное самосознание. При этом самосознающие сущности, объединённые силой любви, взаимно обогащаются и не только не утрачивают своей индивидуальности, но, напротив, утверждают её. Это и есть одна из основ концепции всеединства, исповедуемой, в частности, некоторыми представителями русской религиозной философии.

2. Налицо катастрофическое смещение ценностей. Этот пункт необходимо рассмотреть подробнее, поскольку в основе его лежит расхожее заблуждение, присущее не одному лишь Шопенгауэру. Если внимательно взглянуть на философию Платона и неоплатоников, то нетрудно заметить, что в основе её аксиологии лежит следующее утверждение: наивысшей ценностью может обладать лишь вечное и нетленное, все же остальное (включая человеческую личность) способно обладать ценностью лишь в той степени, в которой оно может быть причастно вечному и нетленному, то есть миру идей. Так, например, Плотин в «Эннеадах» пишет, что в сверхчувственном мире «есть только эйдосы родовые и видовые, есть там, например, эйдос человека, но нет эйдоса Сократа» [9]. Иными словами, человеческие индивиды суть всего лишь различные стороны одного и того же эйдоса человека, который и обладает наивысшей, то есть трансцендентной по отношению к чувственному миру, ценностью. Но эйдос, как известно из учения Платона, представляет собой нечто безличное, лишённое самосознания, поскольку эйдос есть не что иное, как мысль Ума, мысли же не свойственно мыслить саму себя. То же касается и отношения Платона к индивидуальным человеческим душам. Один из трактатов «Эннеад» так и называется – «Все ли души – одна душа?». В этом трактате Плотин подробно рассматривает вопрос о соотношении индивидуальной и Мировой душ и приходит к выводу о том, что все индивидуальные души представляют собой всего лишь различные несущественные модификации одной-единственной Мировой души, которая только и обладает подлинной цен-

ностью, поскольку в ней содержатся все мыслимые человеческие добродетели, индивидуальная же душа способна обладать ценностью лишь в той степени, в которой она причастна этим добродетелям. «Так или иначе, но Душа – едина. Присутствуя во всех частных душах, как бы погружаясь во все, она не утрачивает своей цельности подобно тому, как целостна и едина наука, состоящая из многих разделов, как целостно и едино семя, дающее, согласно природе, начало разным частям организма, в материальном смысле разделенным, но не имеющим значения вне единого целого» [10]. Из трактата «Об уме, идеях и о сущем» [9] мы узнаём, что Мировая душа, будучи несравненно более высокой, нежели любая индивидуальная человеческая душа, всё же не может считаться наивысшей трансцендентной ценностью, поскольку Ум выше и совершеннее, чем Душа. Во-первых, Душа не свободна от страсти и страдания, а значит, должно существовать более высокое начало, чем Душа, совершенно бесстрастное и невозмутимое. Кроме того, Душа находится в мире, а значит, должно существовать сверхмирное начало, в противном случае в мире не было бы ничего нерушимого (например, не было бы наблюдаемых в природе закономерностей). А из трактата «О Благости, или Первоедином» мы узнаём, что и Ум не является наивысшей ценностью в ноуменальном мире, поскольку наивысшей трансцендентной ценностью обладает Единое. «Выше Ума ... стоит само Первоединое – дивное, непостижимое, о котором нельзя даже говорить, что Оно есть, существует, дабы не подать даже повода помыслить, что слово "единый" есть лишь атрибут, предикат чего-то другого, и которому, в строгом смысле, не приличествует никакое имя» [11]. Единое (или Первоединое) Плотина есть не что иное, как безличный Абсолют, бессознательная трансцендентная сущность, являющаяся аналогом платоновского Блага из диалога «Государство». Таким образом, платоническая философия утверждает, что наивысшей трансцендентной ценностью является безличное духовное первоначало, не обладающее самосознанием, бесцельно (лишь в силу собственной избыточности) порождающее мир и равнодушное к судьбам всех мировых сущностей. Не абсурд ли это? Мы же утверждаем, что наивысшей ценностью может обладать лишь то, что способно являться носителем определяющей системы ценностей. Иными словами, наивысшей ценностью может являться только сущность, обладающая самосознанием, то есть личность, ибо только обладающая самосознанием сущность способна назначить ценность чему бы то ни было. Безличное же, по определению, не способно назначить ценность ничему, даже самому себе, из чего, в частности, следует, что даже безличный Абсолют, подобный Единому Плотина – ничто в сравнении с хрупким «мыслящим тростником», из небытия возникающим и в небытие уходящим, но ему не принадлежащим. Тому же, кому подобный аргумент в пользу высочайшей ценности человеческой личности покажется недостаточным, можно задать следующий вопрос. Согласились бы Вы жить вечной жизнью, преисполнен-

ной наивысшего блаженства, но при этом лишённой самосознания? Разумеется, ответ будет отрицательным. Ведь не обладая самосознанием, Вы не смогли бы осознать принадлежность блаженства именно Вам, а не кому-либо другому. Более того, не обладая самосознанием, Вы бы даже не смогли дать оценку происходящему блаженству именно как блаженству, а не чему-либо другому. Иными словами, Ваша жизнь была бы последовательностью бессознательных импульсов, неизвестно кому принадлежащих. Вы бы даже не осознали того, что Вы существуете, не говоря уже неизвестно о чём, принадлежащем неизвестно кому. А ведь это и есть жизнь платоновских идей, ибо мысль сама себя не мыслит. Это и есть жизнь платоновского Блага, идеи над идеями, жизнь Единого Плотина, жизнь так называемого «Бога философов», то есть безличного Абсолюта самых различных метафизических концепций. Человеческое самосознание – величайшая ценность, даже если нет никакого другого личного Бога, кроме того, который живёт в моей душе. Наивысшая же ценность заслуживает наилучшего из возможных видов бессмертия.

Каким же важнейшим качеством должно обладать человеческое бессмертие, что должно являться его неотъемлемым атрибутом? Для выяснения этого обратим внимание на индийскую философию. Если внимательно изучить Ригведу, главную из Вед, священных книг индуистов, в которых ещё нет почти никакой философии, то можно убедиться в том, что одним из важнейших мотивов повествования этой книги является жажда бессмертия на небесах, то есть бессмертия, подобного жизни в мире объектов. Должно было пройти восемь веков (до создания первых Упанишад), чтобы индийская мысль пришла к выводу в том, что обыкновенное бессмертие не прибавляет жизни смысла. Этот совершенно правильный вывод базировался, тем не менее, на абсолютно ложной посылке. В чём же заключается это ложное исходное положение? Обратимся к одной из наиболее ранних Упанишад, входящих в так называемый канон «мукхья», что в переводе с санскрита буквально означает «главный», «основной», а именно к «Брихадараньяка-упанишаде». Вот что сказано в этой Упанишаде о качестве человеческого бессмертия. «Нет после смерти сознания, – так говорю я, о Майтрейи... Ибо, где есть что-либо подобное двойственности, там один ... познает другого. Но когда все для него стало Атманом, ... то как и кого сможет он познавать? Как сможет он познать того, благодаря кому он познает все это? Как сможет человек, о Майтрейи, познать познающего? Ты получила наставление, Майтрейи. Поистине, таково бессмертие" [12, с. 131–132]. Иными словами, бессмертие лишено самосознания, поскольку в метафизическом мире, при слиянии духовной сущности человека (Атмана) с духовной сущностью мира (Брахманом) уничтожается субъект-объектная дихотомия. Авторы Упанишад (а вслед за ними – и создатели адвайта-веданты, вершины индийской философской мысли) считали, что, поскольку «Я» предполагает также наличие «Не-я», следовательно, «Я» не может быть

всеобъемлющим, а поскольку человеческая воля претендует на беспредельность, то ограниченное личное бессмертие недостойно человека, поэтому бессмертие должно быть лишено самосознания. Упанишады настаивают на том, что наивысшей ценностью для человека является его слияние с Брахманом, то есть бессознательным духовным первоначалом, которое тождественно Атману, бессознательной духовной сущности человека. При этом слияние, очевидно, осуществляется не по принципу поглощения одного другим (поскольку Атман и Брахман тождественны), а в результате осознания человеком тождества Атмана и Брахмана. «Действия и Атман, состоящий из распознавания, — все становится единым в высшем, непреходящем (существе). Как реки текут и исчезают в море, теряя имя и образ, так знающий, освободившись от имени и образа, восходит к божественному пуруше, выше высокого» [13, с. 185]. Подобное бессмертие и называется вечной жизнью, той, что принципиально отлична от жизни бесконечной — жизни во времени, подобной существованию в мире явлений. Во всём обширном философском наследии Индии невозможно встретить ни одного убедительного положительного определения вечной жизни. Почти все определения мокши и нирваны отрицательные, положительные же их определения («полнота бытия», «абсолютное блаженство») лишены содержания и совершенно не убедительны. Неубедительность заключается в том, что, если человека принуждают отказаться от временного в пользу вечного, это означает, что и это вечное не абсолютно, поскольку не включает в себя всей полноты бытия, оно абсолютно трансцендентно тому миру, в котором человек навсегда оставляет столь дорогие ему привязанности, составляющие наполнение его уникальной личности, поэтому подобная вечная жизнь совершенно неприемлема для человека. Так чем же жизнь вечная принципиально отличается от жизни бесконечной, жизни во времени, в мире явлений и объектов? Мы утверждаем, что единственным принципиальным отличием жизни вечной, её главнейшим положительным содержанием, является свобода. Лишь в абсолютной, беспредельной свободе разрешаются все неразрешимые антиномии. Лишь в ней любое и каждое «Я» способно быть всеобъемлющим, и не будет в этом никакого противоречия, ибо для абсолютно свободного «Я» нет ничего невозможного. Но какова эта свобода, бытие в которой полностью и навсегда удовлетворяет человеческую волю? В этой свободе можно выделить две составляющих. Первую из них можно назвать свободой по рождению. Обладающий этой свободой подобен Богу, он субстанциален и безосновен, то есть является причиной бытия самого себя. Свобода по рождению устраняет тварность, уничтожает онтологическую пропасть между Творцом и творением, являющуюся, согласно Лейбницу, причиной так называемого метафизического зла, которое, в свою очередь, является причиной всех остальных разновидностей зла — физического (то есть страдания) и морального (т.е. греха) [14, с. 144]. Вторая составляющая абсолютной богоравной сво-

боды — свобода по бытию, свобода возможности, также присущая Богу. Проблема зла может быть решена эсхатологически лишь посредством обретения каждой сущностью абсолютной свободы как по рождению (что уничтожает метафизическое зло, являющееся родоначальником всех разновидностей мирового зла), так и по бытию, что устраняет стремление злой воли к проявлению. Ведь абсолютно свободное существо может быть только бесконечно благим, поскольку его воля полностью удовлетворена. И даже любовь, которую он дарит другому существу, представляет собой не проявление его воли, а следствие его преизбыточности. Поэтому, если все воскрешённые существа обретут, подобно самому Богу, абсолютную свободу как по рождению, так и по бытию, это навсегда уничтожит мировое зло.

Теперь обратимся к эсхатологической концепции Н. Фёдорова, чтобы рассмотреть ее на предмет соответствия вышеуказанным требованиям качества вечной жизни человека. Как известно, основной идеей Фёдорова является проект телесного воскрешения всех умерших людей, именно воскрешения, а не воскресения, поскольку воскресение предполагает преобразование плоти, бытие человека в совершенно ином качестве, над миром и над законом, что совершенно отсутствует в концепции Фёдорова. Учение Фёдорова предполагает имманентное воскрешение с помощью науки, на которую этот мыслитель возлагает высочайшие надежды. Фёдоров считал, что только с помощью совершенного научного знания люди смогут воскресить всех умерших во плоти и навсегда победить смерть, превратив слепую и смертоносную силу природы «в разумную и живородящую». При этом оснований для подобных умозаключений у Фёдорова не было никаких, кроме его собственного страстного желания. Все философские доводы в пользу принципиальной ограниченности научного познания Фёдоров категорически отвергал, считая их проявлением незрелости мысли, «оторванности мысли от дела». Так, он пишет, что «Кант обрек знание ... на вечное детство. Стесненное границами искусственного, игрушечного опыта, в малом виде, знание оставляет вне себя непознаваемое, метафизику и агностицизм» [15, с. 48]. Вообще Фёдоров относился к философии крайне скептически, считая её разновидностью идеолатрии – поклонению мысли без дела, «философ — не идеал человека, а односторонность, уродство; философия, как мысль без дела, есть абсурд, порок» [15, с. 356]. Дело же у человечества должно быть одно — воскрешение умерших предков. Фёдоров считал себя православным христианином, при этом христианские догматы он толковал весьма специфически. Так, Троица, согласно учению Фёдорова, — это церковь бессмертных и подобием ей со стороны человека должна явиться церковь воскрешённых. При этом само отражение в человечестве небесной троицы будет представлять собой совершенную родовую структуру, где воскрешённые отцы (родители) подобны Богу-Отцу, сыновья — Богу-Сыну, а дочери — Святому Духу. «Если в учении о Тро-

ице Дух не будет представлен образцом для дочери, то сама Троица обратится в безжизненную, монашескую, платоновскую, или платоническую; если же дочь не будет подобием Св. Духа, не будет духом любви, то проникнется духом разрушения, нигилизма» [15, с. 95].

Для Фёдорова воскрешение является единственной заповедью, данной Богом человеку. «Истинная религия есть одна — культ предков, притом всемирный, культ всех отцов, как одного отца, неотделимых от неумиряющего (Святого, Крепкого, Бессмертного) Бога Троицкого, Отца, Сына и Св. Духа, в Коем обожествлена неотделимость сынов и дочерей» [15, с. 71]. Таким образом, «объединение, или соединение живущих для воскрешения умерших, есть общество не по типу организма, а по образу и подобию Пресвятой Троицы; воскрешение же есть полное торжество нравственного закона над физической необходимостью» [15, с. 136]. Начало этого грандиозного фёдоровского проекта должно быть положено регуляцией «метеорических явлений», то есть атмосферных явлений природы. Фёдоров предполагал, что продовольственный вопрос, то есть необходимость избавления от голода, может положить начало объединению всего человечества для общего дела воскрешения, тем более, что, по мнению Фёдорова, орудия, предназначенные для регуляции атмосферных явлений, можно будет использовать и для воздействия на трупы с целью их оживления (*sic!*). Поскольку городская жизнь — извращённая форма существования человека, необходим возврат из городов в сёла, к праху предков. Центром общественной жизни должны стать кладбища. Именно на кладбищах будут сосредоточены не только храмы и учебные заведения, но и научные лаборатории. Наука из отвлечённого занятия, из получения знания ради знания, должна сделаться полностью подчинённой общему делу воскрешения. Все люди должны стать земледельцами и естествоиспытателями, исследующими прах отцов с целью воскрешения последних. В конце концов, когда последний из когда-либо живших людей будет воскрешён, деторождение прекратится, поскольку продление рода необходимо лишь для смертного существа, став же бессмертными, люди перестанут нуждаться даже в половой любви, которую заменит любовь к родителям. При этом Фёдоров отдаёт себе отчёт в том, что проект воскрешения рассчитан на долгое время и не сможет реализоваться в пределах одного поколения, поэтому он допускает заключение браков. Но браки должны заключаться не ради любви супругов друг к другу, а ради совместного исследования праха предков и всеобщего дела воскрешения, брак «должен быть соединением таких двух существ, которые наиболее пробуждают деятельность друг в друге и наименее чувственное влечение; иначе сказать, в этом союзе животный, половой инстинкт превращается в героизм, в подвиг, не как порыв, а как возвышенное продолжительное действие. Прогресс брака состоит в постепенном уменьшении чувственной любви и в увеличении деятельности» [15, с. 284]. «В женщине нужно воспитать главным образом

дочь человеческую, внучку, правнучку, и потом лишь мать» [15, с. 289]. Таким образом, цель брака между мужчиной и женщиной — исследование праха предков и воскрешение последних, деторождение же при этом — вынужденное зло, которое со временем должно прекратиться. Кроме того, мужчина и женщина должны дополнять друг друга в этом исследовательском процессе. Например, астрономические исследования с целью управления Землёй как небесным телом больше подходят мужчине, женщине же более приличествует исследование молекулярного строения человеческого тела с целью обнаружения в нём признаков жизни. Собираание рассеянных частиц человеческого праха — также мужское занятие, соединение же этих частиц в жизнеспособное человеческое тело есть женское дело.

Оставим вне критического анализа очевидные несообразности в учении Фёдорова, рассмотрим лишь принципиальное его заблуждение — относительно возможности избавления мира от зла имманентными средствами. Фёдоров полагал, что причина слепоты и смертоносности природы лежит в плоскости мира. Но так ли это? Ведь зло метафизично, его причина надмирна. Так, Шопенгауэр видит причину зла в объективации бессознательного духовного первоначала, называемого им волей [16]. Объективация представляет собой процесс, при котором непроявленная воля, стремясь к проявленному бытию, создаёт такой мир объектов, где воля каждой сущности представляет себя всеобщей волей. Происходит это потому, что воле как кантовской вещи в себе чужда всякая множественность, поэтому она проявляется в каждом объекте и каждом явлении феноменального мира во всей своей целокупности. А это означает, что каждая индивидуальная воля мнит себя всей мировой волей, что и приводит к эгоизму всех сущностей (на высших ступенях объективации воли — сознательному, на низших ступенях объективации воли — бессознательному) и непримиримой борьбе всех сущностей друг с другом. Объективация воли также является причиной страдания, поскольку каждая сущность, стремясь к самопроявлению и при этом бессознательно считая себя всем, никогда не может достичь своей цели — ведь её цель бесконечна, а мир, порождённый объективацией воли, способен предложить лишь конечные цели. Таким образом, даже на низшей ступени объективации воли, каковой являются физические силы, в природе наблюдается безотчётное страдание, а поскольку все сущности, стремясь к абсолютному самопроявлению, отторгают друг у друга материю, пространство и время, то в мире объектов царствуют страдание и смерть. Иными словами, причина мирового зла (согласно Шопенгауэру) метафизична, она лежит далеко за пределами мира объектов, а следовательно, на неё невозможно воздействовать средствами феноменального мира, что только и может предложить наука.

В. С. Соловьёв также характеризует причину мирового зла как метафизическую. «Зло, не имея физического начала, должно иметь начало метафизическое; производящею причиною зла может быть индивидуаль-

ное существо не в своем природном уже обусловленном явлении, а в своей безусловной вечной сущности, которой принадлежит первоначальная и непосредственная воля этого существа. Если наш природный во зле лежащий мир ... есть неизбежное следствие греха и падения, то, очевидно, начало греха и падения лежит не здесь, а в том саду Божиим, в котором коренится не только древо жизни, но также и древо познания добра и зла, — иными словами: первоначальное происхождение зла может иметь место лишь в области вечного доприродного мира» [17, с. 157]. Причину этого недолжного, разделённого, «небратского», как сказал бы Фёдоров, состояния мира Соловьёв видит в отпадении Софии от Бога. София у Соловьёва - аналог мировой души неоплатонизма, с существенной разницей лишь в том, что для Плотина мировая душа – низшая ступень эманации Первоединого, для Соловьёва же именно в Софии заключена вся полнота божественной жизни. Поскольку София обладает собственной волей, она способна желать обладать всем не от Бога, а от себя. Но при этом София теряет свою власть над творением, поскольку этой властью она обладает не сама по себе, а лишь как посредница между Божеством и тварным миром. Иными словами, все части мирового организма начинают вести разрозненное эгоистическое существование, что и является причиной мирового зла. Таким образом, согласно учению Соловьёва, корень мирового зла также находится в области доприродных, то есть трансцендентных природному миру сущностей.

Для Бердяева причина мирового зла более чем метафизична, ибо трансцендентна не только миру объектов, но даже самому Богу. Описываемая Бердяевым метафизическая сущность, трансцендентная Богу, именуется Ungrund и представляет собой возвышающийся над Богом меон, сверхбожественное небытие, стремящееся к бытию, добытийственную свободу. Эта свобода не сотворена Богом и оттого ему не подвластна. «Бог-Творец всемогущ над бытием, над сотворенным миром, но он не властен над небытием, над несотворенной свободой, и она непроницаема для него». «Я склонен истолковывать Ungrund, как изначальную, не детерминированную даже Богом меоническую свободу» [18]. «Из Ungrund'a, из Бездны рождается свет, Бог, совершается теогонический процесс и истекает тьма, зло как тень божественного света. Зло имеет источник не в рожденном Боге, а в основе Бога, в Бездне, из которой течет и свет, и тьма» [19, с. 155]. «Зло есть безосновность существования, т. е. связано с Ungrund'ом, с потенциальной свободой» [18].

Анализ позиции Фёдорова, касающейся происхождения зла, подводит к заключению о том, что причина страданий и смерти лежит за пределами мира явлений, и, следовательно, на неё невозможно воздействовать средствами этого мира. Таким образом, уже на данном этапе проект Фёдорова оказывается безнадежной утопией. Но представим себе (в порядке мысленного эксперимента), что фёдоровский проект воскрешения всех

усопших и превращения «смертоносной силы в живоносную» удалось осуществить. Насколько реализация данного проекта соответствует тем эсхатологическим чаяниям, которые были изложены в предыдущей главе настоящей диссертации? Первое, что бросается в глаза при рассмотрении фёдоровского «Царства Божьего» – это его неполноценность. Действительно, единственным критерием для воскрешения человека является его земное существование в прошлом. Любой злодей (а злодеев, больших и малых, в человеческой истории абсолютное большинство, ведь наш «лучший из худших миров» воистину создан для тиранов) заслуживает воскрешения и жизни в фёдоровском раю лишь потому, что когда-то ходил по этой земле, все же добрые существа, обитавшие лишь в человеческом воображении, навсегда останутся в небытии и никогда не вкусят ни подлинного (а не воображаемого) бессмертия, ни райской жизни. Можно предположить, что населить рай существами, подобными Иресине или Крошечке-Хаврошечке было бы несравненно справедливее, нежели заполнять его воскрешёнными злодеями, принудительно преобразованными в святых, а добрых сказочных и мифических персонажей, а также всех нерождённых или не успевших родиться существ оставить в небытии, тем более, что для прощения злодеев недостаточно превратить их в святых, необходимо нечто несравненно большее – сделать бывшее никогда не бывшим, что под силу лишь тому, для кого нет ничего невозможного. Но и этого слишком мало, ибо недостаточно вдохнуть жизнь в идеальные объекты сознания, наделив их собственным существованием, что сделало бы фёдоровский рай несравненно более полноценным. Необходимо ещё и наделить их всей полнотой богоравной свободы, свободы как по бытию, так и по рождению. Без этого Царство Божье снова окажется подверженным злу. И вновь рухнет хрупкое и незащитное райское бытие, вновь произойдёт грехопадение и начнёт свой бег мировая история, переполненная страданиями и смертью. Нетрудно видеть, что эсхатологическая концепция Фёдорова не способна разрешить проблемы качества вечной жизни как важнейшей составляющей эсхатологической метафизики. Кроме того, мировая история со всеми неисчислимыми страданиями всего живого (а не только людей, о чём Фёдоров совершенно забывает) остаётся в прошлом неизменной и не получает никакого оправдания. Акт сотворения мира, послуживший причиной метафизического зла, остаётся нетронутым и неоправданным. Никакой абсолютной богоравной свободы ни по рождению, ни по бытию никто не получает. Что же остаётся в наукообразном Царстве Божьем, созданном последователями Фёдорова? Искусственное братство ограниченного количества людей-автоматов, которых научными средствами принудительно заставили любить друг друга и недостойных воскрешённых предков, лишив при этом бесконечное число достойных, но воображаемых или нерождённых существ права на воплощение. Картина, гораздо более напоминающая ад, нежели рай. Возможны два варианта дальнейшего развития

этого имманентного Царства Божьего. Первый из них — достаточно долгое и неизменное существование этого состояния, ограниченного во времени лишь гибелью Вселенной, предотвратить которую средствами науки человек будет не в силах, ведь его «Царство Божье» не выходит за пределы эмпирического мира. Вторая же возможность - новое грехопадение и новый виток мирового зла как бунт против этого ущербного имманентного рая во времени, где нет дыхания беспредельному человеческому духу, ведь человек - это сущность, способная сказать решительное «нет» любому закону.

Список литературы

1. Ханова Р.В. Социально-философский анализ идеи бессмертия: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2000, 125 с.
2. Ширяева Е.В. Онтологические основания идеи человеческого бессмертия: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2015, 169 с.
3. Гуров Ю.С. Проблемы жизни, смерти и бессмертия (социально-философский анализ) // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2009. № 1. С. 168 – 179.
4. Вишев И.В. Проблема бессмертия в истории русской философии // Челябинский гуманитарий. 2009. № 2. С. 63 – 74.
5. Ряполов С.В. Смерть/бессмертие: к вопросу о смерти в русской философии // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 22 – 30.
6. Пивоваров Д.В. О вечности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 29 – 32.
7. Купарашвили М.Д. Воля к бессмертию - самая трагическая воля человека // Вестник Омского университета. 2018. № 4. С. 149–157.
8. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2 // Шопенгауэр А. Соч. в 6 т. Т. 2. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, Республика, 1999–2001. 561 с.
9. Плотин. Эннеады. К.: PSYLIB, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/txt45.htm> (дата обращения: 21.08.2017).
10. Плотин. Эннеады. К.: PSYLIB, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/txt36.htm> (дата обращения: 21.08.2017).
11. Плотин. Эннеады. К.: PSYLIB, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/ploti01/txt54.htm> (дата обращения: 21.08.2017).
12. Брихадараньяка-упанишада // Упанишады. Соч. в 3 т. Т. 1. М.: Наука, Ладомир, 1991. 240 с.

13. Мундака-упанишада // Упанишады. Соч. в 3 т. Т. 2. М.: Наука, Ладомир, 1991. 336 с.

14. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 554 с.

15. Фёдоров Н. Ф. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Фёдоров Н. Ф. Соч. в 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 2005. 534 с.

16. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1 // Шопенгауэр А. Соч. в 6 т. Т. 1. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, Республика, 1999-2001. 497 с.

17. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трёх разговоров»: краткая повесть об Антихристе СПб.: Худ. лит., 1994. С. 32 – 202.

18. Бердяев Н. А. Из этюдов о Я. Беме. Этюд I. Учение об Ungrund'e и свободе // Путь, П., 1930, № 20. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odinblago.ru/path/20/2> (дата обращения: 12.09.2017).

19. Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М.: Искусство, 1994. С. 39 – 341.

Казаченко Константин Юрьевич, соискатель, infirmus100@yahoo.com, Россия, Москва, Российский Государственный Гуманитарный Университет

*TO THE PROBLEM OF THE QUALITY OF ETERNAL LIFE
IN THE FRAMEWORK OF THE PHILOSOPHY OF N.F. FYODOROV*

K. Y. Kazachenko

The article deals with the question of the necessary quality of eternal life as a special kind of immortality. It is shown that the necessary quality of eternal life that can satisfy the will of a human being is the absolute (God-equal) freedom both by being and by birth. It is also shown that the philosophy of N. F. Fedorov, being the doctrine of immanent resurrection, is not able to solve the problem of the quality of eternal life.

Key words: immortality, quality of eternal life, highest value, Fyodorov's teaching, resurrection, divine freedom.

Kazachenko Konstantin Yurievich, postgraduate, infirmus100@yahoo.com, Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:330.16

DIGITAL-СОЗНАНИЕ В ФОРМУЛАХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

А. А. Артемьева

Представлены основные модели осмысления дигитального сознания в современной научной и философской литературе, уточнены его онтологические, гносеологические, аксиологические и праксеологические основания. Выявлена ключевая проблема дигитального сознания – его отвлеченность от духовных, гуманистических начал. Сделан вывод о том, что социокультурные и природомерные основания обнаруживаются в ноосферном сознании, ценностные установки которого направлены на умножение жизни на Земле и сохранение ее жизнеспособной устойчивости.

Ключевые слова: цифровая экономика, дигитализация, дигитальная философия, дигитальное сознание, ноосферное сознание.

Осмысление общественного сознания, его системы, концептуальных и структурных особенностей является одним из актуальных направлений в современных научно-философских исследованиях. Глобальные коррективы, привнесенные в социум «эпохой коронавируса», существенно обострили противоречия между материальным и духовным основаниями глобального бытия: в попытках поддержать экономический базис государства были вынуждены пренебречь сложившимися социокультурными устоями, что не могло не отразиться в общественном сознании, его целеценностных установках. Сложно не согласиться с Ю. М. Осиповым в том, что «вирусные» трансформации, с которыми пришлось столкнуться мировому сообществу, есть не просто «эпоха каких-то там перемен, а эпохальное переменочное мгновение — мгновенный скачок из одного бытия в другое» [1, с. 264]. Можно только предполагать, какой будет эта новая реальность, построенная на «удаленке, разобщенке, отдаленке» [1, с. 264], но уже на данном этапе очевидно масштабное изменение человеческого сознания, связанное с «триумфальной внедренкой — той же оцифрованной сети» [1, с. 264].

Не вызывает сомнений, что пути включения обезличенных цифровых технологий в человеческое хозяйство периода «четвертой промышленной революции» [2] требуют глубокого и серьезного исследования. В философском дискурсе проблема цифровизации получила оригинальное осмысление в контексте дигитальной философии [3, с. 134], истоки которой восходят к пред-

ставлениям Пифагора о том, что «все есть число» [4, с. 376–377] и воззрениям Парменида об эквивалентности объекта и мысли об объекте («одно и то же — мышление и то, о чем мысль...») [5].

Дигитальная философия на современном этапе развития общества представляет собой особый образ мировоззрения, мышления о мире и даже определенный тип сознания, что фиксируется в литературе. Полагаем, что в условиях глобальной цифровизации исследование феномена дигитального (digital-) сознания является особенно актуальным, поскольку предоставляет дополнительный ресурс для осмысления процессов, протекающих в мире в «эпоху перемен».

Описание сущности дигитального сознания представляется возможным осуществить через призму различных подходов к его пониманию, которые представлены в современной научной и философской литературе. В самом общем виде такие подходы могут быть разделены на две группы: первая оперирует понятием дигитальности применительно к описанию способа внешней организации (формы) сознания, а вторая использует дигитальность для обоснования его сущностных характеристик.

Ярким примером формального понимания дигитального сознания является проект российского предпринимателя Дмитрия Ицкова «Инициатива 2045», направленный на достижение цифрового бессмертия: предполагается, что в результате работы ведущих нейробиологов, специалистов в области робототехники и ученых, исследующих человеческое сознание, цифровая версия человеческого мозга будет загружена в специального андроида, выполненного в виде человека [6]. В данном случае дигитальная (цифровая) форма призвана запечатлевать, хранить и воспроизводить человеческое сознание.

Вместе с тем для нас наиболее значимым и интересным подходом к пониманию дигитального сознания представляется осмысление дигитальности как содержательной основы сознания и мышления.

Такой подход демонстрирует, например, американец Джим Элвидж, автор известной книги «Вселенная разгадана» [7], в исследовании «Дигитальное сознание: преобразующий взгляд» [8]. Он пишет, что переход к самым глубоким микроскопическим уровням материи, которые мы можем измерить, демонстрирует тот факт, что это просто информация или данные, состоящие из «битов». Ничто не является в полной мере физическим, объективной реальности не существует. Именно сознание, перерабатывая цифровую информацию и конструируя реальность, по мнению автора, предстает основой существования. Более того, Джим Элвидж фиксирует древнее происхождение дигитального миропонимания, отмечая, что индийские культуры тысячелетиями использовали бинарное кодирование, африканские племена имели бинарную систему предсказаний еще двенадцать тысяч лет назад [8]. Таким образом, автор не только описывает содержание дигитального сознания как способа осмысления мира через

призму цифровых данных, но и демонстрирует собственную симпатию к такому видению вещей, чем дает основания сделать вывод, что сам он также является носителем дигитального сознания.

Подход Джима Элвиджа близок к представлениям дигитальных философов Эдварда Фредкина [9] и Джона Уилера [10]. Как отмечает Эдвард Фредкин, цифровая философия — «это новый способ мышления о том, как все работает. <...> Цифровая философия основана на двух концепциях: представлении о том, что биты, как двоичные цифры в компьютере, соответствуют наиболее микроскопическому представлению о состоянии информации, и тезисе о том, что эволюция состояния — это цифровой информационный процесс, подобный тому, который происходит внутри компьютерного процессора» [9]. Таким образом, предполагается, что цифровая философия в состоянии дать разъяснения в отношении многих самых фундаментальных вопросов о процессах в мире.

Анализируя приведенную концепцию, нельзя не согласиться с ее автором в том, что, действительно, цифровые технологии предоставляют грандиозный ресурс для моделирования различных общественных и природных процессов. Например, рассуждения Эдварда Фредкина могут быть удачно проиллюстрированы признанными в науке вариантами эконометрического описания хозяйственных процессов [11]. Вместе с тем, на наш взгляд, невозможно обойти вниманием весомый пласт духовного, иррационального и оттого непредсказуемого в человеческой жизни, который едва ли возможно включить в цифровые модели. Таким образом, представляется, что в рамках дигитального сознания, стремящегося к всеобщей цифровизации объективной реальности, невозможно целостное осмысление общественного бытия.

В связи с этим более уместным нам видится подход Джона Уилера «все из бита» («it from bit»), который предполагает, что «любой предмет материального мира в своем самом глубоком основании имеет нематериальный источник или объяснение, <...> что все физические вещи имеют информационно-теоретическое происхождение <...>» [10, с. 5]. В своей концепции Джон Уилер ограничивает пределы дигитализации рамками материального мира, не претендуя на цифровизацию чувств, эмоций, состояний, что, на наш взгляд, в большей степени отвечает возможностям дигитализации на современном этапе.

В конечном счете, все вышеприведенные позиции объединяет то, что понятие дигитальности приобретает в них онтологическое значение и более всего применяется к конкретному предмету — субстрату — для описания его сущности и происхождения. Иными словами, дигитальное сознание через призму представленных подходов есть такое сознание, которое усматривает «дигитальную первопричину» всех вещей.

Иной, структурный подход к осмыслению дигитальности предлагают отечественные исследователи. Например, как отмечает М. О. Жук,

дигитальное мышление характеризуется двумя особенностями: «1) стремлением к трансцендированию имманентной реальности и 2) разделением Единого на множественное» [12, с. 205].

Здесь следует остановиться на том, что, конечно, дигитальное сознание не отождествляется нами с дигитальным мышлением. В вопросах разграничения понятий сознания и мышления мы согласны с той точкой зрения, что сознание есть «потенция» мышления: «сознание <...> является мотивом для высшего мышления, которое ставит своей целью познать окружающую действительность для продуцирования уникального отношения к объектам внешнего мира и самому субъекту» [13, с. 111]. Иными словами, мышление – это сознание в действии.

Вместе с тем, несмотря на представленное разграничение феноменов сознания и мышления, мы полагаем, что применительно к проблеме дигитальности приводимые в литературе характеристики дигитального мышления фактически проистекают из его «статического источника» — дигитального сознания — и поэтому справедливы для описания особенностей последнего.

Анализ вышеприведенного структурного подхода к описанию дигитального сознания позволяет заметить, что автор не фиксирует степень возможного проявления выделенных особенностей дигитального сознания в конкретном индивидуальном или общественном сознании, достаточную для того, чтобы такое сознание могло называться дигитальным. На наш взгляд, крайне сложно в реальности представить человеческое сознание, обладающее вышеназванными свойствами в их абсолютном проявлении, поэтому предлагаемый автором подход скорее описывает идеальную модель дигитального сознания, носителем которого человек и человечество в целом могут являться в большей или меньшей степени.

Очевидно, что формирование цифрового сознания осуществляется под значительным влиянием внешних условий. Источники такой дигитализации индивидуального и общественного сознания приведены в диссертации Л. В. Бурковой на тему «Социально-философский анализ массового сознания в контексте глобальной информатизации» [14, с. 3]. В своей работе автор пишет о становлении «дигитального массового сознания», порожденного цифровыми технологиями, распространенными в глобальном масштабе. По мнению исследователя, значимой чертой дигитального сознания является «вовлеченность в информационные потоки, что связано с общедоступностью информации, быстротой ее передачи и получения, легкостью осуществления коммуникационных практик» [14, с. 3]. Фактически, именно «новые формы дигитальной коммуникации (сетевые сообщества, форумы, чаты и прочее)» указываются автором в качестве условия формирования дигитального массового сознания [14, с. 3]. В этом смысле дигитальное сознание приближается к клиповому интернет-сознанию, где «привычка оперировать короткой реальностью (clip — сжимать), мыслить

“чувственными пятнами” отсекает (clip — отсекать, обрезать) опыт логических рассуждений в пространстве и времени. <...> ...так мыслить проще. Ведь пралогичный (инкопорированный) тип мышления — это начальная ступень развития человеческого сознания» [15, с. 258]. И несмотря на то, что дигитальное сознание, по нашему мнению, видится структурно сложнее, чем интернет-клип, оно также своим информационно-цифровым наполнением значительно редуцирует сложные социо-природокультурные отношения. Таким образом, именно простота такого «усеченного» цифрового сознания в сочетании с широким распространением техники и технологий становится предпосылкой его широкого распространения и упрочения.

Возвращаясь к рассмотрению различных аспектов дигитального мировосприятия, отметим, что для целей нашего анализа представляется особенно значимой его аксиологическая сторона, которую рассмотрел профессор Ф. И. Гиренок. Он следующим образом фиксирует различия дигитального и реального типов мировосприятия: «в дигитальном мире, т. е. в мире, определенном числом, обнаруживается проблема. Суть ее состоит в понимании того, что число превращает небытие в реальный предикат, который именуется виртуальной реальностью. <...> Человек в дигитальной философии — это не органическое тело, не субъективность, которая в числовой мир не вписывается, а вычислительная машина и база данных. Человек в нем уже не человек, а числовой пробел мира. И этот пробел должна заполнить, видимо, уже какая-то иная, нечеловеческая субъективность» [3, с. 137]. Таким образом, ключевой аксиологической проблемой дигитального сознания видится проблема человека и его судьбы в цифровом мире, которая, на наш взгляд, частично может быть проиллюстрирована на примере подхода отечественного законодательства к правовому регулированию цифровой экономики.

Еще задолго до «эпохи перемен» в российском политико-правовом дискурсе цифровой экономике придавалось практически парадигмальное значение: согласно национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», такая обновленная форма хозяйственного бытия должна была стать «новой средой отношений граждан, бизнеса и государства» [16].

Цифровая экономика, согласно «Стратегии развития информационного общества РФ на 2017—2030 годы», определяется как «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [17]. Таким образом, отечественное законодательство определяет цифровую экономику как особую сферу хозяйственной

деятельности, акцентируя внимание на ведущую роль информационной составляющей в цифровом виде, обеспечивающей высокую экономическую эффективность.

С позиций системного подхода [18] такое понимание может быть представлено в следующем варианте: концептом цифровой экономики является хозяйственная эффективность, структуру составляют процессы обработки информации и использование результатов ее анализа, а субстрат — преимущественно цифровые данные. Однако такое понимание цифровой экономики видится чрезмерно механистическим, поскольку не отражает место и роль человеческого фактора в ней.

В целях уточнения антропологических координат цифровой экономики в начале 2020 года был утвержден «Перечень ключевых компетенций цифровой экономики для целей расчета количества выпускников системы профессионального образования, обладающих соответствующими компетенциями» [19]. В список компетенций включены: коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление в цифровой среде. При этом все представленные компетенции были раскрыты их составителями через дигитальные основания. Например, компетенция «коммуникация и кооперация в цифровой среде» предполагает «способность человека в цифровой среде использовать различные цифровые средства, позволяющие во взаимодействии с другими людьми достигать поставленных целей» [19]. Иными словами, коммуникация в цифровой среде фактически ограничивается использованием цифровых средств. Но если исходить из того, что «личность в отношении социума проявляет собственную субъектность в двух главных аспектах: коммуникативном и деятельностном» и «поражение в каком-либо одном есть и поражение субъекта» [20, с. 156], то, фактически, приведенная модель базовых компетенций в цифровой экономике наглядно иллюстрирует такое поражение, превращая человека в частицу глобального цифрового механизма, в человека исключительно для нужд цифровой экономики. Такое видение экономического субъекта порождает множество вопросов, которые не раскрываются политэкономическими стратегиями: какая роль в цифровой реальности будет отведена человеку, не наделенному соответствующими компетенциями; найдется ли место в дигитальном мире высшим ценностям, не имеющим под собой цифровых оснований и не станет ли предлагаемая дигитализацией «эффективность различных видов производства» в этом случае античеловеческой эффективностью?

Таким образом, представленный выше пример дигитализации лишь одной — экономической — сферы общества проявляет крайнюю дискретность и разрушительность дигитального сознания, проясняет необходимость комплексного осмысления способов включения цифровых технологий в человеческое хозяйство, понимаемое в самом широком его смысле (с

учетом духовных оснований, взаимосвязи всех звеньев системы «Человек – Общество – Природа»). Здесь важно чувство меры и понимание того, что цифровая экономика – это только часть глобального хозяйства, которое нуждается в системности и целостности, задаваемых системой императивов социокультурного и социо-природного порядка. Ресурс для такого комплексного, системного подхода к человеческому бытию усматривается нами в учении В.И. Вернадского о ноосфере [21] и проистекающих из него представлениях современных философов о ноосферном сознании [22], эконоомике [23], основном ноосферном законе [24, с. 29], «ноосферно-семиотическом круговороте знаков» [25, с. 81], ноосферном человеке [26]. Значимость ноосферного подхода для преодоления крайностей дигитализации состоит в том, что в контексте ноосферы цифра теряет свое превосходство и предстает как один из множества источников информации; дигитальный субстрат структурируется не хаотично и не против природы и человека, а в направлении, предполагающем «умножение жизни на Земле», «сохранение жизнеспособной целостности в какой бы форме она ни существовала» [27, с. 44]. Представляется, что в условиях глобальной дигитализации ноосферное сознание призвано стать той формой общественного сознания, которая излечит мир от «цифровой лихорадки» и обеспечит гармоничное и жизнотворное включение новых технологий в глобальное хозяйство.

Список литературы

1. Осипов Ю.М. Под ударными переменами // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 261 – 267.
2. Комиссаров А. Четвертая промышленная революция [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/14/612719-promishlennaya-revolyuetsiya> (дата обращения: 10.10.2019).
3. Гиренок Ф.И. Основные принципы дигитальной философии // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 133 – 139.
4. Колтунов Н. Ю., Лысенко И.С. Совершенство числа в философии Пифагора // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. Т. 2. № 9. С. 376 – 377.
5. Слинин Я. А. Мудрость Парменида [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/slinin-yaa/mudrost-parmenida> (дата обращения: 10.10.2019).
6. Trimarchi M. Is it possible to digitize human consciousness? [Электронный ресурс]. URL: <https://electronics.howstuffworks.com/future-tech/digitize-human-consciousness.htm> (дата обращения: 10.10.2019).
7. Elvidge Jim. The Universe – solved! Alternative Theories Press, 2007. 259 p.

8. Digital consciousness: the advent of a post-materialist ‘theory of everything’ [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@geoffjward/digital-consciousness-the-advent-of-a-post-materialist-theory-of-everything-97c3908ff453> (дата обращения: 10.10.2019).
9. Fredkin E. An Introduction to Digital Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1023/A:1024443232206> (дата обращения: 10.10.2019).
10. Aguirre A., Foster B., Merali Z. It From Bit or Bit From It?: On Physics and Information. New York. 2015. 240 p.
11. Айвазян С. А., Березняцкий А. Н., Бродский Б. Е. Макроэкономическое моделирование российской экономики // Прикладная эконометрика. 2017. Т. 47. С. 5 – 27.
12. Жук М. О. Субъект в дигитальной философии: критический анализ на основе «не-философского» подхода Гэллоуэя // Шаги-Steps. 2017. Т. 3. № 2. С. 205 – 216.
13. Кабахидзе Е. Л. Трехединая природа языка, мышления, сознания // Язык и культура (Новосибирск). 2014. № 11. С. 110 – 114.
14. Буркова Л. В. Социально-философский анализ массового сознания в контексте глобальной информатизации: дис. ... канд. филос. наук. М., 2018. 187 с.
15. Шеметова Т. Н. Клиповое интернет-сознание как тип пралогического мышления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4–2. С. 254 – 259.
16. Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС «Консультант Плюс».
17. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // СПС «Консультант Плюс».
18. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
19. Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Приказ Минэкономразвития России от 24.01.2020 № 41 // СПС «Консультант Плюс».
20. Юрков С. Е. Проблемы субъектности в условиях трансформации системы политических коммуникаций // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 155 – 163.
21. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / Отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 270 с.

22. Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Ивановский государственный университет, 1998. 244 с.

23. Смирнов Г. С., Одинцова А. А. Экономика как философия ноосферного хозяйства // Философия хозяйства. 2019. № 2. С. 16 – 37.

24. Дмитриевская И. В. «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России: тезисы межгос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня рожд. ак. В. И. Вернадского. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. С. 29 –32.

25. Смирнов Д. Г. Семиотические основания эволюции универсума // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 3. С. 80 – 84.

26. Меликян М. А. Категория «ноосферный человек» в современной российской философии человека // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 4 [Электронный ресурс]. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 03.03.2018).

27. Дмитриевская И. В. Идея ноосферного человека и предпосылочное знание // Ноосферные исследования. 2013. Выпуск 3 (5). С. 33 – 50.

Артемяева Алена Алексеевна, стажер-исследователь, a.a.odintsova@mail.ru, Россия, Иваново, Ивановский государственный университет

*DIGITAL-CONSCIOUSNESS IN ANTHROPOLOGICAL ESTRANGEMENT FORMULAS:
ANALYSIS OF MODERN INTERPRETATIONS*

A. A. Artemyeva

The main models of digital consciousness understanding in modern scientific and philosophical literature are presented, its ontological, epistemological, axiological and praxeological foundations are specified. Using the example of Russian legislator's approach to the legal regulation of digital economy, the key problem of digital consciousness is illustrated - its distraction from spiritual, humanistic principles. It is concluded that the socio-cultural and natural foundations which are necessary to overcome the challenges of universal digitalization may be found in noospheric consciousness, the main values of which are aimed at multiplying life on Earth and preserving viable integrity in any of its forms.

Key words: digital economy, digitalization, digital philosophy, digital consciousness, noospheric consciousness.

Artemyeva Alena Alekseevna, intern-researcher, a.a.odintsova@mail.ru, Russia, Ivanovo, Ivanovo State University

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕННОЙ ИНЖЕНЕРИИ: ПАРАДОКСЫ НАУЧНОГО И ФАНТАСТИЧЕСКОГО

В. О. Абрамова, А. В. Абрамова

Рассматривается противостояние этического абсолютизма и этического релятивизма как оснований общественной и индивидуальной морали применительно к возможностям развития генной инженерии. Вопросы этических ограничений подобных научных исследований в современном обществе вызывают бурные дискуссии ученых и политиков. Авторы статьи рассматривают основные проблемы и перспективы генетических исследований с позиции морали.

Ключевые слова: мораль, этика, биоэтика, этический абсолютизм, этический релятивизм, евгеника, генная инженерия, биотехнологии.

Результаты исследований, представленные в статье в разделе «Биотехнологии и утилитаристская мораль», подготовлены при финансовой поддержке РФФ. № проекта 19-18-00422 «Социогуманитарные контуры геномной медицины».

Евгеника и моральные традиции.

Социальные проблемы генной инженерии, наследующей идеи евгеники, реализующих их с помощью достижений современной науки и техники, с течением времени приобретают все большую остроту и актуальность. Это связано не только с научной притягательностью объекта исследования, но с ожесточенными дискуссиями по поводу его этического и политического подтекста. Вмешательство в естественную природу человека ранее было невозможно, поскольку не было необходимых знаний в области физиологии и медицины, а также научной и инструментальной базы. Оно считалось недопустимым, так как противоречило нормам традиционной религиозной морали, основанной на этическом абсолютизме. Научно-технический прогресс и возникновение идеологии гуманизма породили этический релятивизм как кредо индивидуализма. Обращение к перспективам научных исследований природы человека, его возможностей и пределов допустимого породило особый литературный жанр научной фантастики, в рамках которого сложились первые образы людей с особыми сверхчеловеческими способностями. Нравственные проблемы совершенствования человека как биологического вида с помощью науки ставились писателями-фантастами в своих произведениях, начиная с XIX века. Образы монстров, соединяющих качества людей и других существ, созданные М. Шелли, Г. Уэллсом, А. Беляевым и другими классиками этого жанра, стали хрестоматийными. Показательно, что все эти литераторы большое внимание уделяли нравственным аспектам деятельности ученых – ответственности перед своими созданиями за их дальнейшую судьбу в мире обычных людей, социальным и этическим последствиям появления сверх-

человека для всего человечества, возможным рискам. Предвидение грядущих нравственных конфликтов, нарушение природной и социальной гармонии вследствие подобных экспериментов – бесспорная заслуга писателей-фантастов прошлого и настоящего. Но если евгеника как учение о селекции человека изначально имела сомнительную репутацию и воспринималась в массовом сознании в качестве фантастического проекта отдельных мыслителей, покушающихся на созданных Богом людей и абсолютные нравственные ценности, то статус генной инженерии как науки будущего невозможно отрицать. В современном мире опасность неконтролируемого вмешательства ученых в природу человека стала реальной, приобрела глобальные масштабы. Социально-политические аспекты развития генной инженерии связаны с ее этическим измерением, которое находит свое проявление в правовых отношениях, сложившихся в обществе. Здесь изначально заложено противоречие между общественной (корпоративной) и индивидуальной моралью, определяющее противостояние этического абсолютизма и этического релятивизма как оснований данных позиций. Генетическая предопределенность способностей людей лежит в основе теорий, оправдывающих социальное неравенство, высокий статус одних членов социума и подчиненное положение других, право одаренных людей управлять простыми и примитивными. Правящая элита используют этот аргумент для обоснования своих притязаний на властные полномочия, преимущества по рождению и крови. Как полагал еще Платон, каждый человек в государстве должен быть на своём месте, обусловленном врожденной, изначально присущей ему предрасположенностью к определенному виду деятельности, его качествами. Сходные черты характера граждан дают возможность государству прогнозировать и предсказывать их дальнейшее поведение. В то же время политика государства формируется на основе выражения общих интересов его граждан или так называемой концепции общего блага, учитывающей потребности различных слоев социума. Правящие круги заинтересованы в улучшении физических и интеллектуальных возможностей населения, повышении его трудоспособности, снижении числа инвалидов. Контроль государства за репродуктивным поведением и сохранением здоровья людей предполагает воздействие на их самосохранительное поведение, предотвращение врожденного уродства младенцев, знание типичных заболеваний, вызываемых генетическими отклонениями, передающимися по наследству.

Объективные социальные причины появления евгеники и развития на ее идейной основе современной генной инженерии порождают диаметрально противоположные тенденции, направляемые этическими целями и ограничениями. С одной стороны, воздействие на природные механизмы воспроизводства человека оправдано высокими побуждениями совершенствования его телесного и духовного состояния, оптимизации его как биологического вида, создания для него благоприятных социальных условий.

С другой стороны, вмешательство человека в естественный ход вещей и жизненных процессов противоречит вечным и неизменным законам природы, то есть объявляется противоестественным и противоречащим воле Бога, который заложил их в определенную модель мироздания. Возникло противостояние позиций этического релятивизма, отражающего возрастающие запросы человека, выступающего под лозунгами гуманизма, и этического абсолютизма, предполагающего строгий детерминизм, содержащийся в законах природы и морали. Главные вопросы, лежащие в основе всей биоэтики и этических оснований генной инженерии, формулируются следующим образом: Имею ли я право усовершенствовать собственную жизнь и жизнь своих близких, в том числе потомков, в соответствии с моими представлениями о достойных человека естественных условиях существования? Есть ли действительно общая для всех людей благая цель, которую может реализовать государство посредством своей политики в области генетической инженерии? Могут биотехнологии стать единственным средством решения насущных социальных проблем современного общества (например, создание вакцины против вирусных инфекций, угрожающих всему человечеству)?

На эти вопросы можно ответить только в ходе последовательного решения нескольких задач: во-первых, необходимо понять, что собой представляет человек как природное существо; во-вторых, что мы имеем в виду под нравственными ограничениями; в-третьих, решение каких проблем предполагает применение к совершенствованию человека как биологического вида биотехнологий и других возможностей генной инженерии. Это позволит либо установить этически допустимые пределы их использования, либо отвергнуть возможность подобных научных исследований вообще. Их перспективы зависят от того, какая позиция будет преобладающей - этический релятивизм или этический абсолютизм.

Проблема происхождения человека как биологического вида породила большое количество гипотез. Если человеческая жизнь неслучайна, но имеет источник, связанный с её мистическим, сакральным значением (например, концепция креационизма), то дальнейшее обсуждение возможности генетических исследований не имеет никакого смысла. В случае признания права ученого уподобиться творцу через свое вмешательство в создание совершенного человека, занимающийся генетической инженерией исследователь должен осознавать социальные и этические последствия своей деятельности и «перейти черту», отрекаясь от Абсолютного. Если мы предполагаем, что жизнь возникла случайно, например, в ходе биохимической эволюции (теория Опарина-Холдейна), а человек является продуктом биологической эволюции, то человек – это особый биологический вид, к которому могут быть применимы селективные и генетические преобразования. Евгеника и впоследствии генная инженерия не вызывали бы последующих споров, если бы не их нравственные аспекты. Человеческую

природу нельзя сводить к телесной оболочке, она имеет уникальное духовное содержание – нравственность, отличающую человека от животных, обеспечивающую его предназначение путем морального выбора, способствующего достижению сознательно поставленной цели. Даже если мы полагаем, что теория естественного отбора Ч. Дарвина, созданная дедуктивным методом и имеющая косвенные экспериментальные подтверждения, объясняет происхождение человека путем эволюционного развития, то вопрос о ценности и смысле его жизни всё равно остаётся открытым. А это главный вопрос любой этической системы. И кто может определить такую категорию как достойные условия жизни человека?

Поэтому если речь идёт об индивидуальной перфекционистской морали, то в случае с евгеникой и генетической инженерией нет никаких противопоказаний. Желание отдельного субъекта реализуемо, если оно никак не затрагивает интересы других людей, например, биотехнологии на уровне фенотипа (красивое тело и т. п.), на генотипическом уровне встает вопрос об ответственности перед будущими поколениями, но и он может быть снят, если изменение не передаваемо по наследству (уникальная мутация). Что же касается морали в общественной форме её проявления, то здесь возникает большие трудности в связи с плюрализмом её интерпретаций. Чаще всего в основания нравственных отношений конкретного типа общества закладывается понятие «справедливость». По мнению одного из ведущих отечественных специалистов в области этики А.А.Гусейнова, справедливость – «нравственно приемлемая мера конфликтности человеческих взаимоотношений во всех их общественно значимых разновидностях (от межличностной сферы до международных отношений)» [1, с. 458]. Показательно, что известный немецкий философ Ю. Хабермас, посвятивший большое количество исследований проблемам евгеники и генетической инженерии, тоже называет моральными вопросы справедливой совместной жизни [2]. При таком подходе круг проблем этического дискурса сужается до рассмотрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей, а власть, выступающая регулятором справедливых отношений, диктует общественные моральные идеалы и способствует регулированию нравственных конфликтов. Здесь смыкаются этические и политические аспекты жизнедеятельности социума, обеспечивающего благополучное существование человеческого рода.

Однако при такой расстановке акцентов существует большая вероятность различных трактовок понятия справедливость в соответствии с представлением об общественном благе как выражении государственных интересов. Подобного рода опасения были высказаны еще Платоном в диалоге «Государство»: «Справедливость, утверждаю я, это то, что пригодно сильнейшему... В каждом государстве силу имеет тот, кто у власти. Устанавливает же законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, так же и в остальных случаях. Уста-

новив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – это и есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости» [3, с. 23]. Таким образом, неопределенность содержания понятий «справедливого» и «благого» в итоге приведёт к искажению представлений о добре и зле, а границы морально допустимого станут подвижными, зависимыми от ценностных приоритетов в отдельном государстве.

Подобные рассуждения демонстрируют приоритет абсолютистской морали в политической жизни, когда государство полностью подчиняет ее политическим интересам правящей элиты, объявляет себя выразителем божественной воли. Возникает парадоксальная ситуация, когда этический релятивизм трансформируется в этический абсолютизм, а государство, создающее сильные законы, фактически принимает на себя функции божественной власти. Такая политическая ситуация накладывает полный запрет на евгенические исследования и генную инженерию. Поэтому, на наш взгляд, табуирование евгеники в прошлом было связано с идеализацией нравственных отношений и абстрагированием морали от конкретных условий жизни людей, её претензией на универсальность и всеобщность, что порождало невозможность прикладных исследований и существования биоэтики вообще. Сомнения в статусе евгеники и генной инженерии обусловлены трудностью установления так называемой «антропологической сущности», которая свойственна всем представителям рода *homo sapiens*, помимо морфологического и физиологического сходства: именно она, пока еще не отлитая в формулировки и мало определенная, противится «видовому» признанию.

Биотехнологии и утилитаристская мораль.

Представляется крайне важным для биоэтики вопрос, может ли «технизация» человеческой природы изменить понимание человека как особого биологического вида таким образом, что он не будет способен идентифицировать себя в качестве этически свободного среди морально равных себе существ? Действительно, каждый индивид уникален и неповторим. Посредством саморефлексии мы идентифицируем себя как индивидуальность (и личность), которая при этом является и физическим телом. Вследствие биотехнологических селективных изменений может возникнуть экосистемное нарушение в самом обществе, которое приведёт к новому, не обязательно позитивному, типу межличностных отношений.

Очевидно, что остановить прогресс науки и техники невозможно. Анализируя историю развития медицины, можно перечислить множество примеров, когда инновации не принимались обществом и только после долгих эмпирических проверок, связанных со спасением человеческих жизней, органично влились в нашу практику и уже не кажутся нам чуждыми (переливание крови, трансплантация органов и т.п.). Кроме того, научное любопытство склонно оправдывать исследования ученых, связан-

ные с расшифровкой генома человека и других живых существ. Если раньше подобного рода исследования казались неосуществимыми, то сегодня их практическое воплощение приобрело широкие масштабы, стало жизненно необходимым. В частности, можно назвать разработку новых препаратов для лечения тяжелых генетических заболеваний и бактериальных инфекций (COVID 19). Обсуждение этих проблем биоэтики в отечественных СМИ стало жизненной необходимостью в условиях сложной эпидемиологической ситуации в России и в мире.

На наш взгляд, как предвосхищение евгеники, так и освещение проблем, приведших к реализации ее программы в современной генной инженерии, обнаруживается на страницах художественных произведений, относящихся к жанру научной фантастики, переходящей в политическую публицистику. Потому на примере анализа сюжетов некоторых произведений целесообразно акцентировать некоторые положения, способствующие толерантному отношению к этим направлениям современных биотехнологий.

Селекция и искусственный отбор различного рода растений и животных с целью улучшения их полезных для нас качеств заставляют невольно задумываться о подобных экспериментах и над самим человеком. Более того, пока философы, учёные, политики и священнослужители обсуждали этическую составляющую проблемы, они не заметили, как достижения генной инженерии проникли в нашу жизнь. Так, «трансгенным продуктом, наряду с соей, кукурузой и картофелем, становится и... человек», о чём повествует получившая широкую известность книга М. Крайтона «Next», которую можно отнести к жанру научной фантастики или современной антиутопии. Он показывает, как последовательно открываются, а затем «выводятся» различные гены: «послушания, агрессивности и даже ген “хозяина”». Всё это заставляет с оптимизмом смотреть в будущее, потому что «кажется, вот-вот отступят наследственные болезни, с которыми прежде не удавалось справиться, – уверенно говорят бесстрашные экспериментаторы» [4, с. 7]. Генетические модификации приводят к тому, что создаётся «усовершенствованный потомок Адама и Евы, человек Next». Это приводит к необратимым последствиям, и в результате страдают не только жители планеты, но и его создатели [4, с. 8].

И если М. Крайтон подчеркивает, что эксперименты всё-таки изначально были направлены на достижение благих целей, которые позволят человеку не просто стать физически лучше и совершеннее, но и справиться со многими неизлечимыми заболеваниями, то в книге М. Этвуд «Безумный Адам» дана иная картина. Там роль творца берёт на себя один из главных героев Коростель – он проводит эксперименты над собственными детьми, считая себя «биоинженерным гением». Он пытается воспроизвести в них, как сам полагает, лучшие жизнеспособные качества, убивая некоторые эмоции и культивируя определенные физиологические приспособле-

ния. Они «не знают ни ревности, ни жадности, ни потребности в одежде, репелленте от насекомых и животном белке – ничего из того, что, по мнению Коростеля, не только портило жизнь человеческому роду, но и сгубило окружающую среду на Земле». Более того, «Коростель постарался лишить детей способности к символическому мышлению и музыке, но они умеют петь (в весьма оригинальном, ни на что не похожем стиле) и выработали систему религиозных верований» [5, с. 12]. То есть человек в соответствии с собственными представлениями о «достойной жизни» пытается выстроить совершенных для проживания в сообществе людей, что также приводит к негативным результатам.

Однако если речь заходит о качестве собственной жизни, то человек готов этим пожертвовать, но каждому хочется видеть (и Коростель не является исключением), как достойно живёт его ребёнок. «И если завтра вам предложат *улучшить* своих детей, приспособить их к той или иной профессии – неужели вы откажетесь?» [6, с. 5] – таким вопросом задаётся писатель-фантаст С. Лукьяненко, полагая, что большинство ответит «да», и с сожалением отмечая, что «самое печальное состоит в том, что именно по этому пути человечество упрямо движется уже сегодня» [6, с. 5].

Ради профессионального успеха, достижения желаемого места в жизни, человек жертвует собственной свободой: выбора, чувств, самосовершенствования. Такую модернизацию и одновременно предопределённость мира автор с явным пессимизмом описывает в своём романе «Генном». По его мнению, страшно будущее человечества, «в котором произошло разделение общества на натуралов, спецов и клонов». «Спецы – это генетически модифицированные люди, которых изменили для выполнения определённых задач, например, для работы в зоне повышенной радиации, без вреда для здоровья; для безопасного погружения на большую глубину. Ещё до рождения родители выбирают спецификацию своего будущего ребёнка» [6, с. 15]. Не напоминает ли это платоновскую мысль об утопическом «идеальном государстве»? «Натуралы – люди, у чьих родителей нет денег на подобные модификации, или же они считают неприемлемым вторжение в организм ребёнка. Клоны – это организмы, полученные в результате клонирования» [6, с. 24]. Все эти особи пытаются вместе сосуществовать, однако многим из них недоступна эмоциональность – они пожертвовали ею ради культивирования определённых способностей. Пытаясь жить разумно и правильно, человечество не заметило, как перешло границы морально дозволенного, когда понятия добро и зло потеряли своё истинное содержание. Высказывая свои опасения по отношению к исследованиям подобного рода С. Лукьяненко намеренно, пользуясь «тем инструментарием, что доступен писателю-фантасту, довёл ситуацию до крайности» [6, с. 6].

Также существует ряд фантастических произведений, в которых евристические исследования имеют «благую» общественную цель - объявляются неизбежным единственным средством спасения человечества от вымирания. В книге Дж. Роллинса «Шестое вымирание» используется эсхатологический миф о конце света. Предполагается, что на нашей планете с самого начала её существования периодически происходили катастрофы, когда все живое погибало, исчезало. Учёные насчитывают пять таких периодов. При этом эволюция растительного и животного мира Земли меняла свой путь. «Многие из специалистов убеждены, что в самом скором времени Землю ждет очередное, шестое вымирание. Группа «Сигма» во главе с ее директором Пейнтером Кроу стоит на стороне тех, кто всеми силами стремится предотвратить новый коллапс – или, по крайней мере, отсрочить его. Но есть и такие люди, кто, напротив, желает приблизить шестое вымирание, чтобы, очистив планету от всего лишнего, начать строительство мира заново. И эти сторонники вымирания приготовили всему живому на Земле страшный сюрприз...» [7, с. 4]. В книге показано, как в погоне за созданием лучших для планеты экземпляров людей легко потерять не только тело, но и душу - нравственный облик человека. Это известно из реальных исторических примеров - экспериментов немецких фашистов над узниками концлагерей.

Ещё одно фантастическое произведение «Год зеро» начинается с того, что на свет вырывается вирус-убийца, содержащийся в реликвии библейских времен, которая когда-то была украдена и продана. Иммунитет к нему у человечества был утрачен, поэтому начинают умирать миллионы людей. «Единственную зыбкую надежду дает проект “Год зеро”, располагая всем необходимым для клонирования людей, погребенных две тысячи лет назад. Возможно, останки, найденные на Голгофе, сохранили в себе генетический след, по которому можно воссоздать спасительные антитела. И вот клоны рождены и выращены до полной зрелости. В сущности, это просто лабораторные крысы в человеческом обличье» [8, с. 19]. Когда речь заходит о спасении человеческих жизней, в частности, защите детей от смертельных генетических заболеваний, то в этом случае нормы нравственного сознания могут трансформироваться, допускать смягчение некоторых запретов на исследования в сфере генетической инженерии.

Эта идея нашла своё отражение в книге Питера Джеймса «Убийственное совершенство». У четы Клаэссон умирает четырехлетний сын, имевший от рождения редкое генетическое заболевание. Родители решают обратиться в закрытую клинику, к генетику, доктору Лео Детторе, который обещает помочь, проведя уникальную процедуру, «не признанную научным миром, — сформировать генетический код их следующего ребенка, в буквальном смысле спроектировать идеального человека» [9, с. 49]. Родители хотели всего лишь здорового ребёнка, а «то, что они получили, оказа-

лось сущим кошмаром...» [9, с. 92]. С этого момента их жизнь превращается в ад: мало того, что их преследуют религиозные фанатики, общественные деятели, противники евгеники, но и «появившиеся на свет дети обладают столь пугающими способностями, что только добавляют родителям проблем...» [9, с. 125].

Необходимо отметить, что эти книги являются наиболее ярким отражением основных проблем, которые связаны с биотехнологическим улучшением «человеческой расы». В упомянутых произведениях обозначены разные цели, которые преследуют современные исследования в области генетической инженерии. Здесь и наука ради науки, и спасение человечества от вымирания, и достойная, правильная жизнь общества без негатива и человеческого «мусора», и желание помочь людям, и спасти своих детей и т.д. Мы слышим один и тот же лейтмотив, связанный с непризнанием симбиоза человеческого тела и технических устройств, а также допустимости его генных модификаций.

Несмотря на то что подобные перспективы кому-то покажутся довольно заманчивыми, они таят в себе вероятность непредвиденных последствий, от появления киборгов до программирования человеческого генома, в силу чего люди перестанут быть в полном смысле личностями и уподобятся полуроботам, у которых нет моральных ограничений. Эта этическая проблема с особой остротой была поставлена в произведениях писателей-фантастов, но сегодня она обсуждается политиками и широкой общественностью как реальная угроза для человечества.

Следует отметить, что мы обращались к художественному нарративу со свойственным ему вымыслом и гиперболой. Возможно, в реальности при строго научном подходе и жестком юридическом надзоре ничего подобного не произойдет. Уместно привести в пример изобретение ядерного оружия как результат научных открытий расщепления ядра атома. Здравомыслящие политики и военные осознают возможные риски и последствия его применения, а нравственное сознание и прагматическая позиция не позволяют им воспользоваться.

Юридический запрет на биотехнологические эксперименты с человеческим организмом связан со способами и масштабами их применения: моральная допустимость вмешательств в генные структуры будущих людей, должна иметь свои границы оправдания. Научное сообщество должно выработать представления об антропологических характеристиках, пределах человеческого существа как биологического вида. Однако, как показывает практика, со временем данные границы все более расширяются, и едва ли возможно объять и предвидеть все варианты конкретных воплощений человека, а тем более рационализировать и предложить ориентироваться на них, если это противоречит устоявшимся представлениям о сущности человека.

Можно ли изменить установки нравственного сознания, которое однозначно налагает запрет на евгенику и не одобряет научные эксперименты в области генной инженерии? Что же одержит верх: потребности развития науки или неизменные нормы абсолютистской морали, научно-технический прогресс или традиционные высшие ценности? Не имеет ли сама мораль биологических истоков [10, с. 115]?

Таким образом, несмотря на то что требования морального абсолютизма далеко не всегда выдерживают критику, их сила остается значимой, в том числе и в содержании юридических запретов. Действительно, утилитаристский (партикуляристский) подход является соломинкой для спасения генетических исследований, пребывая при этом в конфликте с деонтологическими (абсолютистскими) представлениями о морали. А сама проблема неприятия так называемой либеральной евгеники, на наш взгляд, связана с тем, что речь идет не о спасении человеческих жизней. Другое дело, в медицинской практике, в процессе которой приходится расширять границы моральных аргументов, здесь партикуляризация морали может быть оправдана в рамках снижения некоторых требований. Замысел искусственного продления и улучшения качества жизни, построенного на модификации генотипов, представляется заманчивой, но сомнительной перспективой, связанной скорее не с альтруизмом, а с эгоизмом человека, что с позиции абсолютистской морали не всегда может быть оправданно, т. к. мораль в этом случае должна выступать «убежищем от случайности».

Однако парадокс заключается в том, что, если будет раскрыт секрет эволюции, и обнажится тайна человеческого генома, сама мораль может утратить этический абсолютизм как фундаментальное основание своей духовной субстанциальности.

Список литературы

1. Гусейнов А.А. Справедливость // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 457–460.
2. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь Мир», 2002. 144 с.
3. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
4. Крайтон М. Next. М.: Эксмо, 2007. 448 с.
5. Этвуд М. Безумный Адам. М.: Эксмо, 2020. 512 с.
6. Лукьяненко С. Геном. М.: Издательство АСТ, 2018. 763 с.
7. Роллинс Дж. Шестое вымирание. М.: Эксмо. 2016. 576 с.
8. Лонг Дж. Год зеро. М.: Эксмо, Домино, 2012. 110 с.
9. Джеймс П. Убийственное совершенство. М.: Центрполиграф, 2015. 448 с.

10. Абрамова А.В. Генетика и мораль: к вопросу о детерминированности нравственного поведения // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 1. С. 115–121.

Абрамова Виктория Олеговна, студент, victoriya.loo@yandex.ru, Россия, Москва, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова,

Абрамова Анастасия Владимировна, канд. филос. наук, доц., anastya7@yandex.ru, Россия, Москва, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

*ETHICAL PROBLEMS OF GENETIC ENGINEERING:
PARADOXES OF SCIENCE AND FICTION*

V. O. Abramova, A. V. Abramova

The article deals with the opposition of ethical absolutism and ethical relativism as the foundations of social and individual morality in relation to the possibilities of genetic engineering development. Questions of ethical limitations of such scientific research in modern society cause heated discussions among scientists and politicians. The authors of the article consider the main problems and prospects of genetic research from the moral point of view.

Key words: morals, ethics, bioethics, ethical absolutism, ethical relativism, eugenics, genetic engineering, biotechnologies.

Abramova Victoria Olegovna, student, victoriya.loo@yandex.ru, Moscow, Russian national research medical University named after N. I. Pirogov,

Abramova Anastasiya Vladimirovna, candidate of philosophical science, docent, anastya7@yandex.ru, Russia, Moscow, Plekhanov Russian University of Economics

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Малик Е. Н., Голубинский Е. Ю., Костенко В. В.

К вопросу о полноценной интеграции
русской молодежи в политический процесс.....3

Шаламова Л. Ф., Лесконог Н. Ю.

О гражданской идентичности студентов
как факторе гражданско-патриотического
воспитания современной молодежи.....17

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Болотина И. И.

Соотношение государственно-гражданской,
региональной и этнической идентичностей
в современной России.....28

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алексеев А. А., Дорохова Ю. В., Михалев И. В.

Дифференциация поведенческих практик
и социально-психологических характеристик
бедного и небедного населения в условиях
трансформации социальной структуры русского общества.....38

Коннова З. И., Семенова Г. В.

Проблемы социализации
в процессе иноязычного обучения
студентов неязыковых специальностей.....51

Шиняева О. В., Тихонова Ю. А.

Средний класс в русском
социальном пространстве и динамика его изменения62

Савинова А.В.

Динамика функций
и функциональности инженерного образования
России в современных условиях.....77

Твилова Ю. А., Белянкова Е. И.

О некоторых тенденциях гуманитаризации
образования (на основе результатов
ЕГЭ по обществознанию).....90

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Дьяков А.В.

Психологизм и антипсихологизм
в истории философии и гуманитарных науках.....99

Казаченко К. Ю.

К проблеме качества вечной жизни
в рамках философии Н. Ф. Фёдорова.....108

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Артемяева А. А.

Digital-сознание
в формулах антропологического отчуждения:
анализ современных интерпретаций.....120

Абрамова В. О., Абрамова А. В.

Этические проблемы генной инженерии:
парадоксы научного и фантастического129

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 3

Редактор Т. А. Лаврынкина

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97.
Подписано в печать 21.09.20. Дата выхода в свет 30.09.20.
Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,9
Тираж 500 экз. Заказ 115.
Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ.
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95